

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА № 2 2021 г.

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Главный редактор:

Потапенко С.В., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Заместитель главного редактора:

Луцарев Е.Б., доктор юридических наук, профессор, академик ЕААН, КубГУ

Ответственный секретарь:

Швец А.В., кандидат юридических наук, КубГУ

Члены редакционного совета:

Адыгезалова Г.Э., доктор юридических наук, доцент, КубГУ

Анисимов А.П., доктор юридических наук, профессор, Волгоградский государственный университет

Буэно Ж.Г.Р., профессор гражданского права, Просветерианский университет Маккензи (Федеративная Республика Бразилия)

Гладышева О.В., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Гусев А.В., доктор юридических наук, доцент, Краснодарский университет МВД России

Дзидзов Р.М., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Добробаба М.Б., доктор юридических наук, доцент, КубГУ

Долгива-Клепацкая А., доктор юридических наук, профессор, Белостокский университет (Республика Польша)

Жеребцов А.Н., доктор юридических наук, доцент, Краснодарский университет МВД России

Жинкин С.А., доктор юридических наук, доцент, КубГУ

Камышанский В.П., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университета им.

И.Т. Трубилина

Киреева Е.Ю., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте РФ

Коняхин В.П., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Копецкий М., доктор юридических наук, профессор, Карлов университет (Чешская Республика)

Костенко Р.В., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Лозовский Д.Н., доктор юридических наук, доцент, КубГУ

Мешко Г., доктор права, профессор, Мариборский университет (Республика Словения)

Нудненко Л.А., доктор юридических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при

Президенте РФ

Позднышов А.Н., доктор юридических наук, профессор, Ростовский экономический университет

Прапиестис И., доктор права, профессор, Вильнюсский университет (Литовская Республика)

Прохоров Л.А., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Прохорова М.Л., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Пицц А., доктор права, профессор, Белостокский университет (Республика Польша)

Попова Ю.А., доктор юридических наук, профессор, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия

Руденко А.В., доктор юридических наук, доцент, КубГУ

Рыженков А.Я., доктор юридических наук, профессор, Калмыцкий государственный университет

Семенов В.А., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Слесарев В.Л., доктор юридических наук, профессор, Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина

Соловей Ю.П., доктор юридических наук, профессор, Сибирский юридический университет

Срето Н., доктор права, профессор, Ассоциация международного уголовного права Республики Сербия (Республика Сербия)

Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет

Фунта Р., доктор права, Высшая школа Данубиуса (Словацкая Республика)

Щенникова Л.В., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Шмейкал В., доктор права, доцент, Университет «Шкода авто» (Чешская Республика)

Издатель:

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Редакция не несет ответственности за информацию, опубликованную в рекламных объявлениях

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых материалов.

При использовании материалов ссылки на журнал «Юридический вестник Кубанского государственного университета» обязательны.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 20.04.2012 г.

Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС 77-49493 ISSN: 2078-5836.

Digital object identifier (DOI): <http://doi.org/10.31429/20785836>.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК Миннауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук со 2 декабря 2019 г.

Журнал публикует основные результаты научно-исследовательской и научно-практической деятельности по отрасли науки – Юридические науки (группа специальностей – 12.00.00 Юридические науки; научные специальности: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право; 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; 12.00.09 – Уголовный процесс; 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность; 12.00.14 – Административное право; административный процесс; 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс

Сайт журнала: <http://urvkubsu.elpub.ru>

Адрес редакции: 350000 г. Краснодар, ул. Рашилевская, 43, Тел.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре КубГУ: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Подписано в печать

Усл. печ. л. 4,7. Тираж 100 экз. Заказ №

Входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Возрастное ограничение: для лиц, старше 16 лет

На обложке журнала использовано изображение с ресурса <https://crello.com>

© «Юридический вестник Кубанского государственного университета», 2021.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО;
КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС
МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

**ИНСТИТУТ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ «СИРИУС»)**

**INSTITUTE OF FEDERAL TERRITORIES
IN THE RUSSIAN FEDERATION
(BY THE CASE OF THE FEDERAL TERRITORY «SIRIUS»)**

DOI: 10.31429/20785836-13-2-2-8

***Дзидзоев Руслан Мухарбекович**
доктор юридических наук, профессор
профессор кафедры конституционного и муниципального права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ID ORCID: 0000-0002-5229-4413*

***Dzidzoev Ruslan Mukharbekovich**
Doctor of Law, Professor
Professor of the Constitutional and Municipal Law Department
Kuban State University*

Аннотация: Целью данной статьи является исследование института федеральных территорий, ставших элементом российского федерализма в соответствии с последней редакцией Конституции Российской Федерации. Для достижения указанной цели ставятся такие задачи, как анализ территориальной природы федеративного государства в его географическом и политико-территориальном отношениях; исследование зарубежного опыта функционирования федеральных территорий в их видовом разнообразии; исследование статуса первой федеральной территории «Сириус», как имеющего общегосударственное стратегическое значение публично-правового образования, в том числе его цели, правовые основы деятельности, территория, организация публичной власти, реализация местного самоуправления.

В статье использована современная методология научного познания, включающая как общенаучные методы, так и частно-научные, совокупность которых позволила охарактеризовать федеральную территорию как новое и значимое явление российского федерализма.

Новизна исследования предопределяется новизной самого института федеральной территории, впервые получившего конституционное признание в России.

К результатам исследования можно отнести формулирование научно-практических предложений по конструированию механизмов образования федеральных территорий в России с учетом прав и интересов субъектов Российской Федерации.

Исследование сопровождается выводами, вытекающими из анализа института федеральных территорий и его реализации в России, в частности, определение федеральной территории, как элемента российского федерализма, характеризующего политико-территориальное построение Российской Федерации; определение федеральной территории как отдельной и самостоятельной части территории Российской Федерации, особый территориальный элемент федеративного устройства России; необходимость принятия модельного закона о федеральных территориях, определяющего механизм выделения федеральной территории из субъекта Федерации, общие начала построения и организации федеральной территории, систему ее органов, взаимодействие с федеральными и региональными органами государственной власти; наличие у органов публичной власти на территории публично-правового образования «Сириус» признаков как государственных органов, так и органов местного самоуправления, их принадлежность к самостоятельному виду органов публичной власти.

Ключевые слова: территориальная организация государства, территория Российской Федерации, федеральная территория, публично-правовое образование «Сириус», органы публичной власти.

Annotation: The aim of this article is to analyze the federal territories which have become an element of Russian federalism in accordance with the latest revision of the Constitution of the Russian Federation. The objectives of the study include an analysis of the territorial nature of the federal state in its geographical and political and territorial relations; study of foreign experience in the functioning of federal territories in their species diversity; study of the status of the first federal territory "Sirius", as having the national strategic importance of public legal education, including its goal, the legal basis of activities, the territory, the organization of public authority, the implementation of local self-government.

The research methodology includes both the general scientific methods of cognition and private scientific means: a formal legal, comparative legal, systemic, whose combination has allowed to characterize the federal territory as a new and significant phenomenon of Russian federalism.

The originality of the study is predetermined by the novelty of the institute of the federal territory, which first received constitutional recognition in Russia.

The results of the study include the formulation of scientific and practical proposals for the construction of mechanisms for the formation of federal territories in Russia, taking into account the rights and interests of the subjects of the Russian Federation.

The study is accompanied by conclusions arising from the analysis of the Institute of Federal Territories and its implementation in Russia, in particular, the definition of a federal territory as an element of Russian federalism, which characterizes the political and territorial construction of the Russian Federation; determination of the federal territory as a separate and independent part of the territory of the Russian Federation, a special territorial element of the Federal Device of Russia; the need to adopt a model law on federal territories determining the mechanism for the allocation of the federal territory from the subject of the federation, the general principles for the construction and organization of the federal territory, the system of its bodies, interaction with federal and regional authorities; Availability of public authorities in the territory of public-legal education "Sirius" of signs of both government agencies and a local government body, their belonging to the independent type of public authorities.

Keywords: territorial organization of the state, territory of the Russian Federation, federal territory, public law entity «Sirius», public authorities.

Введение

Территория государства, как географическое пространство, в своем составе включает сухопутную, водную и воздушную части, очерчиваемые государственной границей.

В правовом отношении территория государства представляет собой географический предел государственного властвования, территориальное выражение государственного суверенитета. Как указывает Конституционный Суд РФ, территория определяет прежде всего пределы распространения властных полномочий различного уровня и характера¹.

Территория федеративного государства представляет собой системное территориальное целое, состоящее в своей основе из территорий субъектов федерации, как политико-территориальных образований, разделенных административными границами. Территории субъектов федерации оказываются совмещенными с территорией федерации, пребывая в режиме территориального

верховенства федеральной власти. Как указывает Конституционный Суд, на одной и той же территории функционируют федеральная власть, власть субъектов Российской Федерации, власть местного самоуправления нескольких уровней, что, соответственно, обуславливает разграничение их полномочий².

Территория субъектов федерации образует политико-территориальную часть государства, наряду с которой существует природно-географическая часть: воздушное пространство и водное пространство, находящиеся в исключительном федеральном ведении. В п. «б» ст. 71 Конституции РФ последовательно указывается, что в ведении Российской Федерации находится территория Российской Федерации, то есть взятая в совокупности ее составных частей. «Закрепление субъектного состава федерации, – отмечает С.В. Праскова, – определяет ее политико-территориальное устройство, но вовсе не исключает наличие территориальных частей,

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 1997 г. № 12-П «По делу о толковании содержащегося в части 4 статьи 66 Конституции Российской Федерации положения о вхождении автономного округа в состав края, области» // Российская газета. 22 июля 1997 г.

² Там же.

которые могут находиться под непосредственным управлением федерации, не входя в границы какого-либо ее субъекта» [9, с. 30].

Из подобного понимания территории государства исходит Конституция Российской Федерации, устанавливая, что территория Российской Федерации включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними (ч. 1 ст. 67)³, определенно разделяя, таким образом, территории субъектов федерации и территории природно-географического плана, не входящие в территорию субъектов Федерации. Следовательно, территория субъектов Российской Федерации занимает только сухопутную часть территории государства, определяемую границами субъектов Федерации.

А.Н. Чертков отмечает ограниченность приведенной конституционной формулы, справедливо полагая, что в состав территории Российской Федерации в качестве природного объекта в соответствии с международным правом входят недра [12, с. 38].

В состав территории Российской Федерации следует включить также континентальный шельф и исключительную экономическую зону, в отношении которых Российская Федерация обладает суверенными правами (ч. 2 ст. 67 Конституции РФ).

В некоторых федеративных государствах наряду с субъектами федерации выделяются т.н. *федеральные территории* (федеральные территориальные единицы), образующие отдельный сегмент политико-территориальной организации государства. Федеральная территория не входит в территорию субъектов федерации, состоит только из сухопутной части и находится в исключительной юрисдикции федерального центра. Политическое назначение федеральных территорий состоит в обеспечении и обслуживании разнообразных федеральных интересов, реализации федеральной компетенции в пределах государства.

Федеральные территории в их разнообразном выражении широко представлены в зарубежных федерациях [4, с. 30-37; 7, с. 56-61; 8, с. 345-348].

Прежде всего, это федеральные округа, в территориальных пределах которых размещаются столицы государств, например, федеральный округ «Колумбия» в Соединенных Штатах Америки. Федеральные округа обладают

внутренней автономией, имеют органы публичной власти, не достигая в то же время статуса субъектов федерации [15, с. 160-193; 14, с. 287-310].

Методы исследования

Методы исследования включают как общенаучные, так и частно-научные методы, такие как формально-юридический, использованный для определения политико-правовых признаков федеральной территории; сравнительно-правовой, позволяющий сравнить институт федеральных территорий в России и зарубежных странах; системно-структурный, предполагающий исследования федеральных территорий в системе современного федерализма и др.

Совокупность названных методов позволила охарактеризовать федеральную территорию как новое и значимое явление российского федерализма.

Результаты исследования

К результатам исследования можно отнести следующие выводы:

1. Федеральная территория представляет собой элемент российского федерализма, характеризующий политико-территориальное построение государства.

2. Федеральная территория в составе Российской Федерации представляет собой отдельную и самостоятельную часть территории Российской Федерации, не входящую в территорию субъекта Российской Федерации, территориальный элемент федеративного устройства России.

3. Конституция РФ предполагает принятие рамочного закона о федеральных территориях, который не могут заменить статусные законы об отдельных федеральных территориях. Справедливо отмечается, что отсутствие общего нормативно-правового акта, регулирующего процесс образования федеральной территории, серьезно усугубляет те конституционно-правовые изъяны, которые сформировались в связи с масштабными изменениями основного закона Российской Федерации [11, с. 59].

Подобный закон будет определять механизм выделения федеральной территории из субъекта Федерации, общие начала построения и организации федеральной территории, взаимодействие с федеральными и региональными органами государственной власти.

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // <http://www.pravo.gov.ru>, 4 июля 2020 г. (дата обращения - 16 апреля 2021 г.).

4. Органы публичной власти на территории публично-правового образования «Сириус» обладают признаками как государственных органов, так и органов местного самоуправления, образуя самостоятельный вид органов публичной власти.

Научная дискуссия

Отечественная конституционно-правовая наука в практике территориального строительства в России выделяла отдельные территории с особым правовым статусом, по существу состоящими в федеральном управлении.

К таким территориальным единицам относят инновационный центр «Сколково», статус и деятельность которого далеко вытекают за рамки ведения субъектов Федерации [5, с. 20]; наукограды; закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО), в которых действует усиленный режим федерального управления; территории опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации (ТОСЭР).

Подтверждением особого статуса отдельных территорий субъектов Российской Федерации являются положения Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», предполагающие принятие специальных федеральных законов, регулирующих особенности осуществления полномочий органов государственной власти субъекта Российской Федерации на территории инновационного центра «Сколково», на территориях опережающего социально-экономического развития, на территориях инновационных научно-технологических центров (ст. 26-1), что придает этим территориям федеральное значение [2, с. 33].

Названные выше территориальные образования, тем не менее, не являются федеральными территориями в собственном смысле, поскольку входят в территорию конкретных субъектов Федерации.

Понятие федеральной территории впервые появилось в Конституции РФ в редакции от 14 марта 2020 г. [16, с. 60-83].

Согласно новой редакции Основного Закона на территории Российской Федерации в соответствии с федеральным законом могут быть созданы федеральные территории. Организация публичной власти на федеральных территориях устанавливается указанным федеральным законом (ч. 1 ст. 67). Как отмечается в литературе, институт федеральных территорий является новым для Российской Федерации, не

тождественным федеральным округам, под данным термином понимается территории, требующие особого управления, нормативно-правового регулирования, не входящие в состав никакого субъекта Российской Федерации [2, с. 73].

Возникает вопрос: идет ли в Конституции РФ речь о модельном федеральном законе, одинаково регламентирующим статус всех возможных федеральных территорий, или об отдельных статусных законах, принимаемых в отношении каждой федеральной территории?

Представляется, что Конституция РФ предполагает принятие рамочного закона, поскольку в ней говорится о «федеральных территориях», которые должны руководствоваться какими-то базовыми началами организации и деятельности, подобно субъектам Федерации, объединяемым модельным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», допускающим в то же время статусное многообразие субъектов Федерации.

Конституционная формулировка при этом не исключает принятия частных законов о федеральных территориях, что подтверждается текущей законодательной практикой.

Конституционная норма о возможности создания на территории Российской Федерации федеральных территорий получила свою реализацию в Федеральном законе от 11 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус»» (далее – Федеральный закон № 437-ФЗ).

Федеральный закон № 437-ФЗ федеральную территорию «Сириус» определяет как имеющее общегосударственное стратегическое значение публично-правовое образование, что выдает федеральную природу территории.

Правовое положение «Сириуса» связывается с организацией местного самоуправления на его территории, как универсального принципа организации публичной власти в России.

Согласно Федеральному закону № 437-ФЗ словосочетания «федеральная территория "Сириус"» и «муниципальное образование городской округ Сириус» используются в одном значении, если иное не предусмотрено законом. Вновь созданные органы публичной власти федеральной территории «Сириус» обеспечивают непрерывность осуществления функций и решения задач местного самоуправления на соответствующей территории (ч. 4 ст. 47).

В то же время, «Сириус» не является муниципальным образованием, соответственно, его органы не являются органами местного самоуправления. «Сириус» является публично-правовым образованием федеральной принадлежности, не входящим в систему органов местного самоуправления или субъекта Федерации, о чем свидетельствует его компетенция, ориентированная на решение вопросов, прежде всего, федерального значения.

Полномочия субъекта Федерации (Краснодарского края) «Сириус» осуществляет только в субсидиарном порядке, если они переданы ему нормативными правовыми актами Краснодарского края (п. 1 ч. 4 ст. 8).

В то же время органы «Сириуса» вправе осуществлять полномочия органов местного самоуправления городского округа, определенные Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», другими федеральными законами (п. 5 ч. 1 ст. 8).

Это не превращает «Сириус» в муниципальное образование, но позволяет населению реализовать на данной федеральной территории право на местное самоуправление.

В федеральной территории «Сириус» создаются собственные органы публичной власти, наделенные соответствующей компетенцией, такие как

Совет федеральной территории «Сириус» - представительный орган федеральной территории, возглавляемый председателем Совета федеральной территории; администрация федеральной территории «Сириус» - исполнительно-распорядительный орган федеральной территории, возглавляемый главой администрации.

При этом образование органов публичной власти федеральной территории «Сириус» осуществляется при непосредственном участии федеральной власти, что не свойственно формированию органов местного самоуправления.

Так, Совет федеральной территории «Сириус», как представительный орган, формируется сроком на пять лет в составе 17 членов, из которых девять избираются в соответствии с законодательством Российской Федерации о выборах на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании; три назначаются главой государства; три - Правительством Российской Федерации; один - губернатором Краснодарского края (ч. 1 ст. 17).

Выборы членов Совета федеральной территории «Сириус» проводятся на общих

демократических принципах, свойственных российской избирательной системе [13, с. 232- 240].

Важно определить публичную принадлежность органов федеральной территории «Сириус». Как мы отметили ранее, они не являются органами местного самоуправления, хотя и могут осуществлять отдельные муниципальные полномочия. Можно ли их полагать органами государственной власти?

Федеральный закон № 437-ФЗ называет органы «Сириуса» органами публичной власти федеральной территории «Сириус», придавая им, таким образом, видовое значение.

Органы государственной власти и иные государственные органы, в отличие от «Сириуса», не наделены правами местного самоуправления. Это позволяет утверждать, что органы публичной власти федеральной территории «Сириус» представляют собой *самостоятельный вид* органов публичной власти, сочетающий признаки государственных органов и органов местного самоуправления.

Поскольку «Сириус» обладает статусом федеральной территории, постольку его территория не может входить в территориальные пределы Краснодарского края как субъекта Российской Федерации. Таким образом, с образованием федеральной территории «Сириус» территория Краснодарского края уменьшается на эту территорию.

Но изменение территории субъекта Российской Федерации, как представляется, должно осуществляться с согласия самого субъекта, исходя из принципа территориальной целостности субъекта Федерации Согласно Уставу Краснодарского края, из территории которого выделился «Сириус», территория края обладает внутренней целостностью (ч. 2 ст. 2).

Территориальная целостность субъекта Российской Федерации требует согласования вопросов образования федеральных территорий с субъектами Российской Федерации, получения их официального согласия на изменение своей территории. Мы вполне согласны с тем, что необходимо учитывать позицию регионов при определении правового положения федеральной территории, поскольку именно субъект Российской Федерации «теряет» часть своей территории, что может вызывать сложности при передаче объектов из государственной или муниципальной собственности, принятии нормативных правовых актов [6, с. 21].

Дача согласия субъекта Российской Федерации на изменение своей территории требует законодательной регламентации.

Справедливо отмечается, что сегодня законодательно установленная процедура учета мнения субъектов РФ при создании федеральной территории отсутствует [3, с. 38].

Механизм дачи согласия на изменении территории субъекта Федерации следует прописать в Федеральном законе «Об общих

принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Этот механизм должен включать принятие субъектом Федерации решения о согласии на изменение своей территории.

Список использованной литературы:

1. Данилова С.А. Федеральные территории в Российской Федерации в условиях конституционной реформы // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 69–73.
2. Дзидзоев Р.М. Вопросы федеративного устройства в обновленной Конституции России // Юридические исследования. 2020. № 7. С. 29–41.
3. Ежукова О.А. Территории с особым публично-правовым статусом как фактор федеративной политики России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 36–45.
4. Ирхин И.В. Федеральные территории и федеральные округа: смешение конституционно-правовых моделей // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 6. С. 30–37.
5. Комарова В.В. Особый правовой статус территорий в России (на примере инновационного центра «Сколково») // Российская юстиция. 2011. № 6. С. 44–47.
6. Кулешова Н.В., Козлова Н.В. Перспективы развития федеральных территорий в России // Современное право. 2021. № 1. С. 17–22.
7. Мархгейм М.В. Конституционные модели федеральных территорий: зарубежный опыт для российских перспектив // Социально-политические науки. 2020. № 3. С. 56–61.
8. Мусинова Н.Н. Федеральная территория: особенности, зарубежный опыт и российский проект // Самоуправление. 2020. № 5. С. 345–348.
9. Праскова С.В. Конституционное регулирование состава территории государства: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2011. № 6. С. 26–37.
10. Ребриков Д.Н., Посредник А.В. Федеральные территории: новый элемент территориального устройства России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 2. С. 58–61.
11. Чертков А.Н. О составе территории Российской Федерации // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2011. № 6. С. 38–44.
12. Adygezalova G.E., Dzidzoev R.M., Koytun O.A., Tereshchenko N.D., Shapiro I.V. The principle of voluntary participation of citizens of the Russian Federation in elections: Pros and Cons // Revista Inclusiones. 2020. № 7. С. 232–240.
13. Orrin G. No right is more precious in a free country: Allowing Americans in the district of Columbia to participate in national self-government // Harvard journal on legislation. № 45. С. 287–310.

References:

1. Danilova S.A. Federal territories in the Russian Federation in the context of constitutional reform // Constitutional and municipal law. 2021. № 1. Pp. 69–73.
2. Dzidzoev R.M. Questions of a federal structure in the renovated Constitution of Russia // Legal research. 2020. № 7. Pp. 29–41.
3. Ezhukova O.A. Territories with a special public-legal status as a factor of the federal policy of Russia // Constitutional and Municipal law. 2021. № 3. Pp. 36–45.
4. Irhin I.V. Federal areas and federal districts: mixing constitutional and legal models // Journal of foreign legislation and comparative law. 2017. № 6. Pp. 30–37.
5. Komarova V.V. The special legal status of territories in Russia (on the example of the Skolkovo innovation center) // Russian Justice. 2011. № 6. Pp. 44–47.
6. Kuleshova N.V., Kozlova N.V. Prospects for the development of federal territories in Russia // Modern Law. 2021. № 1. Pp. 17–22.
7. Marchheim M.V. Constitutional models of federal territories: Foreign experience for Russian prospects // Socio-political sciences. 2020. № 3. Pp. 56–61.
8. Musinova N.N. Federal territory: Features, Foreign Experience and Russian Project // Self-management. 2020. № 5. Pp. 345–348.
9. Praskova S.V. Constitutional regulation of the composition of the state's territory: a comparative legal study // Journal of foreign legislation and comparative law. 2011. № 6. Pp. 26–37.
10. Rebrikov D.N., Posrednik A.V. Federal territories: a new element of the territorial structure of Russia // Constitutional and municipal law. 2021. № 2. Pp. 58–61.
11. Chertkov A.N. On the composition of the territory of the Russian Federation // The journal of foreign legislation and comparative law. 2011. № 6. Pp. 38–44.
12. Adygezalova G.E., Dzidzoev R.M., Koytun O.A., Tereshchenko N.D., Shapiro I.V. The principle of voluntary participation of citizens of the Russian Federation in elections: Pros and Cons // Revista Inclusiones. 2020. № 7. Pp. 232–240.
13. Orrin G. No right is more precious in a free country: Allowing Americans in the district of Columbia to participate in national self-government // Harvard journal on legislation. № 45. Pp. 287–310.

14. Ravenhansen P. The constitutionality of dc statehood // George Washington Law Review. 1991. № 60. С. 160–193.

15. Shashkova A., Verlaine M., Kudryashova E. On Modifications to the Constitution of the Russian Federation in 2020. Russian Law Journal. 2020. № 8. С. 60–83.

14. Ravenhansen P. The constitutionality of dc statehood // George Washington Law Review. 1991. № 60. Pp. 160–193.

15. Shashkova A., Verlaine M., Kudryashova E. On Modifications to the Constitution of the Russian Federation in 2020. Russian Law Journal. 2020. № 8. Pp. 60–83.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

DIGITAL RIGHTS IN THE SYSTEM OF CIVIL RIGHTS OBJECTS

DOI: 10.31429/20785836-13-2-9-11

Потапенко Сергей Викторович

*доктор юридических наук, профессор
декан юридического факультета им. А.А. Хмырова
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ID ORCID: 0000-0003-3013-5072
Author ID: 57200339768
Researcher ID: AAB-5391-2021*

Potapenko Sergey Viktorovich

*Doctor of Law, Professor
Dean of the Faculty of Law. A.A. Khmyrova
Kuban State University*

Павлов Егор Алексеевич

*магистр юриспруденции
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ID ORCID: 0000-0001-6695-8965*

Pavlov Egor Alekseevich

*Master of Jurisprudence
Kuban State University*

Аннотация: Цифровые технологии видоизменяют многие сферы общественной жизни современного информационного общества. Гражданское право, выступая в качестве классической отрасли права, адаптируется к условиям широкого использования цифровых технологий. В статье цифровые права (digital rights) рассматриваются как один из объектов гражданского права.

Цель исследования: на основе имеющихся теоретических положений науки гражданского права проанализировать цифровые права как объекты гражданского права.

Методы: диалектический, формально-логический и другие общенаучные методы исследования; специально-юридические методы: формально-юридический, сравнительно-правовой.

Выводы: цифровые права как один из объектов гражданских прав – это существующие исключительно в информационной среде имущественные права, включая цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, а также названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

Ключевые слова: гражданское право; цифровые права; цифровые технологии; объект гражданских прав; цифровые финансовые активы.

Annotation: Digital technologies are transforming many areas of public life in the modern information society. Civil law acting as a classic branch of law is adapting to the conditions of widespread use of digital technologies. In the article digital rights are considered as one of the objects of civil law.

Purpose: to analyze digital rights as objects of civil law on the basis of the available theoretical provisions of the science of civil law.

Methods: dialectical, formal-logical and other general scientific research methods; special legal methods: formal legal, comparative legal.

Findings: digital rights as one of the objects of civil rights are property rights existing exclusively in the information environment including digital financial assets and utilitarian digital rights as well as obligatory and other rights named as such in the law the content and conditions of which are determined in accordance with the rules information system that meets the criteria established by law.

Keywords: civil law; digital rights; digital technologies; object of civil rights; digital financial assets.

Введение

На сегодняшний день цифровизация, а вместе с ней и ее результаты, выступают в качестве наиболее часто упоминаемого универсального явления, которое оказывает преобразующее влияние как на национальном, так и на международном уровне. Еще недавно цифровым технологиям на ранних этапах их внедрения присваивался временный вспомогательный статус, но уже сегодня они выступают в качестве самостоятельных элементов, изменяя не только структуру общества, но и подходы правового регулирования.

Как справедливо отмечает В.Д. Зорькин, развитие информационных технологий за два последних десятилетия ведет к формированию новой, так называемой цифровой реальности, поэтому «прежнее нормативно-правовое регулирование различных сфер социальной жизни нуждается в существенной модернизации», «зарождается новое право – «право второго модерна», регулирующее экономические, политические и социальные отношения в контексте мира цифр, больших данных, роботов, искусственного интеллекта» [5].

В юридической литературе обращается внимание на то, что «активное развитие информационных технологий и цифровизация влияют, в том числе и на гражданское право: появляются новые объекты в сфере интеллектуальной собственности, ставятся новые для правопорядка вопросы о регулировании цифровых активов (токенов, криптовалюты). Вызовы современности в некоторых случаях порождают необходимость пересмотра устоявшихся в цивилистике подходов и выработки новых, как в теории, так и на практике» [13].

Гражданское право, выступая в качестве классической отрасли права, адаптируется к условиям широкого использования цифровых технологий. В этой связи в настоящей статье цифровые права рассматриваются как один из объектов гражданского права.

Исходя из этого цель статьи состоит в том, чтобы на основе имеющихся теоретических положений науки гражданского права проанализировать цифровые права как объекты гражданского права.

Методы исследования

При написании статьи использовались диалектический, формально-логический и другие общенаучные методы исследования; специально-юридические методы: формально-юридический, сравнительно-правовой.

Выводы

Цифровые права как один из объектов гражданских прав – это существующие исключительно в информационной среде имущественные права, включая цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, а также названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

Литературный обзор

В рамках проведенных научных исследований поднимались вопросы о принадлежности информации, обрабатываемой с применением информационно-коммуникационных технологий [8, с. 69-82], о чрезмерном усложнении конструкции цифровых прав и цифровых свидетельств, а также о трудностях их использования в целях инвестирования [14, с. 105-109], анализировалась их оборотоспособность, успешность использования на практике [3, с. 10-15], рассматривались основные проблемы и недоработки отнесения цифровых прав к гражданскому законодательству нашей страны [9, с. 47-51], а также о самой правовой природе цифровых технологий [17].

Приведенные публикации показывают обоснованный интерес к проблеме правового регулирования цифровых прав как российскими, так и зарубежными исследователями.

Результаты исследования

Цифровые права как один из объектов гражданских прав – это существующие исключительно в информационной среде имущественные права, включая цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, а также названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

Сформулированные авторами результаты проведенного исследования могут послужить базой для дальнейших научных исследований вопросов реализации цифровых прав в информационной системе.

Научная дискуссия

Термин «объект» применяется в гражданском праве в нескольких вариантах: «объект гражданского правоотношения», «объект гражданских прав», «объект правового регулирования».

Вопрос о том, что именно относить к объекту права, а что – к объекту правоотношений, в теории является дискуссионным. Мы являемся сторонниками устоявшейся правовой позиции Ю. К. Толстого о том, что «объект нормы права и правоотношения, правоотношения и субъективных прав, и обязанностей, правоотношения и сделки, правоотношения и права собственности – это одно и то же» [12, с. 52].

С.А. Свирков определяет объекты гражданских прав (правоотношений) в качестве субстанций материального или идеального мира, отличающихся направленностью на них интересов участников соответствующих правоотношений, а также соответствующих требованиям оборотоспособности, и вследствие этого характеризующихся установлением для них в законодательстве определенных правовых режимов [11, с. 102–116].

Согласно ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) к объектам гражданских прав, в частности, относятся имущественные права, включая цифровые права¹.

Термин «цифровое право» заменил собой термин «токен», представляющий собой шифр, аналогичный ценной бумаге в цифровом мире. На этот счет в Пояснительной записке к законопроекту № 424632–7 указано: «Сущность «цифрового права» как новой юридической фикции близка к сущности ценной бумаги, поэтому под таким правом предлагается понимать совокупность электронных данных (цифровой код, обозначение), которая удостоверяет права на объекты гражданских прав (п. 1 новой ст. 1411 ГК РФ). Разумеется, цифровое право может удостоверить лишь права

на вещи, иное имущество, результаты работ, оказание услуг, исключительные права»².

С учетом имущественного характера цифровых прав вполне логичен вывод о том, что поскольку цифровые права можно отчуждать на условиях купли-продажи, а де-факто приравнять к вещам, то к такому объекту возможно применение вещного права. Поэтому цифровое право в качестве особого имущественного права будет являться полноценным объектом гражданских прав [7, с. 40–56].

Вместе с тем, в силу п. 1 ст. 141.1 ГК РФ цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

Поэтому цифровые права могут носить не только имущественный, но и обязательственный и иной характер, и существовать исключительно в информационной среде. Их еще можно называть имущественно-информационными правами [15, с. 40–45].

Как следует из ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» «цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права»³. Цифровые права (утилитарные цифровые права) могут приобретаться, отчуждаться и осуществляться в инвестиционной платформе.

Принятие данного Федерального закона обозначило ряд проблем в правовом регулировании цифровых финансовых активов (далее – ЦФА). Появилась необходимость в закреплении непротиворечивого понятийного аппарата, который должен мягко интегрироваться в существующее законодательство и отражать мировую практику. Многие термины, используемые криптосообществом, уже были изобретены и

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 1-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Проект федерального закона № 424632–7 «О внесении изменений в часть первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации (о цифровых правах)» // Система обеспечения законодательной деятельности // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7> (дата обращения - 20 мая 2021 г.).

³ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

успешно используются в мировой практике. Однако, в Законе о ЦФА вместо широко распространенных в международной практике терминов используются собственные, которые вводят новые правовые институты и тем самым создают неопределенность в правоприменении. В отличие от ряда зарубежных стран, нет в законе и регулирования для некоторых типов токенов и криптовалют с разным функционалом и сущностью (традиционных уже для рынка «платежных» токенов, а также утилитарных токенов).

Так, с 1 апреля 2017 г. в Японии действует закон о валютном регулировании, согласно которому криптовалюта, включая биткойны, является средством платежа⁴.

В США на данный момент отсутствует единый подход к концепции криптовалюты. Данные активы рассматриваются не только в качестве денежных средств, но и как собственность или обменный товар. Токены на основе технологии блокчейн обладают различными характеристиками. Их статус в соответствии с законодательством США о ценных бумагах не определен. По мнению J. Rohr и A. Wright, данный пробел в законодательстве влечет за собой трудности в правовом регулировании публичного рынка криптовалют [18].

В декабре 2019 г. Евросоюз не разрешил использование на своей территории «стабильных» криптовалют. В Совете Европейского союза объяснили, что легализация оборота таких криптовалют возможна только после выявления и устранения всех юридических и надзорных рисков. Однако уже в сентябре 2020 года Еврокомиссия представила правила регулирования⁵. В 168-страничном документе говорится не только о требованиях к активам, но и о создании песочницы для проектов на блокчейне. По мнению авторов проекта, в условиях широкого распространения криптовалютных активов нужна «надежная правовая база» с четкими требованиями.

Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении

изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» регулирует отношения, возникающие в связи с инвестированием и привлечением инвестиций с использованием инвестиционных платформ, определяет правовые основы деятельности операторов инвестиционных платформ, регулирует возникновение и обращение утилитарных цифровых прав, предусмотренных настоящим Федеральным законом, а также выдачу и обращение ценных бумаг, удостоверяющих утилитарные цифровые права (ст. 1)⁶.

Поэтому совершенно обоснованно утверждение о том, что цифровые права делятся на следующие категории: цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права [6, с. 152–159].

Что касается утилитарных цифровых прав, то, как указывает М.А. Рожкова – это права, которые по смыслу ч. 1 ст. 8 Закона о краудфандинге могут приобретаться, отчуждаться и осуществляться на инвестиционной платформе, предусмотренной ч. 5 ст. 11 этого Закона. Учитывая, что в названном Законе разрешаются вопросы только обозначенной категории имущественных прав, их классификация в качестве цифровых не играет никакой роли и не имеет какого-либо практического значения [10, с. 3–13].

По мнению Б.М. Гонгалов, включение в ГК РФ соответствующей статьи «Цифровые права» свидетельствует о том, что отечественный законодатель признал необходимым включить положения о цифровых правах как о самостоятельных объектах гражданского права [1, с. 179–192].

В этой связи Л.Ю. Василевская пишет, что цифровизация прав приводит не к возникновению нового вида имущественных прав, существующему наряду с обязательственными, корпоративными, исключительными правами, а к их цифровому способу фиксации [2]. То есть автор приходит к выводу, что цифровые права – это не новая разновидность имущественных прав, а иная форма выражения и осуществления существующих имущественных прав.

⁴ Japan OKs recognizing virtual currencies as similar to real money // The Japan Times // URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2016/03/04/business/tech/japan-oks-recognizing-virtual-currencies-similar-real-money/> (дата обращения – 20 мая 2021 г.).

⁵ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the council on markets in crypto-assets, and amending directive on Markets in Crypto-assets, and amending Directive (EU) 2019/1937. Текст: электронный // EUR-lex. Access to European Union law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020PC0593> (дата обращения – 20 мая 2021 г.).

⁶ Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, обособление цифровых прав в качестве отдельного объекта гражданских прав говорит об адаптации к информационной системе иных объектов гражданских прав.

Г.К. Дмитриева определяет цифровые права как цифровые коды или обозначения, существующие в децентрализованной информационной системе, которые удостоверяют права обладателя уникального доступа к ним на иные («реальные») объекты гражданских прав, за исключением нематериальных благ [4, с. 120–128].

В литературе также обоснованно отмечается, что цифровые права «поставлены в один ряд с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами. При этом все три названных объекта охватываются понятием иного имущества и его разновидностью - имущественными правами. Из новой же ст. 141.1 ГК РФ можно усмотреть, что цифровое право - это право обязательственное

или иное право, если оно названо таковым в законе [16, с. 31-55].

С учетом изложенного имеются достаточные основания отнести к основным признакам цифровых прав как объектов гражданского права следующие:

- 1) существование цифровых прав исключительно в информационной среде;
- 2) цифровые права, в первую очередь, входят в состав имущественных прав, поскольку включают в себя цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права;
- 3) цифровые права могут быть обязательственными и иными, если они специально обозначены в таком качестве законом.

Список использованной литературы:

1. Гонгало Б.М. Есть ли место "цифровым правам" в системе объектов гражданского права Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 179–192.
2. Василевская Л.Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/token-kak-novyy-obekt-grazhdanskih-prav-problemy-yuridicheskoy-kvalifikatsii-tsifrovogo-prava>.
3. Гольцов В.Б. Цифровые права: понятие и проблемы использования // Журнал правовых и экономических исследований. 2020. № 1. С. 10–15.
4. Дмитриева Г.К. Цифровые финансовые активы: проблемы коллизионного регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 120-128.
5. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018. Столичный выпуск № 7578 (115) // URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html>.
6. Кузьменков М.Ю. Коллизионное регулирование оборота цифровых прав // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 3. С. 152–159.
7. Потапенко С.В. Пашченко И.Ю. Цифровые права и информация в системе современного гражданского оборота // Труды по интеллектуальной собственности. 2018. № 1. С. 40–56.
8. Потапенко С.В. Пашченко И.Ю. К вопросу о принадлежности информации, обрабатываемой с применением информационных технологий // Труды по интеллектуальной собственности. 2019. № 1–2. С. 69–82.
9. Пышнова Е.С. Цифровые права: что это и нужны ли в гражданском кодексе Российской Федерации? // Евразийский союз ученых. 2020. № 10–8 (79). С. 47–51.

References:

1. Gongalo B.M. Is there a place for "digital rights" in the system of objects of civil law // Perm Legal Almanac. 2019. № 2. Pp. 179–192.
2. Vasilevskaya L.Yu. Token as a new object of civil rights: problems of legal qualification of digital law // Actual problems of Russian law. 2019. № 5 (102) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/token-kak-novyy-obekt-grazhdanskih-prav-problemy-yuridicheskoy-kvalifikatsii-tsifrovogo-prava>.
3. Goltsov V.B. Digital rights: the concept and problems of use // Journal of Legal and Economic Research. 2020. № 1. Pp. 10–15.
4. Dmitrieva G.K. Digital financial assets: problems of conflict-of-laws regulation. Actual problems of Russian law. 2019. № 5. Pp. 120-128.
5. Zorkin V.D. Law in the digital world. Reflection on the sidelines of the St. Petersburg International Legal Forum // Rossiyskaya Gazeta. 2018. Capital issue № 7578 (115) // URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html>.
6. Kuzmenkov M.Yu. Conflict-of-laws regulation of digital rights turnover // Actual problems of Russian law. 2021. № 3. Pp. 152-159.
7. Potapenko S.V. Pashchenko I.Yu. Digital rights and information in the system of modern civil turnover // Proceedings on Intellectual Property. 2018. № 1. Pp. 40–56.
8. Potapenko S.V. Pashchenko I.Yu. To the question of the ownership of information processed with the use of information technologies // Proceedings on intellectual property. 2019. № 1–2. Pp. 69–82.
9. Pyshnova E.S. Digital rights: what is it and whether it is necessary in the civil code of the Russian Federation? // Eurasian Union of Scientists. 2020. № 10–8(79). Pp. 47–51.

10. Рожкова М.А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // *Хозяйство и право*. 2020. № 10. С. 3–13.

11. Свирков С.А. К вопросу об объектах гражданских прав // *Актуальные проблемы российского права*. 2012. № 1 (22). С. 102–116.

12. Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Ленинград. 1959.

13. Урошлева А. Объекты на цифровых носителях, цифровые права и деньги: тенденции правовой теории и практики. 2018 // URL: <https://www.garant.ru/article/1220358/>.

14. Чурилов А.Ю. К вопросу о целесообразности введения в гражданский кодекс цифровых прав // *Legal Concept = Правовая парадигма*. 2020. № 2. С. 105–109.

15. Юзефович Ж.Ю. Проблема способов защиты гражданских прав в свете развития цифровых правоотношений // *Юрист*. 2020. № 12. С. 40–45.

16. Новоселова Л., Габов А., Савельев А., Генкин А., Сарбаш С., Асосков А., Семенов А., Янковский Р., Журавлев А., Толкачев А., Камелькова А., Успенский М., Крупенин Р., Кислый В., Жужжалов М., Попов В., Аграновская М. Цифровые права как новый объект гражданского права. Комментарии экспертов // *Закон*. 2019. № 5. С. 31–55.

17. Garcia-Teruel R.M., Simón-Moreno H. The digital tokenization of property rights. A comparative perspective // *Computer Law and Security Review*. 2021. DOI: 10.1016/j.clsr.2021.105543.

18. Rohr J., Wright A. Blockchain-Based Token Sales, Initial Coin Offerings, and the Democratization of Public Capital Markets // *Cardozo Legal Studies Research Paper*. 2017. № 527, University of Tennessee Legal Studies Research Paper. № 338 // <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3048104>.

10. Rozhkova M.A. Digital rights: public-legal concept and concept in Russian civil law // *Economy and law*. 2020. № 10. Pp. 3–13.

11. Svirkov S.A. On the question of objects of civil rights // *Actual problems of Russian law*. 2012. № 1(22). Pp. 102-116.

12. Tolstoy Yu.K. On the theory of legal relations. Leningrad. 1959.

13. Uroshleva A. Objects on digital media, digital rights and money: trends in legal theory and practice. 2018. // URL: <https://www.garant.ru/article/1220358/>.

14. Churilov A.Yu. On the question of the expediency of introducing digital rights into the civil Code // *Legal Concept = The legal paradigm*. 2020. № 2. Pp. 105–109.

15. Yuzefovich Zh.Yu. The problem of ways to protect civil rights in the light of the development of digital legal relations // *Yurist*. 2020. № 12. Pp. 40–45.

16. Novoselova L., Gabov A., Savelyev A., Genkin A., Sarbash S., Asoskov A., Semenov A., Yankovsky R., Zhuravlev A., Tolkachev A., Kamelkova A., Uspensky M., Krupenin R., Sour V., Zhuzhzhhalov M., Popov V., Agranovskaya M. Digital rights as a new object of civil law. Expert comments // *Law*. 2019. № 5. Pp. 31–55.

17. Garcia-Teruel R.M., Simón-Moreno H. The digital tokenization of property rights. A comparative perspective // *Computer Law and Security Review*. 2021. DOI: 10.1016/j.clsr.2021.105543.

18. Rohr J., Wright A. Blockchain-Based Token Sales, Initial Coin Offerings, and the Democratization of Public Capital Markets // *Cardozo Legal Studies Research Paper*. 2017. № 527, University of Tennessee Legal Studies Research Paper. № 338 // <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3048104>

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ ВЬЕТНАМА 2015 г.

THE POWER OF THE PROSECUTOR IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS UNDER THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF VIETNAM 2015

DOI: 10.31429/20785836-13-2-15-22

Дак Биен Май

*доктор философии по праву, прокурор
проректор Ханойского прокурорского университета (Вьетнам)*

ID ORCID: 0000-0002-3550-4511

Dac Bien Mai

*Doctor of Philosophy in Law, Prosecutor
Vice-rector of Hanoi prosecutor's university (Vietnam)*

Аннотация: Поводом к проведению исследования полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве Социалистической Республики Вьетнам (далее – СРВ) стал научный интерес к соотношению современного вьетнамского и российской уголовно-процессуального законодательства. В свое время автором было проведено аналогичное монографическое исследование. Его результаты, в частности, о критериях оценки законодательного регулирования процессуальной компетенции прокурора, степени влияния российской процессуальной доктрины и другие, стали основой для настоящей работы. Цель исследования – оптимизация процессуального статуса прокурора СРВ в сфере надзора за законностью в досудебном производстве по уголовным делам на основании опыта регулирования этого же статуса российским законодателем. Задачами исследования выступают: 1) изучение российского и вьетнамского опыта в регулировании процессуального статуса прокурора в сфере обеспечения законности предварительного расследования; 2) проведение сравнительного анализа российского и вьетнамского законодательства; 3) определение проблемных аспектов в регулировании процессуального статуса прокурора СРВ; 4) изучение практического опыта прокурорского надзора; 5) анализ проблемы повышения эффективности выполнения прокурором ряда процессуальных действий; 6) выработка предложений по оптимизации его процессуального статуса.

Методами исследования выступают: диалектический, исторический, аналитический (логический, формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-функциональный), обобщение.

В числе основных полученных результатов:

– выявление обстоятельств, свидетельствующих о сохранении тенденции на традиционную, исторически обусловленную преемственность формирования содержания уголовно-процессуального законодательства СРВ и РФ в части регулирования полномочий прокурора;

– законодательство СРВ в указанной части регулирования подвержено тем же проблемам, что и российское законодательство, а именно – двойственность правовой природы прокурорских полномочий по осуществлению надзора за законностью в досудебном производстве по уголовным делам; при этом императивность взаимоотношений следователя с прокурором в СРВ представляется более приемлемой, чем факультативность в российском уголовном судопроизводстве;

– расценивается как существенное преимущество прокурора СРВ перед российскими коллегами его право на производство следственных действий, дающих ему возможность лично участвовать в предварительном расследовании, непосредственно получать необходимую информацию в достаточном объеме, что позволяет принимать более взвешенные процессуальные решения;

– регулирование процессуального положения прокурора СРВ следует переориентировать с императивного на диспозитивный метод, что позволит прокурору более свободно распоряжаться принадлежащими ему процессуальными полномочиями.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный кодекс, Социалистическая Республика Вьетнам, прокурор, прокурорское обвинение, предварительное расследование, дополнительное расследование, прекращение и приостановление уголовного дела.

Annotation: The article presents the results of a study of the procedural powers of the prosecutor of the Socialist Republic of Vietnam in pre-trial proceedings in a criminal case. If there are some common features with the supervisory competence of the prosecutor in modern Russia, which is historically due to the influence of the legislation of the USSR and the RSFSR on the formation and development of the criminal procedure legislation of Vietnam, it should be noted that there are significant differences in the current status of the prosecutor of the SRV, especially in the totality and content of its powers. Taking into account the close «kinship» of the criminal procedure legislation of the Socialist Republic of Vietnam (SRV) and the Russian Federation, it makes sense to conduct a comparative legal study to establish current trends in their mutual development. The purpose of the study is to optimize the procedural status of the prosecutor of the SRV in the field of supervision of legality in pre-trial proceedings in criminal cases based on the experience of regulating the same status by the Russian legislator. The objectives of the study are: to study the Russian and Vietnamese experience in regulating the procedural status of the prosecutor in the field of ensuring the legality of the preliminary investigation; to conduct a comparative analysis of Russian and Vietnamese legislation; to identify problematic aspects in regulating the procedural status of the prosecutor of the SRV; to study the practical experience of prosecutorial supervision; to study the problem of improving the effectiveness of the prosecutor's performance of a number of procedural actions; to develop proposals for optimizing his procedural status.

The research methods are: dialectical, historical, analytical (logical, formal-legal, comparative-legal, system-functional), generalization.

Among the main results obtained:

- identification of circumstances that indicate the continuation of the trend towards the traditional, historically determined continuity of the formation of the content of the criminal procedure legislation of the SRV and the Russian Federation in terms of regulating the powers of the prosecutor;

– the legislation of the SRV in this part of the regulation is subject to the same problems as the Russian legislation, namely, the duality of the legal nature of the prosecutor's powers to supervise the legality of pre – trial proceedings in criminal cases; at the same time, the imperative of the relationship between the investigator and the prosecutor in the SRV seems to be more acceptable than the optional nature in Russian criminal proceedings;

– we regard as a significant advantage of the prosecutor of the SRV over his Russian colleagues, his right to conduct investigative actions, which give him the opportunity to personally participate in the preliminary investigation, directly receive the necessary information in sufficient volume, which allows him to make more balanced procedural decisions;

- the regulation of the procedural position of the prosecutor of the SRV should be reoriented from the imperative to the dispositive method, which will allow the prosecutor to more freely dispose of the procedural powers belonging to him.

Keywords: Code of Criminal procedure, Socialist Republic of Vietnam, prosecutor, prosecution, preliminary investigation, further investigation, termination and suspension of criminal proceedings.

Введение

До 2015 г. уголовно-процессуальную деятельность прокуратуры в Социалистической Республике Вьетнам (далее – СРВ) определяли Конституция 1992 г.¹, Закон об организации народной прокуратуры 2002 г. и Уголовно-процессуальный кодекс 2003 г.². Однако складывающаяся практика организации деятельности суда и прокуратуры уже не удовлетворяла потребностей общества в решении социальной задачи – борьбы с преступностью, вызывала необходимость

преобразований в деятельности судебной системы и органов прокуратуры, оптимизации их функций и полномочий.

Учитывая данные обстоятельства Национальное Собрание Социалистической Республики Вьетнам 28 ноября 2013 г. принимает Конституцию, 24 ноября 2014 г. – Закон об организации народной прокуратуры и 27 ноября 2015 г. Уголовно-процессуальный кодекс³ (далее – УПК СРВ).

По Закону об организации народной прокуратуры от 24 ноября 2014 г. в структуре

¹ Конституция Социалистической Республики Вьетнам от 15 апреля 1992 г. // <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/konstitutsii-mira/konstitutsiya-vetnama-1992-goda-chitat-skachat-konstitutsiyu-vetnama-1992-goda.html> (дата обращения - 5 июня 2021 г.).

² Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам от 26 ноября 2003 г. // <http://www.moj.gov.vn> (дата обращения - 5 июня 2021 г.).

³ *Vo Luat To tung hinh su nuoc Cong hoa xa hoi Lاي nghia Viet Nam so: 101/2015/QH13 thong qua ngay 27 thang 11 nam 2015.* (Источник переведён автором: Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам № 101/2015/QH13, принят 27 ноября 2015 г.

прокуратуры действует четыре звена: прокуратура района, провинции, прокуратура высшего уровня (создаваемая на севере, середине части и юге страны) и Верховная прокуратура. Предварительное расследование является важным направлением прокурорской деятельности. Надзор за его (расследования) законностью и обоснованностью составляет самостоятельную функцию прокуратуры. Предоставленные в ее рамках полномочия прокурора нуждаются в научном исследовании и постоянном совершенствовании.

Методы исследования

Методологической основой предпринятого исследования полномочий прокурора стала совокупность общенаучных и частно-научных методов. Основным в числе общенаучных выступает диалектический метод. Диалектика применительно к процессуальным полномочиям прокурора в условиях предварительного расследования проявляется в том, что эта совокупность полномочий не имеет до конца определенной правовой природы. С одной стороны – это процессуальные полномочия, но с другой – полномочия, продиктованные надзорной сущностью прокуратуры, как органа государства. Постоянно конкуренция между этими двумя сторонами прокурорских полномочий приводит к проблемам в определении не только их содержания, но и законодательного закрепления, к тому, что ряд полномочий прокурора дублируется в различных правовых актах, которые противоречат друг другу. Применение диалектического метода позволило выявить эти противоречия, и на основании иных научных методов выработать предложения по их устранению.

Применение исторического метода привело к выявлению определенных условий, в рамках которых формировались прокурорские полномочия, оценка которых позволила сформировать перспективное видение на возможные пути совершенствования этих полномочий,

Сравнительно-правовой метод стал средством выявления сходства и расхождений во вьетнамском и российском уголовно-процессуальном законодательстве. Результатом его применения стали обстоятельства, свидетельствующие о сохранении преемственности российских правовых положений во вьетнамском законодательстве, исторически сложившейся в результате воздействия советской, а позднее российской правовой доктрины

Метод логического анализа дал возможность выделить закономерные связи

(причинно-следственные, условия и обусловленного и др.) между различными элементами, воздействующими на процесс формирования, законодательного оформления, механизм реализации прокурорских полномочий. Посредством логики стало возможно проследить всю последовательность прокурорской деятельности в стадии предварительного расследования и четко определить пробелы в этой последовательности, а также противоречия и дублирование в законодательных актах. Результатом аналитической логики стали выводы автора относительно возможности и целесообразности дальнейшего совершенствования процессуального статуса прокурора в стадии предварительного расследования.

Помимо указанных в ходе данного исследования применялись формально-юридический, системно-функциональный и иные виды анализа, позволившие рассмотреть процессуальные и иные полномочия прокурора во взаимосвязи с такими аспектами, как структура прокуратуры, полномочия следователя, права участников уголовного судопроизводства.

Обобщение полученных результатов привело к формированию итоговых выводов,

Результаты исследования

Проведенное исследование позволило получить следующие результаты:

1. Выявлены проблемы в законодательном регулировании процессуальных полномочий прокуроров в Социалистической Республике Вьетнам. К их числу следует отнести двойственную правовую природу прокурорских полномочий, реализуемых в сфере надзора за законностью предварительного расследования.

2. Определены условия (социального, правового и экономического характера), требующие дополнительного исследования процессуальных полномочий прокурора. Это, в частности, сохранение традиционного воздействия на вьетнамское уголовно-процессуальное законодательство даже не российской, а советской модели прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве и соответствующей преемственности правового регулирования.

3. Масштабность прокурорского надзора в СРВ и его результативность в отношении обеспечения законности предварительного расследования обуславливают и подтверждают необходимость тщательно выверенного подхода к формулированию предложений по оптимизации прокурорских полномочий в этой части. В связи с чем полагаем, что такого рода

предложения должны подвергаться тщательному научному обсуждению, а также проходить верификацию в среде прокурорских практических работников.

4. Одним из направлений прокурорского надзора за предварительным расследованием, где наблюдается особенно сложная ситуация, выступает фактическое участие прокурора в процедуре предварительного расследования. Проведенное исследование показало, что наибольший результат надзор имеет в тех случаях, когда прокурором лично проводятся следственные мероприятия. Однако, случаи такого участия четко регламентированы законодательством. Полагаем, что, строгая их регламентация неэффективна. Более рациональным видится иной, а именно диспозитивный подход, при котором прокурор лично определяет необходимость и целесообразность производства следственных либо иных процессуальных действий.

Научная дискуссия

Первым этапом уголовного судопроизводства, в котором прокурор приобретает свои надзорные полномочия, выступает проверка сообщения о преступлении. Прокурор наряду с органами следствия решает задачу определения в полном объеме наличия или отсутствия события или состава преступления. Участие прокурора в данной деятельности обеспечивает ее законность и обоснованность принимаемого решения. В дальнейшем такого рода участие позволяет достичь высоких результатов предварительного расследования, если будет принято решение о возбуждении уголовного дела [11].

Прокурору принадлежит полномочие определения подследственности. В силу этого полномочия прокурор должен направлять материалы проверки сообщения о преступлении в следственный орган, обязывая его вынести постановление о возбуждении уголовного дела при наличии признаков преступления (ст. 160 УПК СРВ). Согласно ст. 153 УПК СРВ следственные органы создаются и действуют в Народной милиции, в Народной армии и в Верховной прокуратуре, обладая в пределах компетенции полномочиями по возбуждению уголовных дел и их расследованию. Орган дознания также правомочен возбуждать уголовные дела в пределах его подследственности о преступлениях, которые совершаются на его территории.

По ч. 3 ст. 153 УПК СРВ прокуратура правомочна самостоятельно возбуждать уголовное дело, если отменяет незаконное или необоснованное постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, когда

прокурор самостоятельно проверял сообщение о преступлении, либо если прокурор непосредственно обнаружил признаки преступления и в ситуации, когда возбуждения уголовного дела требует судебная коллегия. Применительно к данному аспекту отметим своеобразие вьетнамского уголовно-процессуального законодательства, которое в отличие от российского, предусматривает самостоятельное право прокурора на возбуждение уголовного дела. Прокурор в течение 24 часов с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела обязан направить его в следственный орган для расследования совершенного преступления. Помимо этого, прокурор имеет полномочие отменить незаконное и/или необоснованное решение о возбуждении уголовного дела, изданное следователем. Если же необоснованное постановление о возбуждении уголовного дела принято судебной коллегией, то прокурор приносит протест в вышестоящий суд. Последнее полномочие также составляет особенность его статуса в сравнении с аналогичным статусом российского прокурора

Важными задачами прокурора в ходе предварительного расследования является осуществление государственного преследования и надзор за законностью деятельности органов дознания и следствия. Отметим, в этой части расхождение с российским уголовно-процессуальным законом, где прокурор признается участником стороны обвинения. Иначе говоря, прокурор уже в ходе предварительного расследования выступает на стороне обвинения. Тем самым российский законодатель обеспечивает состязательность в уголовном судопроизводстве [13].

Существенным выступает полномочие прокурора в СРВ не только отменить, но и изменить постановления органов дознания и следствия о возбуждении уголовного дела, а также о привлечении в качестве обвиняемого и др. Прокурор вправе сам вынести постановление о привлечении в качестве обвиняемого, принять иные процессуальные решения, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Наряду с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого и почти одновременно с ним обычно принимается решение о применении меры пресечения, которое, как справедливо отмечается в литературе, должно соответствовать правилам, установленным законом [17]. Решения о привлечении в качестве обвиняемого и применении к нему меры пресечения (залога или заключения под стражу), которое принимает следователь, подлежит утверждению прокурором. Получить такое

утверждение можно только в рамках специальной процедуры, включающей направление прокурору ходатайства, рассмотрение его прокурором в течение 3 суток, принятие прокурором решения об утверждении или об отказе в таковом. Прокурор принимает решение только на основании личного и непосредственного изучения материалов уголовного дела и проверки достаточности совокупности доказательств. Прокурор должен удостовериться в наличии состава преступления. В рамках данной деятельности прокурор вправе допросить обвиняемого [8], при этом полученные показания рассматриваются как доказательства и могут быть использованы в дальнейшем производстве по уголовному делу.

Если прокурор не утверждает постановление об аресте или отменяет решение о временном заключении под стражу, то следственный орган обязан незамедлительно освободить подозреваемого от заключения под стражу [12]. Одновременно с этими прокурор осуществляет надзор за полнотой составления следователем процессуальных документов уголовного дела, включая те документы, что послужили основанием для возбуждения уголовного дела [1].

К числу полномочий прокурора относится дача указаний следователю, включая письменные указания о направлении расследования. Для реализации этого полномочия предусмотрен следующий порядок. Прокурор предварительно обязан ознакомиться с материалами дела, удостовериться в правильности данной следователем квалификации по УК СРВ [6]. Затем, при наличии необходимости, прокурор дает письменные указания, которые следователь обязан выполнить вне зависимости от того согласен он с их сущностью или нет, намерен ли он их обжаловать или нет. Как известно, в российском уголовном процессе в этой части существует иной механизм, допускающий приостановление исполнения отдельных указаний прокурора и их обжалование следователем вышестоящему прокурору. Обжалование указаний прокурору допускается и вышестоящий прокурор рассматривает такого рода обращения в течение 20 суток (или 5 суток для обжалования у дознавателя) и разрешает спорный вопрос, о чем сообщает инициатору (ст. 167 УПК СРВ) [7].

Для эффективности и законности предварительного расследования, по нашему мнению, важным процессуальным полномочием прокурора выступает его участие в следственных действиях. Полагаем, что для обеспечения своевременного надзора прокурор обязан участвовать в таких следственных действиях, как

осмотр места происшествия, осмотр трупа, очная ставка, предъявление для опознания, в том числе по голосу, освидетельствование, следственный эксперимент, правила производства которых предусмотрены в ст. 189, 190, 191, 192, 201, 202, 204 УПК СРВ [3]. Как свидетельствует практика, в случае участия прокурора в таких следственных действиях как осмотр места происшествия, осмотр трупа повышается качество и обеспечивает законность их производства. Кроме этого, для доказывания факта преступления и проверки заподозренного лица на причастность к его совершению, в необходимых случаях прокурор выносит постановление о его задержании [4].

Более того, прокурор вправе лично осуществлять некоторые следственные действия в случае проверки материалов дела при решении вопроса об утверждении постановления следственного органа, а также если обнаруживает нарушения закона при привлечении в качестве обвиняемого или в случае незаконного отказа в возбуждении уголовного дела. В соответствии со ст. 185, 186, 188 УПК СРВ, когда выявляется факт производства следователем необъективного допроса, прокурор уполномочен непосредственно допросить потерпевшего с целью собирания доказательств, изобличающих обвиняемого [9].

Определенные полномочия принадлежат прокурору при истечении срока предварительного расследования и отсутствии оснований для его завершения. Так, в частности, прокурор проверяет обоснованность ходатайства следователя о продлении сроков содержания под стражей и сроков предварительного расследования. Для принятия решения прокурор должен установить наличие или отсутствие доказательств виновности лица в совершении преступления. Очевидно, что такое решение также может быть принято исключительно на основании непосредственного ознакомления прокурора с материалами предварительного расследования. Подчеркнем, что в каждом случае законодательство СРВ называет именно доказательства, как форму сведений, которые подлежат оценке прокурором для выполнения своей функции в досудебном производстве. Поэтому отдельным направлением для реализации полномочий прокурора выступает именно доказательственная деятельность. В этом направлении прокурор обеспечивает законность деятельности следователя по собиранию доказательства.

В числе проблем регулирования доказательственной деятельности в целом и оценки ее законности прокурором в настоящее

время отметим отсутствие в УПК СРВ правил об оценке прокурором доказательств, имеющих цифровую форму (электронные доказательства). Также как и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации вьетнамский уголовно-процессуальный закон эту часть уголовно-процессуальной деятельности прокурора оставляет без регулирования, хотя имеется множество наработок в этой сфере [15; 16].

В соответствии со ст. 166 УПК СРВ к сфере деятельности прокурора в досудебном производстве относится обеспечение прав участников уголовного судопроизводства. Здесь прокурор наделен следующими полномочиями по проверке соблюдения прав участников уголовного процесса: решает вопрос о подследственности уголовных дел, требует предоставления материалов уголовного дела, направляет начальнику следственного органа требование об отстранении, принимает самостоятельные действия по устранению причин и условий, которые способствовали совершению преступления и др.

Учитывая, что ходе расследования уголовного дела следователи порой допускают нарушение закона, в том числе в сфере прав человека, надзорная деятельность прокурора играет здесь важную роль, на что указывают и другие авторы [10]. Именно поэтому следственные действия, непосредственно посягающие на права граждан, должны производиться лишь после утверждения прокурором соответствующего постановления [5].

Взаимоотношения между прокурором и органами расследования носят императивный характер, когда следователь и дознаватель обязаны выполнять все его указания и решения. Императивность указанного правоотношения обеспечивает законность, объективность и обоснованность процессуальной деятельности [2].

Согласно ст. 240 УПК СРВ на этапе окончания предварительного расследования прокурор принимает практически те же решения, что и его российский коллега. В то же время стоит отметить одно отличие – прокурор СРВ вправе самостоятельно принять решение о приостановлении уголовного дела.

Согласно п. «с» ч. 1, ст. 240 УПК СРВ, уголовное дело прекращается прокурором при наличии предусмотренных ч. 2 ст. 155 УПК СРВ оснований, в числе которых учет мнения потерпевшего, если уголовное дело должно возбуждаться по его заявлению, но этого заявления нет, либо потерпевший отказался от него. В этой части подчеркнем опять же близость вьетнамской модели уголовного

судопроизводства с российской процедурой, при которой потерпевшему в досудебном производстве придается самостоятельная процессуальная роль, в отличие от, например, англо-американской модели, в которой потерпевший участвует как свидетель [14]. Кроме того, прокурор должен руководствоваться ст. 157 УПК СРВ (основания прекращения уголовного дела) либо ст. 16 (добровольный отказ от преступления), ст. 29 (основания освобождения от уголовной ответственности) и ч. 2 ст. 91 (освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних обвиняемых) УК СРВ. Если постановление о преследовании обвиняемого перед судом указывает на необходимость продолжения уголовного процесса, то постановление о прекращении уголовного дела свидетельствует о его окончании. В ст. 248 УПК СРВ указано, что «прокуратура отказывается от преследования и выносит постановление о прекращении уголовного дела».

Постановление о приостановлении уголовного дела прокурор выносит в следующих случаях:

1) если обвиняемый страдает психическим либо иным тяжелым заболеванием, что удостоверено медицинским заключением;

2) когда обвиняемый скрылся от следствия и место его нахождения не известно, а срок прокурорского преследования закончился. В этом случае прокурор требует от следственного органа производства розыска обвиняемого;

3) производится экспертиза для определения стоимости похищенного имущества, либо не получен ответ на запрос о правовой помощи.

Для обеспечения законности и обоснованности вынесенных постановлений прокурор должен тщательно изучить материалы дела, оценить доказательства, при необходимости допросить обвиняемого, потерпевшего, решить вопрос о производстве дополнительной или повторной судебной экспертизы.

Когда вышестоящий прокурор признает постановления о преследовании, прекращении, приостановлении и возвращении дела не законным и (или) необоснованным, то он вправе отменить его и потребовать от нижестоящего прокурора вынесения законного и обоснованного постановления (ч. 3 ст. 240 УПК СРВ).

Список использованной литературы:

1. Лай В.К. Некоторые трудности при осуществлении преследования и надзора по уголовным делам, посягающими на половую неприкосновенность детей // Надзор (Ханойский прокурорский университет). 2019. № 1 (30). С. 25-29.
2. Ле Х.Т. Отношения между прокуратурами и органами расследования, дознания по УПК СРВ // Государство и право (Академия наук Вьетнама). 2020. № 2 (382). С. 63-73.
3. Май Д.Б. Некоторые трудности в выявлении, собирании и закреплении доказательств по уголовным делам о преступлениях, посягающим на половую неприкосновенность детей // Надзор (Ханойский прокурорский университет). 2019. № 21. С. 30-36.
4. Нгуен Д.Ф. Задержание в совершении преступления против безопасности движения // Народный суд. 2016. № 6. С. 27-31.
5. Нгуен К.Л. Специальные следственные действия по УПК 2015 г. // Народный суд. 2017. № 11 (21). С. 18-22.
6. Нгуен К.Х. Меры по увеличению количества указаний о направлении расследования // Надзор (Ханойский прокурорский университет). 2019. № 21. С. 19-21.
7. Нгуен Н.К. Обеспечение прав обвиняемого, заключаемого под стражу по УПК 2015 г. // Изучение права. 2020. № 14 (414). С. 43-47.
8. Нгуен Т.Т.Т. Право человека в уголовном процессе // Народный Суд. 2017. № 4. С. 23-26.
9. Нгуен Т.Х. Усиления количества допросов потерпевших по уголовным делам о преступлениях, связанных с куплей и продажей людей // Надзор (Ханойский прокурорский университет). 2020. № 2. С. 78-83.
10. Чан К.Ф. Осуществление уголовного преследования, надзор за законностью в возбуждении, расследовании и судебном производстве по УПК 2015 г. // Надзор (Ханойский прокурорский университет). 2016. № 16. С. 3-11.
11. Чан Д.Х. Теоретическое основание надзора за расследованием уголовного дела // Надзор (Ханойский прокурорский университет). 2019. № 7 (13). С. 9-13.
12. Хуинг В.Р., Буи К.Т., Во М.К. Меры пресечения арест, заключение под стражу, задержание в УПК 2015 г. с позиции обеспечения прав человека // Государство и право (Академия наук Вьетнама). 2020. № 12 (392). С. 63-70.
13. Borodinova T.G., Borodinov V.V. The adversarial system in criminal procedure: Norms and implementation // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. 2019. № 8 (12). С. 4039-4042 // <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85074150532&doi=10.35940%2fijitee.L3627.1081219&partnerID=40&md5=10f95f7b9386f6cd152756a4e79b6fd4>.
14. Dearing A., Huxtable H. Doing justice for victims of violent crime in the European Union - Reflections on findings from a research project conducted by the European Union Agency for Fundamental Rights // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice. 2021. № 45 (1). С. 39-66 // <https://www.scopus.com/inward/record>.

References:

1. Lai V.K. Some difficulties in the implementation of prosecution and supervision in criminal cases that infringe on the sexual integrity of children // Supervision (Hanoi University of Prosecutor's Office). 2019. № 1 (30). Pp. 25-29.
2. Le H.T. Relations between prosecutors and bodies of investigation, inquiry under the CPC SRV // State and Law (Academy of Sciences of Vietnam). 2020. № 2 (382). Pp. 63-73.
3. May D.B. Some difficulties in identifying, collecting and securing evidence in criminal cases of crimes infringing on the sexual integrity of children // Supervision (Hanoi Prosecutor's University). 2019. № 21. Pp. 30-36.
4. Nguyen D.F. Detention in committing a crime against traffic safety // People's Court. 2016. № 6. Pp. 27- 31.
5. Nguyen K.L. Special investigative actions under the Code of Criminal Procedure in 2015 // People's Court. 2017. № 11 (21). Pp. 18-22.
6. Nguyen K.H. Measures to increase the number of instructions on the direction of the investigation // Supervision (Hanoi University of Prosecutions). 2019. № 21. Pp. 19-21.
7. Nguyen N.K. Ensuring the rights of the accused, taken into custody under the Code of Criminal Procedure, 2015 // Study of Law. 2020. № 14 (414). Pp. 43-47.
8. Nguyen T.T.T. Human rights in criminal proceedings // People's Court. 2017. № 4. Pp. 23-26.
9. Nguyen T.H. Strengthening the number of interrogations of victims in criminal cases about crimes related to the purchase and sale of people // Supervision (Hanoi Prosecutor's University). 2020. № 2. Pp. 78-83.
10. Chan K.F. Implementation of criminal prosecution, supervision of legality in the initiation, investigation and court proceedings under the Code of Criminal Procedure in 2015 // Supervision (Hanoi University of Prosecutions). 2016. № 16. Pp. 3-11.
11. Chan D.H. The theoretical basis for the supervision of the investigation of a criminal case // Supervision (Hanoi Prosecutor's University). 2019. № 7 (13). Pp. 9-13.
12. Huong V.R., Bui K.T., Vo M.K. Preventive measures arrest, detention, detention in the Code of Criminal Procedure of 2015 from the perspective of ensuring human rights // State and Law (Academy of Sciences of Vietnam). 2020. № 12 (392). Pp. 63-70.
13. Borodinova T.G., Borodinov V.V. The adversarial system in criminal procedure: Norms and implementation // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. 2019. № 8 (12). Pp. 4039-4042 // <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85074150532&doi=10.35940%2fijitee.L3627.1081219&partnerID=40&md5=10f95f7b9386f6cd152756a4e79b6fd4>.
14. Dearing A., Huxtable H. Doing justice for victims of violent crime in the European Union - Reflections on findings from a research project conducted by the European Union Agency for Fundamental Rights // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice. 2021. № 45 (1). Pp. 39-66 // <https://www.scopus.com/inward/record>.

uri?eid=2-s2.0-85085478903&doi=10.1080%2f01924036.2020.1762233&partnerID=40&md5=f2732030823d8ac9a1993efbb9163d9d.

15. Gladysheva O.V., Kostenko R.V., Sementsov V.A. Digitization: Problems of use and protection of information in criminal proceedings // *Studies in Computational Intelligence*. 2019. Вып. 826. С. 395-401 // https://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-3-030-13397-9_46.

16. Overill R.E., Collie, J. Quantitative evaluation of the results of digital forensic investigations: a review of progress // *Forensic Sciences Research*. 2021. // <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85100775664&doi=10.1080%2f20961790.2020.1837429&partnerID=40&md5=7a4e7cf2871b5ca14fb2682b5776eff5>.

17. Solodov D., Solodov I. Legal safeguards against involuntary criminal confessions in Poland and Russia // *Revista Brasileira de Direito Processual Penal*. 2020. № 6 (3). С. 1661-1698 // <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85096314609&doi=10.22197%2fRBDPP.V6I3.368&partnerID=40&md5=43ec2a3789d64f46cf97803ae95f1a95>.

uri?eid=2-s2.0-85085478903&doi=10.1080%2f01924036.2020.1762233&partnerID=40&md5=f2732030823d8ac9a1993efbb9163d9d.

15. Gladysheva O.V., Kostenko R.V., Sementsov V.A. Digitization: Problems of use and protection of information in criminal proceedings // *Studies in Computational Intelligence*. 2019. Вып. 826. Pp. 395-401 // https://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-3-030-13397-9_46.

16. Overill R.E., Collie, J. Quantitative evaluation of the results of digital forensic investigations: a review of progress // *Forensic Sciences Research*. 2021. // <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85100775664&doi=10.1080%2f20961790.2020.1837429&partnerID=40&md5=7a4e7cf2871b5ca14fb2682b5776eff5>.

17. Solodov D., Solodov I. Legal safeguards against involuntary criminal confessions in Poland and Russia // *Revista Brasileira de Direito Processual Penal*. 2020. № 6 (3). Pp. 1661-1698 // <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85096314609&doi=10.22197%2fRBDPP.V6I3.368&partnerID=40&md5=43ec2a3789d64f46cf97803ae95f1a95>.

**ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ
ПОКАЗАНИЙ ОБВИНЯЕМОГО**

**THE PROBLEM OF DETERMINING THE PROCEDURAL FORM
OF THE ACCUSED'S TESTIMONY**

DOI: 10.31429/20785836-13-2-23-32

Костенко Роман Валерьевич
доктор юридических наук, профессор
профессор кафедры уголовного процесса
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ID ORCID: 0000-0002-5807-6871
Author ID: 57205319331
Researcher ID: AAC-7003-2020

Kostenko Roman Valerievich
Doctor of Law, Professor
Professor of Criminal Procedure Department
Kuban State University

Шульгина Елена Владимировна
юрист
ООО «Кубань Консалт 2000»
ID ORCID: 0000-0003-0968-5061

Shulgina Elena Vladimirovna
Lawyer
Kuban Consult 2000 LLC

Аннотация: Целью настоящего научного исследования является изучение проблемы определения процессуальной формы показаний обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве с учётом существующих доктринальных точек зрения в теории и положений отечественного уголовно-процессуального законодательства.

В рамках указанной цели решались следующие задачи: осуществлён анализ научных взглядов по вопросу определения процессуальной формы показаний обвиняемого в уголовном процессе; рассмотрена характеристика процессуальной формы показаний обвиняемого с точки зрения законности источника их получения; установлено, что процессуальная форма показаний обвиняемого зависит, во-первых, от соблюдения требований УПК РФ при признании лица обвиняемым, который является субъектом (носителем) этого вида доказательств, и, во-вторых, от установленного УПК РФ способа закрепления (фиксации, сохранения) показаний, полученных от обвиняемого в уголовном процессе; предложены пути решения сложившихся проблем при определении процессуальной формы показаний обвиняемого в уголовном судопроизводстве.

В представленном научном исследовании использовались традиционные общие (диалектический, формально-логический) и частные (юридико-догматический, толкования правовых норм, сравнительно-правовой, описательный, интерпретационный) методы научного познания, которые способствовали получению нового знания о процессуальной форме показаний обвиняемого в уголовном процессе, решению некоторых проблем, возникающих в ходе правоприменения в связи с соблюдением требования законности процессуальной формы показаний обвиняемого по уголовным делам.

В результате проведённого исследования: констатируется необходимость надлежащего универсального понимания процессуальной формы показаний обвиняемого; отмечается значимость соблюдения требования законности процессуальной формы показаний обвиняемого; обосновывается важность процессуальной формы с точки зрения допустимости показаний обвиняемого; анализируются доктринальные подходы по вопросу соотношения процессуальной формы с предусмотренными в УПК РФ способами закрепления (фиксации, сохранения) показаний обвиняемого; критически рассмотрена проблема доказательственного значения протоколов допроса

обвиняемого и протоколов судебного заседания, в которых могут фиксироваться сведения, сообщаемые обвиняемым.

Сформулированы следующие основные выводы:

1) процессуальная форма доказательства в уголовном процессе выступает нормативным способом закрепления (фиксации, сохранения) содержания доказательств, её разновидности предусмотрены действующим уголовно-процессуальным законодательством в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Определение доказательств с точки зрения их законных процессуальных форм необходимо связывать с источниками сведений, на основе которых органы уголовного судопроизводства в порядке, определенном УПК РФ, устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Поэтому процессуальная форма показаний обвиняемого с точки зрения законного источника их получения должна характеризоваться, *во-первых*, законностью признания лица обвиняемым, который является субъектом (носителем) этого вида доказательства, и, *во-вторых*, определением установленного УПК РФ способа закрепления (фиксации, сохранения) показаний, полученных от обвиняемого в уголовном процессе;

2) несоблюдение, нарушение требований по порядку составления и вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ), будет означать незаконность признания такого лица обвиняемым, и соответственно влечёт за собой исключение показаний, полученных от данного субъекта, как недопустимых доказательств. Аналогичная ситуация возникает и в тех случаях, когда устанавливается незаконность либо вынесенного обвинительного акта (ст. 225 УПК РФ), либо составленного обвинительного постановления (ст. 226.7 УПК РФ);

3) процессуальная форма показаний обвиняемого с точки зрения источника их получения зависит от соблюдения законности способов закрепления (фиксации, сохранения) данного вида доказательств. В этом случае необходимо решить проблему доказательственного значения протоколов допроса обвиняемого и протоколов судебного заседания, в которых могут фиксироваться сведения, сообщаемые обвиняемым;

4) поскольку ст. 83 УПК РФ гласит, что протоколы следственных действий и протоколы судебных заседаний допускаются в качестве доказательств, если они соответствуют требованиям, установленным УПК РФ, постольку из содержания названной статьи можно сделать вывод о том, что протоколы допросов должны быть также отнесены к числу доказательств по уголовному делу. Значит, в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством РФ, самостоятельными доказательствами являются, с одной стороны, показания, полученные в ходе допросов, и, с другой, – сами протоколы допросов, в которых могут содержаться показания. Показания обвиняемого указываются в протоколах его допросов либо протоколе судебного заседания, которые в свою очередь представляют собой письменные акты, фиксирующие ход и результаты данного следственного (судебного) действия. Поэтому протоколы допросов обвиняемого точно также, как и протоколы судебных заседаний, содержащие показания обвиняемого, являются предметом оценки допустимости с точки зрения соблюдения законной процессуальной формы.

Ключевые слова: уголовный процесс, процессуальная форма, показания обвиняемого, протокол допроса обвиняемого, допустимость показаний обвиняемого.

Annotation: The purpose of this scientific research is to study the problem of determining the procedural form of the testimony of the accused in Russian criminal proceedings, considering the existing doctrinal points of view in the theory and provisions of the domestic criminal procedure legislation.

Within the framework of specified goal, the following tasks were solved: an analysis of scientific views on the issue of determining the procedural form of the testimony of the accused in the criminal process was carried out; the characteristics of the procedural form of the testimony of the accused from the point of view of the legality of the source of their receipt are considered; it was established that the procedural form of the testimony of the accused depends, firstly, on compliance with the requirements of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation when the person is recognized as the accused, who is the subject (carrier) of this type of evidence, and, secondly, on the method of securing (fixing, preserving) established by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation testimony received from the accused in the criminal process; the ways of solving the existing problems in determining the procedural form of the testimony of the accused in criminal proceedings are proposed.

In the presented scientific research uses the traditional general (dialectical, formal-logical) and private (legal-dogmatic, interpretation of legal norms, comparative legal, descriptive, interpretive) methods of scientific knowledge, which contributed to the acquisition of new knowledge about the procedural form of the testimony of the accused in criminal proceedings, solving some problems arising in the course of law

enforcement in connection with the observance of the requirement of legality of the procedural form of the testimony of the accused in criminal cases.

As a result of the study: the need for a proper universal understanding of the procedural form of the testimony of the accused is stated; the importance of compliance with the requirement of the legality of the procedural form of the testimony of the accused is noted; substantiates the importance of the procedural form from the point of view of the admissibility of the testimony of the accused; analyzes the doctrinal approaches on the correlation of the procedural form with the methods of securing (fixing, preserving) the testimony of the accused provided for in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation; the problem of the evidentiary value of the protocols of the interrogation of the accused and the minutes of the court session, in which the information provided by the accused can be recorded, is critically examined.

The following main conclusions are drawn:

1) the procedural form of evidence in criminal proceedings acts as a normative way of securing (fixing, preserving) the content of evidence, its varieties are provided for by the current criminal procedure legislation in part 2 of Art. 74 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The definition of evidence from the point of view of their legal procedural forms must be associated with sources of information, on the basis of which the bodies of criminal proceedings, in the manner determined by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, establish the presence or absence of circumstances to be proved in criminal proceedings, as well as other circumstances that are important for criminal case. Therefore, the procedural form of the testimony of the accused from the point of view of the legal source of their receipt should be characterized, firstly, by the legality of recognizing the person as the accused, who is the subject (carrier) of this type of evidence, and, secondly, by determining the method of securing (fixing, preserving) evidence obtained from the accused in the criminal process;

2) non-compliance, violation of the requirements for the procedure for drawing up and issuing a decision to prosecute as an accused (Article 171 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), will mean the illegality of recognizing such a person as an accused, and, accordingly, entails the exclusion of testimony received from this subject as inadmissible evidence. A similar situation arises in cases where the illegality of either the indictment issued (Art. 225 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), or the issued indictment (Art. 226.7 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) is established;

3) the procedural form of the testimony of the accused from the point of view of the source of their receipt depends on the observance of the legality of the methods of securing (fixing, preserving) this type of evidence. In this case, it is necessary to solve the problem of the evidentiary value of the protocols of the interrogation of the accused and the minutes of the court session, in which the information provided by the accused can be recorded;

4) since Art. 83 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation states that protocols of investigative actions and protocols of court sessions are admitted as evidence if they meet the requirements established by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, insofar as from the content of the said article it can be concluded that the protocols of interrogations should also be classified as evidence in criminal cases. business. This means that in accordance with the current criminal procedure legislation of the Russian Federation, independent evidence is, on the one hand, the testimony obtained during interrogations, and, on the other hand, the interrogation protocols themselves, which may contain testimony. The testimony of the accused is indicated in the minutes of his interrogations or the minutes of the court session, which in turn are written acts fixing the course and results of this investigative (judicial) action. Therefore, the transcripts of the interrogations of the accused, just like the transcripts of the court sessions, containing the testimony of the accused, are the subject of an assessment of admissibility in terms of compliance with the legal procedural form.

Keywords: criminal procedure, procedural form, testimony of the accused, protocol of the interrogation of the accused, permissibility of the testimony of the accused.

Введение

В настоящей научной статье рассматриваются проблемы, связанные с определением процессуальной формы показаний обвиняемого в доктрине уголовного процесса, в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве и в правоприменительной практике. Характер и масштабы исследуемой проблемы охватываются широким спектром

анализа существующих научных взглядов по данному вопросу, критическим подходом к существующим предписаниям действующего уголовно-процессуального законодательства РФ и практики его применения. В статье используются такие специализированные термины, как «процессуальная форма», «показания обвиняемого», «протокол допроса

обвиняемого», «допустимость показаний обвиняемого».

Методы исследования

Включают в себя как общенаучные (диалектический метод познания), так и специальные частные методы познания (синтез, анализ, дедукция, системно-структурный, системно-функциональный, формально-юридический, сравнительно-правовой), которые позволили комплексно изучить проблемы, связанные с определением процессуальной формы показаний обвиняемого в уголовном процессе.

Результаты исследования

1. В науке российского уголовного процесса отсутствует единый универсальный подход к пониманию процессуальной формы показаний обвиняемого, поэтому необходимо формирование единого доктринального подхода для решения указанной проблемы.

2. Отечественное уголовно-процессуальное законодательство не содержит однозначной трактовки процессуальной формы показаний обвиняемого, поэтому требуется системное толкование норм действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) с целью определения указанной категории.

Научная дискуссия

В науке уголовного процесса, по мнению одних процессуалистов, процессуальная форма доказательства совпадает с источниками фактических данных (источниками сведений о фактах) [11, с. 103-113]. Ю.К. Орлов определяет процессуальную форму доказательства через источники сведений об обстоятельствах преступления и отождествляет их видами уголовно-процессуальных доказательств [17, с. 98-99]. Отдельная группа авторов считает процессуальную форму доказательств средствами доказывания [20, с. 166]. Как полагают другие исследователи, процессуальная форма доказательства представляет собой источник доказательства [5, с. 55; 14, с. 86-87]. С указанной точкой зрения не согласен В.С. Балакшин, который делает вывод о том, существуют серьёзные основания сомневаться в теоретической и практической обоснованности применения понятия «источник доказательств» [2, с. 64]. По существу, аналогичных взглядов придерживается Д.И. Бедняков, предлагающий понятие «источник доказательств» заменить термином «носитель информации» [3, с. 53-54].

Некоторые учёные пишут о том, что термин «источник доказательства» предпочтительнее бы заменить на термин «вид доказательства», который способен отразить различия как в способах сохранения и передачи сведений, так и в процессуальном положении носителя доказательственной информации [15, с. 113; 21, с. 38]. В частности, С.А. Шейфер обращает внимание на то, что источники сведений, имеющих доказательственное значение, представленные видами доказательств выступают самими доказательствами, взятыми со стороны их формы [22, с. 48-49].

Существует точка зрения, согласно которой процессуальная форма доказательств находится в тесной взаимосвязи в структуре элементов доказательственного процесса [28, с. 1011-1012]. При этом делается акцент на информационную концепцию уголовно-процессуальных доказательств [31, с. 13-15].

В связи с этим обоснованно утверждать, что при представлении законной формы доказательств в уголовном процессе в качестве самих доказательств или их видов наблюдается противоречие, которое выражается в недопустимом отождествлении с самим понятием его составного элемента. Отдельно от содержания законная форма доказательства уже является самим доказательством или его разновидностью по уголовному делу. В таком случае нарушаются логические закономерности существования единого понятия доказательства, образованного его составными элементами – содержанием и формой. Составные элементы единого понятия доказательства, его содержание и процессуальная форма, не могут каждый по отдельности представлять или подменять собой указанное понятие [14, с. 99-100].

На мой взгляд, процессуальная форма доказательства в уголовном процессе выступает нормативным способом закрепления (фиксации, сохранения) содержания доказательств, её разновидности предусмотрены действующим уголовно-процессуальным законодательством в ч. 2 ст. 74 УПК РФ¹. Определение доказательств с точки зрения их законных процессуальных форм необходимо связывать с источниками сведений, на основе которых органы уголовного судопроизводства в порядке, определённом УПК РФ, устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Поэтому процессуальная форма

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 30 апреля 2021 г. № 111-ФЗ) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

показаний обвиняемого должна характеризоваться, *во-первых*, законностью признания лица обвиняемым, который является субъектом (носителем) этого вида доказательства, и, *во-вторых*, определением установленного УПК РФ способа закрепления (фиксации, сохранения) показаний, полученных от обвиняемого в уголовном процессе.

В науке уголовного процесса, по мнению одних авторов, необходимо выделять следующие условия, влияющие на законность носителя (источника) доказательственной информации: определённая носителя информации (конкретизация личности, получившей какие-либо фактические данные); психические свойства и состояние лица, позволяющие ему правильно воспринимать и оценивать факты реальной действительности и давать о них правильные показания; указанный в уголовно-процессуальном законе особый правовой статус лица – носителя определённой законом информации (например, адвокат, священник, депутат и т.п.); социальный статус лица, выражающийся в близких родственных отношениях с другими участниками процесса [10, с. 36-37].

Другие процессуалисты применительно к показаниям обвиняемого делают вывод о специфике допустимости показаний отдельных категорий лиц (несовершеннолетние, лица с психическими аномалиями, не исключаяющими уголовной ответственности, иностранные граждане), вытекающей из специфики их процессуального статуса [7, с. 22]. Например, О.А. Глобенко пишет, что оценке должны быть подвергнуты особенности возрастного развития и психики несовершеннолетнего, частота присутствия среди несовершеннолетних обвиняемых лиц, отстающих в психическом развитии или страдающих психическими аномалиями, что позволило говорить об обязанности присутствия узкого специалиста в области детской и юношеской психологии, а именно клинического психолога, что особенно представляется актуальным на фоне отказа от специализации следователей по данной категории дел [7, с. 22].

На мой взгляд, безусловно перечисленные выше обстоятельства необходимо учитывать при характеристике показаний обвиняемого. Однако, они не имеют непосредственного отношения к определению процессуальной формы показаний обвиняемого. Их правовое значение проявляется, прежде всего,

в ходе проверки и оценки достоверности указанного вида доказательства. Установление же процессуальной формы показаний обвиняемого с точки зрения законного источника их получения следует связывать с законностью признания лица обвиняемым, который является субъектом (носителем) этого вида доказательства [24, с. 177-180]. Справедливо также, что законность источника составляет одно из правил проверки и оценки допустимости показаний обвиняемого в уголовном процессе [29, с. 1684-1685].

В соответствии с ч. 1 ст. 47 УПК РФ обвиняемым признаётся лицо, в отношении которого: 1) вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого; 2) вынесен обвинительный акт; 3) составлено обвинительное постановление. Несоблюдение, нарушение требований по порядку составления и вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ), будет означать незаконность признания такого лица обвиняемым, и соответственно влечёт за собой исключение показаний, полученных от данного субъекта, как недопустимых доказательств. Аналогичная ситуация возникает и в тех случаях, когда устанавливается незаконность либо вынесенного обвинительного акта (ст. 225 УПК РФ), либо составленного обвинительного постановления (ст. 226.7 УПК РФ).

В контексте проблемы законности признания лица обвиняемым по уголовному делу ряд процессуалистов высказывает мнение о том, что необходимо отказаться на этапе досудебного производства вообще от такого субъекта, как обвиняемый, и заменить его на подозреваемого [6, с. 43]. Одним из аргументов в пользу такой позиции предлагается учитывать практически одинаковые права, которыми обладают подозреваемый и обвиняемый в период расследования.

Следует отметить, что данную идею восприняли в законодательстве некоторых стран ближнего зарубежья. Например, ч. 2 ст. 42 УПК Украины предписывает, что обвиняемым (подсудимым) является лицо, обвинительный акт в отношении которого передан в суд². Поэтому на всём протяжении предварительного расследования по УПК Украины лицо, в отношении которого ведётся уголовное преследование, признаётся подозреваемым.

² Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. (в ред. от 27 апреля 2021 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Согласно ст. 65 УПК Казахстана, лицо признаётся обвиняемым только по итогам досудебного расследования в случаях, когда:

1) прокурором утвержден обвинительный акт;

2) прокурором утвержден протокол об уголовном проступке и принято решение о направлении уголовного дела в суд по соответствующей статье (статьям) уголовного закона;

3) досудебное расследование окончено заключением процессуального соглашения о сотрудничестве³.

УПК Республики Казахстан исходит из того, что на досудебном расследовании, по существу, фигурирует подозреваемый, как субъект в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Также в научной литературе отмечается, что уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан представляет собой более прогрессивную модель уголовного процесса в сравнении с УПК РФ [25, с. 7-8; 30, с. 414-415]. При этом справедливо, что ключевые аспекты и проблемы современной уголовно-процессуальной политики необходимо рассматривать сквозь призму её сценариев – с точки зрения фактического осуществления уголовно-процессуальной политики, а также с точки зрения ожидаемых результатов и основных тенденций развития уголовного судопроизводства [26, с. 782-783; 27, с. 120].

Отдельные представители российской уголовно-процессуальной науки, которые высказываются против исключения из уголовного процесса института привлечения лица в качестве обвиняемого, считают: «замена обвиняемого подозреваемым приведёт к потере такого вида доказательств как показания обвиняемого, что означает исключение одного из средств исследования обстоятельств дела и средства защиты лица от уголовного преследования, так как существуют определенные различия между предметом показаний подозреваемого и предметом показаний обвиняемого» [23, с. 15].

Процессуальная форма показаний обвиняемого также зависит от установленных в УПК РФ способов закрепления (фиксации, сохранения) данного вида доказательств. В этом случае необходимо решить проблему доказательственного значения протоколов

допроса обвиняемого и протоколов судебного заседания, в которых могут фиксироваться сведения, сообщаемые обвиняемым.

В теории уголовного процесса мнения учёных по рассматриваемой проблематике разделились. Одна часть авторов полагает, что необходимо разграничение и противопоставление познавательной природы протоколов допросов, в том числе и протокола допроса обвиняемого, с другими протоколами следственных и судебных действий [17, с. 119- 120]. Как утверждает Х.А. Сабиров, «протоколы допросов не отнесены к самостоятельному виду доказательств, поскольку познание обстоятельств преступления следователем, судом осуществляется в них через допрашиваемое лицо, то есть опосредованным путём. В основе же протоколов следственных и судебных действий лежит непосредственный путь познания, исключаящий лишнее субъективное передаточное звено. Следовательно, судья непосредственно воспринимают в этом случае фактические данные, которые отражаются в протоколах» [18, с. 9-10].

Аналогичных взглядов придерживается О.В. Савенко, которая «делает вывод о том, что самостоятельными доказательствами являются протоколы таких следственных действий, в ходе которых следователь, дознаватель непосредственно воспринимает доказательственную информацию (это имеет место при осмотре, освидетельствовании, следственном эксперименте, обыске, выемке, наложении ареста на почтово-телеграфные отправления, контроле и записи переговоров, получении информации о соединении между абонентами и (или) абонентскими устройствами, предъявлении для опознания, проверке показаний на месте). Что касается протокола судебного заседания, то он служит доказательством в той части, в которой зафиксированы сведения, при помощи которых устанавливаются обстоятельства, могущие иметь значение для уголовного дела (это происходит в ходе судебного следствия)» [19, с. 15].

Высказанные позиции во многом базировались на положениях ранее действовавшего УПК РСФСР⁴. Ст. 87 «Протоколы следственных и судебных действий» УПК РСФСР прямо предписывала, что являются доказательством по уголовному делу только те протоколы, которые

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. (в ред. от 2 января 2021 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (в ред. от 29 декабря 2001 г. № 192-ФЗ) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

удостоверяют обстоятельства и факты, установленные при осмотре, освидетельствовании, выемке, обыске, задержании, предъявлении для опознания, а также при производстве следственного эксперимента. В таком случае протоколы допросов не должны были признаваться востребованными в качестве самостоятельных доказательств по уголовным делам.

Противоположная точка зрения основывается на аргументации, признающей за протоколами допросов значение доказательств. «Сведения, которые должны быть зафиксированы в установленном законом порядке, получаются в результате сложного отражательного процесса следообразования. Прежде всего, происходит первичное отражение обстоятельств преступления в окружающем мире объективной действительности. Соответственно источниками отобразившихся следов преступления будут являться, с одной стороны, сознание живых людей, с другой, - неодушевлённые предметы. На этом этапе отобразившиеся следы преступления, содержащиеся в указанных источниках, ещё не доступны для непосредственного восприятия органам уголовного судопроизводства. Лишь только затем в ходе производства процессуальных действий по собиранию, проверке и оценке сведений об обстоятельствах совершённого преступления органы уголовного судопроизводства непосредственно воспринимают уже своим сознанием отобразившуюся информацию из неживых источников (предметов, вещей материального мира) или от живых людей (субъектов показаний). В данном случае имеет место именно непосредственное восприятие следов преступления независимо от того, каким был источник информации: человеком или вещью. Непосредственность восприятия лицом, ведущим производство по делу, информации обеспечивается тем, что оно само лично производит необходимые следственные или судебные действия по собиранию, проверке и оценке сведений об обстоятельствах совершённого преступления. Непосредственно же воспринятые сознанием следователя или судьи следы преступления должны быть отражены (вторичное отражение) и зафиксированы в установленных уже законом источниках» [13, с. 102-103].

По моему мнению, именно в результате и по итогам такого вторичного отражения следов преступления в предусмотренных законом источниках происходит образование отдельных разновидностей процессуальных форм

доказательств. Так, например, сведения об имеющих значение для уголовного дела обстоятельствах, сообщаемые в ходе допроса свидетелем, непосредственно воспринимаются сознанием лица, в производстве которого находится дело, а затем отражаются в соответствующем протоколе допроса или протоколе судебного заседания. К числу таких источников сведений об обстоятельствах и фактах уголовного дела или процессуальных форм доказательств относятся: 1) показания обвиняемого, подозреваемого, свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста, зафиксированные в соответствующих протоколах их допросов или протоколе судебного заседания; 2) протоколы следственных и судебных действий.

«Доказательства, фиксирующие и сохраняющие информацию о выявленных фактах и обеспечивающие их адекватное описание в соответствующих документах (протоколах), формируются на втором уровне» [32, с. 782-783].

Аналогичных взглядов придерживается целый ряд авторов [1, с. 121; 9, с. 87-88; 12, с. 46-49; 16, с. 131].

Отдельные процессуалисты высказывают даже такую крайне радикальную позицию, согласно которой, перечисление в ст. 74 УПК РФ показания в качестве видов доказательств наряду с протоколами следственных и судебных действий является с точки зрения законодательной техники излишним, а с позиций теории доказательств – неправильным [4, с. 31].

Ст. 83 УПК РФ провозглашает, что протоколы следственных действий и протоколы судебных заседаний допускаются в качестве доказательств, если они соответствуют требованиям, установленным УПК РФ. Судя по всему, из содержания названной статьи можно сделать вывод о том, что протоколы допросов должны быть также отнесены к числу доказательств по уголовному делу. Значит, в соответствие с действующим уголовно-процессуальным законодательством РФ, самостоятельными доказательствами являются, с одной стороны, показания, полученные в ходе допросов, и, с другой, – сами протоколы допросов, в которых могут содержаться показания.

Как показывает анализ следственно-судебной практики, протоколы допросов, в том числе и протоколы допросов обвиняемого, правоприменителями повсеместно признаются самостоятельными доказательствами по уголовным делам, которые являются могут быть исключены, как полученные с нарушением закона. Причём речь идёт о признании

недопустимыми доказательствами именно протоколов допроса, а не содержащихся в них показаний.

Так, Кассационным определением Верховного Суда РФ от 30 июня 2011 г. № 48-011-41 приговор по делу о разбойном нападении и убийстве был изменён, поскольку суд необоснованно исключил из числа доказательств протокол допроса обвиняемого, так как указание в приговоре на дату протокола допроса является технической ошибкой⁵.

Показания обвиняемого указываются в протоколах его допросов либо протоколе судебного заседания, которые в свою очередь представляют собой письменные акты, фиксирующие ход и результаты данного следственного (судебного) действия. Поэтому протоколы допросов обвиняемого (и других участников процесса), точно также, как и протоколы судебных заседаний, содержащие показания обвиняемого, являются предметом оценки допустимости с точки зрения соблюдения законной процессуальной формы [8, с. 6].

Список использованной литературы:

1. Ананенко И.В. Допустимость протоколов следственных действий: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.
2. Балакшин В.С. Доказательства в российском уголовном процессе: понятие, сущность, классификация. Екатеринбург, 2002.
3. Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М., 1991.
4. Будников В. Субъект доказывания не может быть свидетелем по уголовному делу // Российская юстиция. 2002. № 8. С. 30-31.
5. Власова Н. Перечень доказательств – это краткое изложение сведений, содержащихся в том или ином источнике // Российская юстиция. 2003. № 9. С. 55-56.
6. Гаврилов Б.Я. Актуальные проблемы правоприменительной практики в условиях действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Уголовно-процессуальное право: понятие, содержание, источники: матер. науч.-практ. конф. М., 2006.
7. Глобенко О.А. Показания обвиняемого в современном российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007.
8. Григорьева Н.В. Исключение из разбирательства дела недопустимых доказательств // Российская юстиция. 1995. № 11. С. 5-7.
9. Зверев А.Г. Допустимость показаний подозреваемого в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006.

References:

1. Ananenko I.V. Admissibility of protocols of investigative actions: thesis ... Candidate of Law. SPb., 2005.
2. Balakshin V.S. Evidence in the Russian criminal process: concept, essence, classification. Yekaterinburg, 2002.
3. Bednyakov D.I. Non-procedural information and crime investigation. M., 1991.
4. Budnikov V. The subject of proof cannot be a witness in a criminal case // Russian justice. 2002. № 8. Pp. 30-31.
5. Vlasova N. The list of evidence is a summary of the information contained in a particular source // Russian justice. 2003. № 9. Pp. 55-56.
6. Gavrilov B.Ya. Actual problems of law enforcement practice in the conditions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Criminal Procedure Law: concept, content, sources: mater. scientific-practical conf. M., 2006.
7. Globenko O.A. Testimony of the accused in the modern Russian criminal process: abstract ... Candidate of Law. Nizhny Novgorod, 2007.
8. Grigorieva N.V. Exclusion of inadmissible evidence from the proceedings // Russian Justice. 1995. № 11. Pp. 5-7.
9. Zverev A.G. Admissibility of the testimony of a suspect in the Russian criminal process: thesis ... Candidate of Law. Rostov-on-Don, 2006.

⁵ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 30 июня 2011 г. № 48-011-41 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

10. Зеленский Д.В. Проблемы допустимости доказательств в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1995.
11. Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995.
12. Корнеева А.Н. Показания потерпевшего в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011.
13. Костенко Р.В. Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006.
14. Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России. Лекции-очерки / Под ред. В.М. Савицкого. М., 1997.
15. Левченко О.В. Система средств познавательной деятельности в доказывании по уголовным делам и её совершенствование: дис. ... д-ра юрид. наук. Астрахань, 2004.
16. Мамедов О.Я. Оценка допустимости доказательств на досудебном производстве по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007.
17. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: науч.-практ. пос. М., 2000.
18. Сабиров Х.А. Протоколы следственных и судебных действий как вид доказательств в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000.
19. Савенко О.В. Протоколы следственных действий и судебного заседания как доказательства по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
20. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / Отв. ред. П.А. Лупинская. М., 2004.
21. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Тольятти, 1997.
22. Шейфер С.А. Проблемы допустимости доказательств требуют дальнейшей разработки // Государство и право. 2001. № 10. С. 47-54.
23. Шуличенко А.А. Показания обвиняемого: правовой, психологический и нравственный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
24. Юрьев Г.Ю. Допустимость показаний обвиняемого с точки зрения надлежащего источника их получения // Государственная служба и кадры. 2018. № 4. С. 177-180.
25. Abdramanova N.K., Alaukhanov Y.O., Alimbekova M.A., Maulenov D.B., Ayanbayev Y.S. The relevance and importance of criminological research on the problems of the legal fight against latent crime in Kazakhstan // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2019. № 10 (1). С. 7-12.
26. Akimova N.V. To the question of building an ideological basis of the legal policy for the criminal sphere of russian society // Russian journal of criminology. 2019. № 13 (5). С. 782-790.
10. Zelensky D.V. Problems of the admissibility of evidence in the Russian criminal process: thesis ... Candidate of Law. Krasnodar, 1995.
11. Kokorev L.D., Kuznetsov N.P. Criminal Procedure: Evidence and Evidence. Voronezh, 1995.
12. Korneeva A.N. Testimony of the victim in the Russian criminal process: thesis ... Candidate of Law. Krasnodar, 2011.
13. Kostenko R.V. Evidence in the criminal process: conceptual approaches and perspectives of legal regulation: thesis ... Doctor of Law. SPb., 2006.
14. Larin A.M., Melnikova E.B., Savitsky V.M. The criminal process of Russia. Lectures-sketches / Ed. by V.M. Savitsky. M., 1997.
15. Levchenko O.V. The system of means of cognitive activity in proving in criminal cases and its improvement: thesis ... Doctor of Law. Astrakhan, 2004.
16. Mamedov O.Ya. Assessment of the permissibility of evidence in pre-trial criminal proceedings: thesis ... Candidate of Law. Volgograd, 2007.
17. Orlov Yu.K. Foundations of the theory of evidence in criminal proceedings: scientific and practical guide. M., 2000.
18. Sabirov Kh.A. Protocols of investigative and judicial actions as a type of evidence in the Russian criminal process: abstract ... Candidate of Law. Krasnodar, 2000.
19. Savenko O.V. Protocols of investigative actions and court sessions as evidence in a criminal case: abstract ... Candidate of Law. M., 2014.
20. Criminal procedure law of the Russian Federation: textbook / Ed. by P.A. Lupinskaya. M., 2004.
21. Sheifer S.A. Evidence and proving in criminal cases: problems of theory and legal regulation. Togliatti, 1997.
22. Sheifer S.A. Problems of permissibility of evidence require further development // State and Law. 2001. № 10. Pp. 47-54.
23. Shulichenko A.A. Testimony of the accused: legal, psychological and moral aspects: abstract ... Candidate of Law. M., 2008.
24. Yuriev G.Yu. Admissibility of the testimony of the accused from the point of view of the proper source of their receipt // State Service and Personnel. 2018. № 4. Pp. 177-180.
25. Abdramanova N.K., Alaukhanov Y.O., Alimbekova M.A., Maulenov D.B., Ayanbayev Y.S. The relevance and importance of criminological research on the problems of the legal fight against latent crime in Kazakhstan // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2019. № 10 (1). Pp. 7-12.
26. Akimova N.V. To the question of building an ideological basis of the legal policy for the criminal sphere of russian society // Russian journal of criminology. 2019. № 13 (5). Pp. 782-790.

27. Kirillova N.P., Smirnova I.G. Key scripts of contemporary criminal procedure policy // Russian journal of criminology. 2018. № 12 (1). С. 116-127.

28. Kostenko R.V., Rudin A.V. Notion and meaning of evidence verification in criminal procedure // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. № 9 (3). С. 1011-1017.

29. Kostenko R.V., Yuriev G.Yu. The admissibility of statements provided by an accused person in the russian criminal procedure // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. № 9 (5). С. 1684- 1688.

30. Kostenko R.V., Komissarova Y.V., Perekrestov V.N. The current state of electronic digital enforcement in the criminal process in Russia and some of the EAEU member countries // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. № 110. С. 414-420.

31. Voskobitova L.A., Rossinskiy S.B. Issues cognition in modern criminal proceedings // Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law. 2015. № 9 (1). С. 13-143.

32. Voskobitova L.A., Przhilenskiy V.I. Evolution of the notion of fact: Issues of legal cognition and law enforcement practices // Russian journal of criminology. 2016. № 10 (4). С. 779-789.

27. Kirillova N.P., Smirnova I.G. Key scripts of contemporary criminal procedure policy // Russian journal of criminology. 2018. № 12 (1). Pp. 116-127.

28. Kostenko R.V., Rudin A.V. Notion and meaning of evidence verification in criminal procedure // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. № 9 (3). Pp. 1011-1017.

29. Kostenko R.V., Yuriev G.Yu. The admissibility of statements provided by an accused person in the russian criminal procedure // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. № 9 (5). Pp. 1684- 1688.

30. Kostenko R.V., Komissarova Y.V., Perekrestov V.N. The current state of electronic digital enforcement in the criminal process in Russia and some of the EAEU member countries // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. № 110. Pp. 414-420.

31. Voskobitova L.A., Rossinskiy S.B. Issues cognition in modern criminal proceedings // Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law. 2015. № 9 (1). Pp. 13-143.

32. Voskobitova L.A., Przhilenskiy V.I. Evolution of the notion of fact: Issues of legal cognition and law enforcement practices // Russian journal of criminology. 2016. № 10 (4). Pp. 779-789.

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЖАЛОВАНИЯ
В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

**MODERN PROBLEMS OF APPEAL
IN DOMESTIC CRIMINAL PROCEEDINGS**

DOI: 10.31426/20785836-13-2-33-42

Семенов Владимир Александрович
*доктор юридических наук, профессор
профессор кафедры уголовного процесса
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ID ORCID: 0000-0002-1127-5603
Author ID: 57194869679*

Sementsov Vladimir Alexandrovich
*Doctor of Law, Professor
Professor of Criminal Procedure Department
Kuban State University*

Рудакова Светлана Викторовна
*кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры уголовного процесса
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ID ORCID: 0000-0002-9448-8355*

Rudakova Svetlana Viktorovna
*Candidate of Legal Sciences, Associate professor
Associate professor of Criminal Procedure Department
Kuban State University*

Аннотация: Основная цель проводимого исследования – разработка оптимального механизма обжалования как важнейшего уголовно-процессуального средства обеспечения законности в отечественном уголовном судопроизводстве и защиты прав и законных интересов его участников. Для достижения указанной цели необходимы фундаментальные научные исследования всех возможных аспектов обжалования, наиболее важными из которых выступают теоретическая конструкция, законодательная модель и опыт правоприменения. В рамках указанной цели сформулированы и решались следующие задачи: изучение научных позиций, точек зрения отдельных ученых по вопросам сущности, значения, структуры, функционирования механизма обжалования, основ и деталей законодательного регулирования этого механизма в части принципов обжалования, определения субъектов права на обжалование, содержания этого субъективного права, способов и средств его реализации, включая форму подачи жалобы, обращения к лицам, уполномоченным на рассмотрение жалоб и др.

Основой для проведения исследования стала выдвинутая гипотеза о несовершенстве законодательной модели обжалования, наличии пробелов и несистемности нормативного правового регулирования. Гипотеза в свою очередь базируется на многочисленных критических оценках ученых, обращенных как к обжалованию в целом, так и отдельным его элементам.

Методология исследования основана на традиционных общих и частных научных методах, совокупность которых позволила получить новые знания о содержании уголовно-процессуального обжалования, выявить причины появления фундаментальных и прикладных проблем, сопровождающих подачу жалоб, основания и закономерности проявления стеснения либо полного лишения отдельных субъектов уголовно-процессуальных отношений права на обжалование, получить иные значимые для проводимого исследования научные знания.

Результатами проведенного исследования стали выводы, основанные на авторской оценке сложившейся в теории уголовного процесса и практике законодательного регулирования уголовно-процессуального обжалования в ситуации, требующей скорейшего исправления вследствие множества проблем, затрудняющих или существенно ограничивающих конституционные права участников уголовного судопроизводства. К числу этих проблем следует отнести: 1) недостаточность основополагающих правил, способных сформировать современный, отвечающий интересам участников уголовного судопроизводства механизм обжалования; 2) нерешенность вопроса о свободе обжалования и отсутствие реального процессуального механизма, обеспечивающего реализацию этого правила; 3) теоретическая и правовая неопределенность в вопросе злоупотребления правом на обжалование; 4) недостатки в правовом статусе следователя и дознавателя в результате непродуманного лишения их права на обжалование и др.

Предлагаются следующие основные выводы:

1. Современные научные исследования, затрагивающие обжалование, в основном направлены на решение проблем пересмотра судебных и иных решений. Учитывая, что пересмотр – самостоятельное направление уголовно-процессуальной деятельности, а обжалование выступает основанием для пересмотра, полагаем необходимым проведение самостоятельного фундаментального комплексного изучения проблем уголовно-процессуального обжалования.

2. К числу наиболее актуальных проблем обжалования теоретического характера следует отнести потребность в формировании принципиальной основы обжалования, совершенствовании механизма его реализации, а также изучении возможностей оптимизации процессуального статуса участников уголовного судопроизводства по реализации права на обжалование.

3. Решением многих правоприменительных проблем могло бы стать изменение уголовно-процессуального законодательства в части развития института обжалования, уточнения его процессуальных форм, включая расширение способов подачи жалоб, например, в устной форме или посредством направления электронного документа.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, обжалование, принцип, свобода обжалования, процедура, жалоба, злоупотребление правом, научные исследования.

Annotation: The main goal of the research is to develop an optimal appeal mechanism as the most important criminal procedural means of ensuring the rule of law in domestic criminal proceedings and protecting the rights and legitimate interests of its participants. To attain this objective, fundamental scientific research of all possible aspects of the appeal is necessary, the most important of which are the theoretical structure, the legislative model and the experience of law enforcement. Within the framework of this goal, the following tasks were formulated and solved: the study of scientific positions, points of view of individual scientists on the essence, meaning, structure, functioning of the appeal mechanism, the basics and details of the legislative regulation of this mechanism in terms of the principles of appeal, determination of the subjects of the right to appeal, the content of this subjective law, ways and means of its implementation, including the form of filing a complaint, contacting persons authorized to consider complaints, etc.

The basis for the study was the hypothesis put forward about the imperfection of the legislative model of appeal, the presence of gaps and the inconsistency of normative legal regulation. The hypothesis, in turn, is based on numerous critical assessments of scientists, addressed both to the appeal in general and to its individual elements.

The research methodology is based on traditional general and particular scientific methods, the totality of which made it possible to obtain new knowledge about the content of criminal procedural appeal, to identify the reasons for the emergence of fundamental and applied problems accompanying the filing of complaints, the grounds and patterns of manifestation of constraint or complete deprivation of certain subjects. criminal procedural relations, the right to appeal, to obtain other scientific knowledge that is significant for the research being carried out.

The results of the study were conclusions based on the author's assessment of the existing in the theory of criminal procedure and the practice of legislative regulation of criminal procedural appeal of the situation, as requiring urgent correction due to many problems that complicate or significantly limit the constitutional rights of participants in criminal proceedings. These problems include: 1) the lack of fundamental rules that can form a modern appeal mechanism that meets the interests of participants in criminal proceedings; 2) the unresolved issue of freedom of appeal and the absence of a real procedural mechanism to ensure the implementation of this rule; 3) theoretical and legal uncertainty in the issue of abuse of the right to appeal; 4) shortcomings in the legal status of the investigator and the interrogating officer as a result of ill-considered deprivation of their right to appeal, etc.

The following main conclusions are drawn:

1. Modern scientific research concerning appeal is mainly aimed at solving the problems of revising judicial and other decisions. Considering that revision is an independent direction of criminal procedural activity, and the appeal is the basis for revision, we believe it is necessary to conduct an independent fundamental comprehensive study of the problems of criminal procedural appeal.

2. Among the most pressing problems of theoretical appeal is the need to form a fundamental basis for appeal, improve the mechanism for its implementation, as well as study the possibilities of optimizing the procedural status of participants in criminal proceedings to exercise the right to appeal.

3. The solution to many law enforcement problems could be a change in the criminal procedural legislation in terms of the development of the institution of appeal, clarification of its procedural forms, including the expansion of methods of filing complaints, for example, orally or by sending an electronic document.

Keywords: criminal proceedings, appeal, principle, freedom of appeal, procedure, complaint, abuse of the right, scientific research.

Введение

Обжалование в уголовном судопроизводстве выполняет важную социальную и правовую миссию: обеспечивает соблюдение и поддержание надлежащего уровня законности во всех аспектах уголовно-процессуальной деятельности, а также защиту прав, свобод и законных интересов ее участников. Благодаря обжалованию возможно своевременное исправление допущенных ошибок, обеспечение оперативного выявления нарушений уголовно-процессуального закона (иного федерального законодательства) и своевременное принятие меры к исправлению ситуации, в том числе по защите надлежащим образом прав граждан и иных лиц.

Значение обжалования в уголовном судопроизводстве обуславливает потребность в эффективном функционировании всех элементов соответствующей процессуальной формы. Однако такого рода вывод (об эффективности) можно сделать далеко не всегда и не во всех случаях применения обжалования в уголовном судопроизводстве. Индикатором применения обжалования может в определенной степени выступать имеющаяся судебная статистика, а также статистические данные прокурорской и следственной деятельности. Так, за 2020 г. в суды общей юрисдикции в апелляционном, кассационном и надзорном порядке поступило 498 797 жалоб¹, в следственных органах Следственного комитета РФ в 2020 г. рассмотрено 451 852 обращения (с учетом жалоб, разрешенных в порядке ст. 124 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации², хотя аналогичные статистические

данные на официальных сайтах Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации отсутствуют.

Приведенные цифры свидетельствуют о масштабах применения обжалования, как средства защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Эти же цифры демонстрируют количество потенциальных нарушений закона при производстве по уголовным делам и при проверке сообщений о преступлениях.

Для цели нашего исследования отметим еще одно обстоятельство. Обжалование является универсальным процессуальным средством, применение которого допускается на любом этапе уголовного судопроизводства, принадлежит практически любому его участнику. Правила обжалования весьма разнообразны и зависят от стадии уголовного судопроизводства, его формы, участника, реализующего соответствующую деятельность и иных обстоятельств.

Изучение обжалования проводилось и проводится на самых различных уровнях, с различных сторон и весьма масштабно. В то же время анализ диссертационных работ по проблемам обжалования позволил выявить лишь несколько целенаправленно проведенных монографических исследований по проблемам обжалования. Полученные результаты являются весомым аргументом в решении множества задач обжалования в уголовном судопроизводстве. Вместе с тем по-прежнему остаются нерешенными многие проблемы, имеющие

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ: <http://www.cdep.ru/index.php?id=203> (дата обращения – 22 апреля 2020 г.).

² Справка о результатах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации по рассмотрению обращений граждан за 2020 г. // Официальный сайт Следственного комитета РФ: <https://sledcom.ru/about> (дата обращения - 22 апреля 2020 г.).

теоретический, законодательный и правоприменительный характер. Отметим лишь некоторые, но, как представляется, наиболее важные проблемы, требующие своего исследования и решения.

Методы исследования

Проводимое исследование основано на традиционной научной методике, с применением общенаучных и частно научных методов. Диалектический метод позволил изучить обжалование в уголовном судопроизводстве в динамике, в соотношении с иными уголовно-процессуальными, а также социальными институтами. Развитие уголовного судопроизводства, его диалектические свойства, позволили выявить как положительные, так и проблемные аспекты такого его элемента как обжалование. Помимо диалектического метода в основе проведенного исследования находятся такие методы, как различные виды анализа (системно-функциональный, системно-структурный, сравнительно-правовой). Посредством применения этих видов анализа были получены знания об элементах, составляющих теоретическую и законодательную конструкцию обжалования, их функциональных задачах, способах их решения, возможностях совершенствования функционала, в частности, его расширения у отдельных элементов обжалования. Сравнительно-правовой анализ позволил сопоставить различные системы обжалования и выявить их потенциально-полезные свойства, определить возможность их применения в отечественной системе обжалования. Кроме того, были установлены ряд положительных черт, выгодно отличающие отечественную систему обжалования. Также использовался анализ общих свойств обжалования, а также взаимных связей между отдельными элементами обжалования в уголовном судопроизводстве.

Применение метода синтеза позволило сформулировать ряд выводов, касающихся общих проблемных аспектов, проявляющихся в сфере уголовно-процессуального обжалования, продемонстрировать и обобщить складывающиеся тенденции в правоприменительной практике.

Формально-юридический метод дал возможность подробного изучения смысла и содержания отдельных процессуальных предписаний, что было необходимо для уяснения и надлежащей интерпретации содержания уголовно-процессуального закона.

Метод прогнозирования обеспечил построение общей перспективы современного совершенствования обжалования в уголовном судопроизводстве.

Результаты исследования

Позиция авторов по отношению к уголовно-процессуальному обжалованию выражается в следующих выводах.

1. Социальная и правовая значимость обжалования требует создания и внедрения в уголовное судопроизводство такого механизма, который бы в максимальной степени позволял достичь его назначения, закрепленного в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации³ (далее – УПК РФ). Действующая в настоящее время законодательная модель не способна в полной мере решать эту задачу. Проблемами выступают отсутствие необходимой принципиальной основы обжалования, недостаточная детализация уголовно-процессуальной формы, отсутствие надлежащей правовой основы для эффективной защиты прав участников уголовного судопроизводства и др.

2. Наличие противоречий не только внутри уголовно-процессуального законодательства, но и в теоретической сфере, формирование подчас противоположных предложений о направлениях совершенствования института обжалования затрудняют этот процесс, существенно снижают его эффективность. Обосновывается единый методологический подход к исследованию обжалования и его совершенствованию, который основан на признании обжалования самостоятельной структурой механизма обеспечения прав участников уголовного судопроизводства, наличия его системных связей с иными элементами уголовного судопроизводства, и потребности их развития и совершенствования.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 30 апреля 2021 г. № 111-ФЗ) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Научная дискуссия

К числу теоретических проблем мы относим современную оценку содержания и механизма реализации принципа права на обжалование процессуальных действий и решений, предусмотренного ст. 19 УПК РФ. Его фундаментальной основой выступают положения ст.ст. 45, 46 и 50 Конституции Российской Федерации⁴, закрепивших правовую основу обжалования во всей отечественной правовой системе. В свою очередь причиной для появления этих конституционных положений стали такие ценности, названные в Основном законе, как возможность защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом; в том числе обжаловать в суд решения и действия (или бездействия) органов государственной власти и должностных лиц; гарантии пересмотра приговора. Совокупность конституционных и отраслевых положений позволила законодателю сформировать и закрепить в уголовно-процессуальном законе исходное правило, определившее последующий механизм реализации права на обжалование. Этот механизм в настоящее время отличается разветвленностью и исключительным многообразием форм и способов, предназначенных для обжалования различных процессуальных решений и действий (бездействия).

Например, существенным образом отличаются основания обжалования в апелляционную инстанцию промежуточных и окончательных судебных решений. Вариативны формы обжалования в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: ст. 124 УПК РФ предусматривает внесудебный, а ст.ст. 125 и 125.1 УПК РФ – судебный порядок обжалования. При этом ст. 125 и 125.1 УПК РФ предусматривают различные процедуры.

Исследование различных направлений обжалования, его форм, способов, оснований, процедур, субъектов и их процессуальный статус позволяет сделать следующее заключение: содержание принципа, закрепленного в ст. 19 УПК РФ, не исчерпывает всего разнообразия механизма, предназначенного для его реализации. Соответственно в определенной части этот механизм становится «свободным» от действия специфической идеи, развивается вне

ее. Полагаем, что это обстоятельство может свидетельствовать об «отставании» принципиальной основы уголовного судопроизводства и необходимости ее дополнения путем разработки и включения в нее новых исходных и необходимых для контролируемого и системного развития уголовно-процессуального обжалования идей.

Считаем, что на уровне принципа должно быть предусмотрено не только право на обжалование решений и действий (бездействия), но и определены исходные правила для процессуальной формы обжалования, а также для установления его предмета и пределов.

Существенным вопросом, требующим теоретического исследования и разрешения на принципиальном уровне, выступает свобода обжалования, которой уделяется особое внимание в отечественной уголовно-процессуальной науке. Профессор С.В. Потапенко по этому поводу пишет: «Российская уголовно-процессуальная система построена на основе определенной законом инстанционности, основанной на обязательной свободе обжалования. Свобода обжалования судебных постановлений по уголовным делам в вышестоящую судебную инстанцию одинаково важна не только для осужденных, но и для потерпевших и гражданских истцов как важнейшая уголовно-процессуальная гарантия их права на судебную защиту от преступления» [10, с.130].

В этой связи интересным представляется следующий факт. Несмотря на то, что право на обжалование обвинительного приговора в уголовном судопроизводстве признается как основополагающее для отправления уголовного правосудия, признано международным правом, в уголовно-процессуальном праве целого ряда зарубежных государств, из правила о свободе обжалования предусмотрены исключения.

Так, в Великобритании в случае признания вины появляются ограничения на апелляцию, а учитывая, что «в настоящее время около 91 % обвинительных приговоров, являются результатом признания вины, такого рода ограничения действуют в подавляющем большинстве случаев. Почти во всех таких случаях обвиняемые могут подавать апелляцию только на том основании, что их заявления были недобровольными или двусмысленными. Также наблюдается отказ разрешать апелляции на основании новых доказательств, которые ставят

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // <http://www.pravo.gov.ru>, 4 июля 2020 г. (дата обращения - 26 мая 2021 г.).

под сомнение вину подсудимого. Апелляционный суд заявил, что это будет разрешено только в исключительных случаях в случае признания вины» [15; 16, с. 513-552].

В качестве другого примера ограничения права на свободу обжалования можно привести уголовно-процессуальное законодательство Австралии, согласно которому, заявитель должен сначала получить разрешение или специальное разрешение на обжалование обвинительного приговора или иного приговора и других постановлений, прежде чем можно будет принять решение по самой апелляции. Тем самым и в Австралии существует противоречие между «правом» на подачу апелляции и требованием сначала получить «разрешение» на подачу апелляции [17, с. 303-327].

Применительно к понятию «свобода обжалования» отметим масштабность использования этого понятия в отечественной уголовно-процессуальной науке, его устоявшееся положение и традиционность интерпретации [5]. Однако стоит отметить, что в тексте уголовно-процессуального закона России, а также и в Конституции такое понятие как «свобода обжалования» законодателем не используется. Соответственно есть смысл говорить о доктринальном характере указанного понятия и лишь желательности его восприятия законодателем. Этот вопрос также рассматривается нами как перспективный в части определения принципиальной основы, а также изучения перспектив его развития в системе уголовно-процессуального обжалования.

Одновременно и в связи с изучением свободы обжалования появляется проблема злоупотребления правом на обжалование. В частности, в литературе обращается внимание на злоупотребление правом обжалования в суд действий (бездействия) и решений лиц, осуществляющих досудебное производство, прокурора в порядке ст. 125 УПК РФ. Злоупотребление этим правом допускается, как правило, со стороны подозреваемого, обвиняемого, защитника. Отмечается, что «жалобы заявителей содержат искусственно смоделированный спор и имеют целью не защиту прав, а дезорганизацию работы по отправлению правосудия, неправильное представление судей о предназначении института судебной защиты, реализуемого в порядке ст. 125 УПК РФ, влечет создание предпосылок для злоупотребления заявителями своим правом на обжалование» [13, с. 23-27].

Анализируя проблему злоупотребления правом, в контексте реализации принципа уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 19 УПК РФ, согласимся с профессором Н.А. Колоколовым что «российским правоприменителям еще только предстоит научиться отграничивать злоупотребление субъективным правом от сходных правовых явлений; выявить специфические признаки злоупотребления субъективным правом как правового поведения» [7, с. 227-228]. Считаем, что правильную позицию выражает и судья Волгоградского областного суда С.А. Гордейчик, который указывает на отсутствие в уголовно-процессуальном законе надежного механизма защиты от действий по злоупотреблению правом на обжалование [3, с. 21-22].

Полагаем, что современная теоретическая конструкция обжалования в уголовном судопроизводстве должна основываться на современных идеях (принципах), позволяющих учитывать современные складывающиеся в уголовном судопроизводстве тенденции, что требует проведения соответствующих фундаментальных научных исследований.

О продолжении поиска оптимальных форм и порядка обжалования свидетельствуют и шаги законодателя. Например, Федеральный закон от 24 февраля 2021 г. уточнил отдельные положения УПК РФ в части установления обязанности суда указывать в резолютивной части апелляционных приговора, определения или постановления разъяснения о порядке и сроках обжалования, о праве осужденного или оправданного ходатайствовать об участии в рассмотрении уголовного дела судом кассационной инстанции. Уголовно-процессуальный закон дополнен положениями, определяющими порядок и сроки подачи кассационных жалобы, представления, порядок восстановления пропущенного срока кассационного обжалования, а также возможность обжалования в апелляционном порядке решения суда первой инстанции об отказе в удовлетворении ходатайства лица, подавшего кассационные жалобу, представление, о восстановлении пропущенного срока кассационного обжалования⁵.

Думается, что и в дальнейшем законодатель будет принимать меры к совершенствованию нормативного правового регулирования порядка обжалования и не только в судах апелляционной и кассационной

⁵ Федеральный закон от 24 февраля 2021 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2021.

инстанций. Более того, следует учитывать, что несмотря на активное исследование учеными проблематики, имеющей отношение к обжалованию, все-таки в большинстве научных работ традиционно более внимание уделяется вопросам пересмотра судебных решений. Это обстоятельство существенно и негативно влияет на развитие обжалования как важнейшего инструмента обеспечения законности, соблюдения и защиты прав участников уголовного судопроизводства.

К числу вопросов, подлежащих разрешению в современных научных исследованиях, мы считаем необходимым отнести круг субъектов, наделенных правом на обжалование. В ч. 1 ст. 123 УПК РФ указаны две группы лиц, обладающих таким правом: 1) участники уголовного судопроизводства; 2) иные лица, но в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, например, поручитель (ст. 103 УПК РФ), лицо, которому несовершеннолетний отдан под присмотр (ч. 1 ст. 105 УПК РФ), залогодатель (ст. 106 УПК РФ), заявитель, которому отказано в возбуждении уголовного дела (ч. 5 ст. 148 УПК РФ).

Исходя из содержания ч. 1 ст. 389.1 УПК РФ право апелляционного обжалования судебного решения по уголовным делам принадлежит перечисленным в законе заинтересованным в исходе дела участникам и прокурору.

В числе лиц, которые могут участвовать в судебном заседании и даже выступать инициатором его проведения, находятся следователь и дознаватель (например, в случае обращения к суду за разрешением на производство следственных действий – ст. 165 УПК РФ). Однако, ни *следователь*, ни *дознаватель* таким правом не наделены, а имеют возможность лишь ходатайствовать перед прокурором о внесении им апелляционного представления на судебное решение, не соответствующее, по их мнению, требованиям законности или обоснованности. Надеясь правом обжалования прокурора, законодатель тем самым допускает защиту посредством обжалования не только личных интересов, но и профессиональных, служебных. Тогда закономерен вопрос: почему следователь и

дознаватель такого права лишены? Исходя из чего можно заключить, что законодатель не последователен в своих решениях.

Проиллюстрируем это примером из практики. Следователь следственного управления Следственного комитета России по Смоленской области Н. не согласившись с постановлением суда об отказе в наложении денежного взыскания на С. подал апелляционную жалобу. Однако производство по апелляционной жалобе было прекращено. В решении суда отмечено, что следователь Н. как должностное лицо органа, осуществляющего уголовное преследование, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством не относится к иным лицам, обладающим правом на обжалование судебного решения, поскольку такое право возложено в силу закона на прокурора⁶.

В обзоре судебной практики Алтайского краевого суда также отражена позиция, согласно которой следователь и руководитель следственного органа не являются субъектами, имеющими право на подачу кассационной жалобы на решение суда, постановленное в порядке ст. 125 УПК РФ. Одновременно сделан вывод, что следователь, если и является субъектом, осуществляющим (имеющим на то право) обжалование действий (бездействия, решений), то только контролирующего его деятельность руководителя следственного отдела (ч. 4 ст. 39 УПК РФ), надзирающего прокурора (ч. 3 ст. 38 УПК РФ) и только в порядке ст. 124 УПК РФ⁷.

В приложении к рассмотренным ситуациям можно поставить еще один вопрос: насколько действующий закон в указанной части соответствует требованию процессуальной экономии? Полагаем, что и этот аспект выступает актуальным для современных научных изысканий.

Отмечая отсутствие права следователя, дознавателя на обжалование отдельных действий и решений, и изучив имеющийся у них в этой части потенциал, вынуждены констатировать, что в тексте УПК РФ нет указаний на процессуальный порядок и сроки обжалования следователем действий (бездействия) и решений руководителя следственного отдела и прокурора. В научной литературе это обстоятельство оценивается как небрежность законодательного

⁶ Следователь не вправе обжаловать судебное решение в апелляционном порядке // Дайджест практики по уголовным делам областных и равных им судов // Уголовный процесс. 2017. № 1. С. 15.

⁷ Обобщение практики применения ст. 125 УПК РФ по данным апелляционной и кассационной инстанций Алтайского краевого суда за период 2016–2017 г. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

регулирующего, создающего серьезные проблемы в правоприменительной практике [3, с. 6-9].

Самостоятельную правовую ценность представляет *процедура обжалования, которая имеет несколько вариантов, применение которых обусловлено адресатом подачи жалобы* (например, отдельные процедуры предусмотрены при подаче жалобы в суд или прокурору).

Внесудебный порядок также вариативен и предусматривает два механизма обжалования действий (бездействий) и решений в досудебном производстве: руководителем следственного органа и прокурором (ст. 124 УПК РФ).

Оценка вариативных форм обжалования российскими учеными, как правило, показывает преимущество судебного порядка, отмечается его особое значение в обеспечении прав и свобод участников уголовного судопроизводства [9, с. 43-47]. Также указывается на значимость возможности частных лиц «по собственной инициативе и независимо от действий государственных органов и должностных лиц обращаться за защитой своих прав непосредственно в суд» [2, с. 4-8]. В числе существенных проблем судебного порядка – отсутствие «четкого определения предмета и субъектного состава; оснований, процедуры и результатов судебного разбирательства по жалобам; исполнения судебного решения» [12, с. 149-158].

На наш взгляд, процедура обжалования и порядок производства по жалобе несмотря на наличие альтернативных форм активно используется в правоприменительной практике. Не стоит принижать значение одной формы перед другой. Кроме того, полагаем, что как один, так и другой порядок нуждаются в оптимизации.

Важным направлением проведения научного исследования выступает *форма обжалования* (прокурору, руководителю следственного органа и др.). Жалоба может быть устной, письменной или в форме электронного документа, хотя в тексте УПК РФ не содержится прямых указаний относительно подачи жалобы. Отсутствие в законе указания на процедуру фиксации жалобы, поступившей в устной форме,

позволило Л.А. Воскобитовой утверждать, что жалоба должна подаваться в письменном виде, аналогично заявлению о преступлении (ст. 141 УПК РФ)⁸.

Тем не менее, считаем, что возможность подачи жалобы в устной форме или как электронного документа в не меньшей степени гарантирует эффективность реализации конституционного права граждан на обжалование действий и бездействий органов государственной власти. Особенно в случаях, когда электронное общение становится основным (как в условиях пандемии). Немаловажно и то, что устное обращение может быть получено на личном приеме у прокурора или руководителя следственного органа, либо в силу объективных обстоятельств, препятствующих обращению за защитой нарушенных прав к компетентным органам в письменном виде.

При устном обращении с жалобой ее содержание «заносится в карточку личного приема гражданина. В случае, если изложенные в устном обращении факты и обстоятельства являются очевидными и не требуют дополнительной проверки, ответ на обращение с согласия гражданина может быть дан устно в ходе личного приема, о чем делается запись в карточке личного приема гражданина. В остальных случаях дается письменный ответ по существу поставленных в обращении вопросов»⁹.

В соответствии с со ст. 474.1 УПК РФ жалоба может быть подана в форме электронного документа, подписанного лицом, направившим такой документ, электронной подписью в соответствии с законодательством Российской Федерации, посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 определен порядок подачи и требования, предъявляемые к создаваемому в электронной форме документу, включая жалобу¹⁰.

В п. 2.8 Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: постатейный науч.-практ. комментарий. Ст. 124 УПК РФ / Отв. ред. Л.А. Воскобитова. М., 2015. С. 10.

⁹ Ст. 13 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2018 г. № 528-ФЗ) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

¹⁰ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 (в ред. от 5 ноября 2019 г.) «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

указано, что «обращение, поступившее в форме электронного документа, обязательно должно содержать фамилию, имя, отчество (последнее – при наличии) гражданина, направившего обращение, адрес электронной почты, по которому должны быть направлены ответ, уведомление о переадресации обращения. Гражданин вправе приложить к такому обращению необходимые документы и материалы в электронной форме»¹¹.

О проблеме отсутствия в законе четких требований, которым должна отвечать жалоба, поданная в порядке ст. 125 УПК РФ, пишет Н.С. Манова, по ее утверждению, такие требования выработаны в специальной литературе на основании положений УПК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ [8, с. 36-43].

Стандартного образца написания жалобы в законе нет, но очевидно, что следует придерживаться делового стиля обращения. Основное содержание жалобы составляют сведения о заявителе, причинах ее подачи, с описанием сложившейся ситуации, а также сведения о лице, на действия которого подается жалоба. Достаточно определено о содержании жалобы упоминается при обращении в суд апелляционной (ч. 1 ст. 389.6 УПК РФ), кассационной (ч. 1 ст. 401.4 УПК РФ) и надзорной (ч. 1 ст. 412.3 УПК РФ) инстанций.

Список использованной литературы:

1. Безруков С.С., Попков Н.В. Реализация следователем права на обжалование решения прокурора и сроки предварительного следствия: конфликт неизбежен // Российский следователь. 2011. № 7. С. 6-9.
2. Головкин Л.В. Отечественное понятие «право на судебную защиту и европейское понятие «право на доступ к правосудию»: попытка функционального сравнения // Право на судебную защиту в уголовном процессе: Европейские стандарты и российская практика: матер. междунар. науч.-практ. конф. // Под. ред. М.К. Свиридова. Томск, 2007. С. 4-8.
3. Гордейчик С.А. Злоупотребление правом обжалования в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Адвокатская практика. 2020. № 2. С. 21-22.
4. Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе (теоретические основы и пути совершенствования): дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2016.

Указанные, а также и иные проблемы привели к формированию идеи о необходимости доктринального научного исследования, нацеленного на разработку единой целостной концепции уголовно-процессуального обжалования, способной стать основой для современной модернизации института обжалования в уголовном судопроизводстве.

Представляется, что разработка концепции обжалования в отечественном уголовном судопроизводстве будет способствовать совершенствованию других уголовно-процессуальных институтов, определению единого методологического подхода к современной уголовно-процессуальной деятельности.

Перечисленные обстоятельства в своей совокупности свидетельствуют об актуальности научного исследования, связанного с необходимостью разработки теории, законодательного регулирования и практики обжалования в современном отечественном уголовном судопроизводстве. Приведенные аргументы позволяют рассматривать предлагаемое исследование как перспективное для получения совокупности новых знаний, соответствующих такому требованию как научное достижение.

References:

1. Bezrukov S.S., Popkov N.V. Implementation of the investigator by the investigator: the conflict is inevitable // Russian investigator. 2011. № 7. Pp. 6-9.
2. Golovko L.V. Domestic concept «the right to judicial protection and the European concept of" the right to access to justice»: an attempt at functional comparison // The right to judicial protection in criminal proceedings: European standards and Russian practice: the materials of the international scientific and practical conference // Ed. by M.K. Sviridov. Tomsk, 2007. Pp. 4-8.
3. Gordeychik S.A. Abuse of the right of appeal in accordance with Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Advocacy practice. 2020. No. 2. S. 21-22.
4. Dikarev I.S. Supervisory-cassation form of revision of court decisions in criminal proceedings (theoretical foundations and ways of improvement): thesis ... Doctor of Law. Volgograd, 2016.

¹¹ Приказ Генерального прокурора РФ от 30 января 2013 г. № 45 (в ред. от 2 декабря 2020 г.) «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

5. Ивасенко К.В. Свобода обжалования как принцип уголовного процесса // Законодательство. 2012. № 7 // Доступ из ИПП «Гарант».

6. Качалов В.И. Уголовно-процессуальные особенности апелляционного пересмотра судебных решений, принятых в ходе исполнения приговора // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 195-202.

7. Колоколов Н.А. В чем суть злоупотребления правом на обжалование? Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Под ред. В.М. Лебедева. М., 2016 (2017). Т. 1. С. 227-228.

8. Манова Н.С. О некоторых проблемах судебного обжалования действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 3. С. 36-43.

9. Марковичева Е.В. Проблемы судебного обжалования решений и действий органов уголовного преследования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 3. С. 43-47.

10. Потапенко С.В. Уголовно-процессуальные гарантии конституционного права на судебную защиту от преступных посягательств в суде кассационной инстанции // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 4. С. 125-132.

11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: постатейный науч.-практ. комментарий. Ст. 124 УПК РФ // Отв. ред. Л.А. Воскобитова. М., 2015.

12. Шадрина Е.Г. Институт судебного обжалования действий и решений органов уголовного преследования требует совершенствования // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 4. С. 149-158.

13. Ярцев Р.В., Безруков О.А. Злоупотребление правом – основание отказа в принятии заявления // Мировой судья. 2017. № 5. С. 23-27.

14. Corns C. Leave to Appeal in Criminal Cases: The Victorian Model // Current Issues in Criminal Justice. 2017. № 29. С. 39-56.

15. Murray J. Policing Procedural Error in the Lower Criminal Courts (August 17, 2020). 89 Fordham Law Review 1411 (2021) // NYLS Legal Studies Research Paper. № 3675869 // <https://ssrn.com/abstract=3675869>.

16. Nobles R., Schiff D. The Supervision of Guilty Pleas by the Court of Appeal of England and Wales – Workable Relationships and Tragic Choices // Criminal Law Forum volume. 2020 № 31. С. 513–552.

17. Roberts S. Fresh Evidence and Factual Innocence in the Criminal Division of the Court of Appeal // JOURNAL OF CRIMINAL LAW. 2017. № 81-4. С. 303-327.

5. Ivassenko K.V. Freedom of appeal as a principled process // Legislation. 2012. № 7 // Access from LRS «GARANT».

6. Kachalov V.I. Criminal procedural features of the appeal review of court decisions, execution of the sentence // Tomsk State University Bulletin. 2017. № 417. Pp. 195-202.

7. Kolokolov N.A. What is the essence of the abuse of the right to appeal? The practice of applying the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Ed. by V.M. Lebedev. M., 2016 (2017). Vol. 1. Pp. 227-228.

8. Manova N.S. On some judicial appeals against actions and decisions of problematic persons carrying out criminal prosecution // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2020. № 3. Pp. 36-43.

9. Markovicheva E.V. Problems of judicial appeal against decisions and actions of criminal prosecution authorities // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2020. № 3. Pp. 43-47.

10. Potapenko S.V. Criminal procedural guarantees of the constitutional right to judicial protection from criminal encroachments in the court of cassation // Legal Bulletin of the Kuban State University. 2019. № 4. Pp. 125-132.

11. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: post-article scientific and practical commentary. Art. 124 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation / Ed. by L.A. Voskobitova. M., 2015.

12. Shadrina E.G. Institute of judicial appeal against actions and decisions of criminal prosecution bodies requires improvement // Leningrad Law Journal. 2017. № 4. Pp. 149-158.

13. Yartsev R.V., Bezrukov O.A. Abuse of law – grounds for refusal to accept the application // Magistrate judge. 2017. № 5. Pp. 23-27.

14. Corns C. Leave to Appeal in Criminal Cases: The Victorian Model // Current Issues in Criminal Justice. 2017. № 29. Pp. 39-56.

15. Murray J. Policing Procedural Error in the Lower Criminal Courts (August 17, 2020). 89 Fordham Law Review 1411 (2021) // NYLS Legal Studies Research Paper. № 3675869 // <https://ssrn.com/abstract=3675869>.

16. Nobles R., Schiff D. The Supervision of Guilty Pleas by the Court of Appeal of England and Wales – Workable Relationships and Tragic Choices // Criminal Law Forum volume. 2020 № 31. Pp. 513–552.

17. Roberts S. Fresh Evidence and Factual Innocence in the Criminal Division of the Court of Appeal // JOURNAL OF CRIMINAL LAW. 2017. № 81-4. Pp. 303-327.

**КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ;
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

**ТЕХНОЛОГИИ ИЗМЕРЕНИЯ ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ
В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ:
РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

**TECHNOLOGIES FOR MEASURING INMATES BEHAVIOR:
RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE**

DOI: 10.31429/20785836-13-2-43-50

Калужина Марина Анатольевна
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры криминалистики и правовой информатики
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России
Author ID: 57202003524

Kaluzhina Marina Anatolyevna
Candidate of Legal Sciences, Associate professor
Associate Professor of Criminalistics and Law Informatics
Kuban State University
Leading Researcher Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Аннотация: В статье на основе анализа современного состояния правопорядка в уголовно-исполнительной системе анализируются имеющиеся подходы в познании проявлений противоправного поведения осужденных в местах изоляции от общества. Констатируется значимость традиционных методик оперативной диагностики и оперативной идентификации в получении первичной информации в отношении объектов оперативного интереса. Исходя из критерия объекта преступного посягательства и степени важности отношений, охраняемых нормами уголовного права, коим может быть причинен ущерб в случае совершения правонарушения в условиях изоляции от общества проводится их анализ и предлагается классификация объектов, которые нуждаются в осуществлении за ними оперативно-режимного контроля.

Исследуются возможности отличительных характеристик цифровой среды, инновационных методов моделирования и прогнозирования, находящихся в основе построения абстрактной модели предпреступного поведения. Подчеркивается важность криминологических знаний в технологии оперативного распознавания деструктивного поведения. Формулируется дефиниция распознавания противоправного поведения неустановленного лица в местах изоляции от общества.

Ключевые слова: моделирование, деструктивное поведение, оперативное прогнозирование, профилактика правонарушений.

Annotation: Based on the analysis of the current state of law and order in the penitentiary system, the article analyzes the available approaches to understanding the manifestations of inmates' illegal behavior in prison. The importance of traditional methods of operational diagnostics and operational identification in obtaining primary information regarding objects of operational interest is stated. Based on the criterion of the object of criminal encroachment and the degree of importance of relations protected by the norms of criminal law, which may be damaged in the event of an offense in prison, they are analyzed and a classification of objects that need operational-regime control over them is proposed.

The possibilities of the distinctive characteristics of the digital environment, innovative methods of modeling and forecasting, which are the basis for the construction of an abstract model of pre-criminal behavior, are investigated. The importance of criminological knowledge in the technology of operational recognition of destructive behavior is emphasized. The definition of the recognition of unlawful behavior of an unidentified person in places of isolation from society is formulated.

Keywords: modeling, destructive behavior, operational forecasting, crime prevention.

Введение

На современном этапе развития нашей страны преступность является одним из главных дестабилизирующих факторов, препятствующих формированию правового государства. В этой связи Президент Российской Федерации В.В. Путин указывает, что дальнейшее развитие общества зависит от проявления усилий всей правоохранительной системы в предупреждении и борьбе с преступностью¹.

Система правоохранительных органов вряд ли возможна без уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) как одного из важнейших социально-правовых институтов уголовно-правового принуждения лица, совершившего преступление. За последнее время в ведомстве произошли кардинальные позитивные изменения. Функционирование учреждений и органов, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы осуществляется на основе применения новейших технологий и технических достижений: интегрированных систем безопасности, инженерно-технических систем охраны и надзора, программного обеспечения по размещению обвиняемых и подозреваемых, удаленному контролю камер, непрерывному анализу ситуации с наполненностью помещений. На протяжении ряда лет отмечается стабилизация действенного контроля и надзора в исправительных учреждениях УИС².

Руководство ФСИН России уделяет постоянное внимание использованию в оперативно-служебной деятельности учреждений и органов УИС новейших достижений науки и техники, особо указывая на важность повышения качества информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности, находящейся на передовой линии борьбы и пенитенциарной преступностью.

Наряду с положительными изменениями отмечается ряд тенденций, негативно сказывающихся на состоянии правопорядка в местах лишения свободы. В течение 2020 г. на территории учреждений УИС было зарегистрировано 1 011 преступлений, в том числе: убийств (ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)) – 5; умышленных причинений тяжкого вреда

здоровью (ч. 1-3 ст. 111 УК РФ) – 20; побегов из мест лишения свободы, из-под ареста из-под стражи (ст. 313 УК РФ) – 97; дезорганизаций нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ) – 13³.

Приведенные статистические показатели говорят о наличии проблемных вопросов, в числе которых остаются актуальными задачи предупреждения и профилактики правонарушений осужденных, в том числе выявления и устранения причин и условий им способствующих.

Методы исследования

Основу данного исследования составляет материалистическая диалектическая методология познания явлений и процессов в их взаимосвязи и взаимообусловленности, система философских знаний, определяющая основные требования к научным концепциям, сущности и сфере применения различных методов познания. Автор использовал методы эмпирического получения знаний: исторический, системно-структурный, формально-логический, сравнительно-правовой анализ, метод толкования правовых норм; частные методы: наблюдение, статистический, изучение аналитических материалов (обзоров, отчетов, справок), материалов судебной практики, рекомендаций, контент-анализ материалов СМИ, метод экспертных оценок (эксперты – руководители и сотрудники оперативных подразделений учреждений и органов УИС); а также методы теории аналитической работы (нормативные и поисковые). В совокупности указанные методы позволили комплексно исследовать рассматриваемый феномен как социальное, правовое и интеллектуальное явление, структурировать его содержание и признаки, классифицировать цели и задачи, систематизировать закономерности его детерминации и основные направления УИС.

Результаты исследования

В последние годы наметился устойчивый интерес к ключевым сущностным характеристикам противоправного деяния. Это определяется с одной стороны, расширением спектра научных исследований, а с другой –

¹ Выступление В.В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России 22 февраля 2019 г. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59913> (дата обращения - 15 мая 2021 г.).

² Доклад «Об итогах деятельности уголовно-исполнительной системы в 2018 году и задачах на 2019 год» Первого заместителя директора ФСИН России генерал-лейтенанта внутренней службы Анатолия Рудого на расширенном заседании коллегии ФСИН России // URL: http://fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=448262 (дата обращения – 15 мая 2021 г.).

³ Официальный сайт ФСИН России. Статистические данные // URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/2019> (дата обращения - 10 мая 2021 г.).

практическими потребностями правоприменителя, активно ведущего работу по раскрытию, расследованию и профилактике преступлений и правонарушений [2].

Специфические цели и задачи оперативно-розыскной деятельности в УИС по обеспечению правопорядка и режима содержания лиц в местах изоляции от общества обуславливают интерес к наличию такого инструментария, который не только позволяет обеспечивать реагирование на конкретные инциденты, но и предоставляет возможность упреждения деструктивного поведения осужденного, определения вероятности его формирования под воздействием негативных тенденций, выбора адекватных средств и методов оперативно-режимного реагирования. Такие подходы продиктованы практикой реализации уголовной ответственности лица, совершившего уголовно-наказуемое деяние, достижением основных целей наказания: восстановления социальной справедливости, исправления осужденного, предупреждения совершения новых преступлений [5].

Анализ опубликованных работ (В.И. Целищев, 1962; А.Б. Сахаров, 1961, В.В. Панкратов, 1967; В.Н. Кудрявцев, 1968; М.В. Коган, 1977; К.К. Горяинов, 1982; Л.В. Кондратюк, 1983; А.С. Овчинский, 2007; В.С. Овчинский, 2008 и др.) позволяют констатировать важный этап теоретических достижений науки в решении данной проблемы. В научной доктрине сформировалась стройная концепция, которая:

– признает необходимость и возможность прогнозирования индивидуального противоправного поведения;

– связана с теорией причин преступности и причин индивидуального преступного поведения;

– основывается на комплексной методике познания, взаимосвязи и предвидения таких сложных явлений, детерминантами которых является противоправное поведение.

Среди зарубежных исследователей необходимо выделить Д.А. Эндрюса (D.A Andrews), Дж. Бонту (J. Bonta), Р. Мюллера (R. Müller), Дж.И. Дугласа (J.E. Douglas), внесших вклад в изучение роли информационно-аналитической работы в пенитенциарной практике.

Следует отметить закономерность, подчеркнутую С.С. Овчинским, что меры оперативной профилактики, достигают цели лишь при условии их индивидуализации [3, с. 189]. Индивидуализация мер профилактики и прогнозирования индивидуального

противоправного поведения предполагает безошибочное определение объекта оперативного контроля, избрание благоприятного момента воздействия, методов и средств, целесообразных для каждого случая. Специалисты рассматривают прогностическую работу как специфическую форму социально полезной практики, требующую применения все возрастающих интеллектуальных возможностей, а также надлежащей организации [4].

Профилактическая работа в ИУ осуществляется одновременно и по нескольким направлениям. Во-первых, это своевременная диагностика отклоняющегося поведения в среде осужденных, во-вторых – реализация комплекса мер индивидуального профилактического воздействия, целью которых является вынудить фигуранта отказаться от противоправных намерений без задействования репрессивных механизмов; в-третьих – постоянный оперативный контроль отдельных категорий злостных нарушителей установленного порядка содержания, выявление и устранение причин и условий отклоняющегося поведения.

Научная дискуссия

Решение обозначенной проблемы в рамках гносеологической и профилактической функций ставит задачи целенаправленного использования широкого спектра познавательных средств в принятии управленческих решений, системного анализа разноплановой информации [9, с. 104-112]. Аналитическая работа как самостоятельное направление оперативно-розыскной деятельности располагает такими возможностями. Исследователи определяют ее как наиболее важную часть информационной разведки, связанную с установлением зависимостей между выявленными фактами и явлениями [15, с. 140].

В настоящее время в УИС применяются и продолжают совершенствоваться новые средства и методы аналитической обработки оперативной информации. Современные технологии предоставляют все большие возможности в накоплении, обработке и обмене данных, будь то справочные, фактографические, биометрические сведения, фото- и видеоизображения, аудиозаписи. Феномен безопасности осужденных приобретает в содержании имеющихся учетов определенные характеристики.

Перечень объектов учета, определен положениями Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, утвержденной приказом Минюста

России 20 мая 2013 г. № 72. К объектам контроля в первую очередь отнесены: лидеры и авторитеты уголовно-преступной среды; склонные к нападению на представителей администрации и иных сотрудников правоохранительных органов; осужденные за совершение преступлений против личности; а также склонные к употреблению и приобретению наркотических веществ, психотропных средств и др.

Проведенный анализ содержания правовых установлений позволил прийти к следующим выводам. Во-первых, исполнение законодательства в отношении объектов учета позволяет говорить об упредительном характере решения задач оперативно-розыскной профилактики. Во-вторых, качественные изменения индивидуальных характеристик нарушителей режима содержания, определяют рассмотрение их как специфической категории подозреваемых, обвиняемых или осужденных. В-третьих, тенденции систематизации категорий объектов свидетельствуют о необходимости изменения формальных походов, организации эффективного комплекса организационно-тактических мер, базирующихся на результатах научных исследований [8, с. 385-394]. Принимая во внимание повышенную опасность для общества таких лиц, государство обязано взвешенно подойти к применению института лишения свободы.

Безопасность осужденных невозможно объяснить, не обратившись к её антитезе – источникам опасности. К ним можно отнести криминогенную опасность, неправомерные деяния, не содержащие признаков преступления, нарушение правил безопасности. На первое место по значимости выдвигается криминогенная опасность. Она обуславливается специфичной средой отбывающих наказание, ростом числа осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления против жизни и здоровья, многочисленными проявлениями нарушений в психике и включает в себя противоправные проявления различного характера в связи с неожиданно возникшей конфликтной ситуацией. Угроза насилия становится еще более реальной в условиях усиления степени организованности и профессионализации преступности как на свободе, так и в условиях изоляции от общества.

Наиболее частыми преступлениями, совершаемыми осужденными, являются дезорганизация нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ); массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ); убийство (ст. 105 УК РФ); умышленное причинение тяжкого вреда

здоровью (ст. 111 УК РФ); умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ); побои (ст. 216 УК РФ); насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ); захват заложника (ст. 206 УК РФ); хулиганство (ст. 213 УК РФ).

Иные неправомерные деяния – это не подпадающие под признаки преступления действия или бездействия физических лиц, создающих угрозу причинения вреда (неповиновение представителям администрации ИУ при отсутствии признаков преступления; организация забастовок или иных групповых неповиновений, активное участие в них; организация группировок осужденных, направленных на совершение указанных в п. 1 ст. 116 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации правонарушений, а равно активное участие в них). Такое поведение влечет, как правило, дисциплинарную ответственность и может выражаться в следующем: притеснения осужденных, действия, выражающиеся в эксплуатации или ограничения в правах и действиях отбывающих наказания; злонамеренные высказывания, издевательства, а также понуждения по отношению к другим осужденным (путем физического или психического воздействия) осужденных к нарушению установленного режима отбывания наказания; препятствование работе самодетельных организаций, в выполнении общественных получений; препятствование участию осужденных в трудовой деятельности; членовредительство, осуществленное осужденным в знак протеста на законные требования представителей органов (учреждений), исполняющих наказание и др.

Названные категории правонарушений, равно как и квалифицирующие признаки противоправного поведения не являются непосредственным (включенным) объектом оперативно-регистрационного учета. Вероятно, поэтому подобным явлениям в местах лишения свободы в оперативно-розыскной практике уделяется опосредованное внимание, что придает им латентный характер. Проведенные исследования позволили выявить опасную тенденцию нежелания отдельных руководителей их констатации, боязни «испортить» статистические показатели. В результате практика и нормотворчество, регулируя важнейшие элементы оперативно-режимной и профилактической деятельности, достигли лишь эмпирического уровня, при этом оставили без внимания потенциальное деструктивное поведение как составляющую компоненту

индивидуального прогнозирования противоправного поведения.

Одно из важнейших положений диалектики гласит о том, что нет такого явления, которое не имело бы своей истории, своего развития [6, с. 6]. Общеизвестно, что криминально-ресурсные потенциалы, присущие личности потенциального правонарушителя в местах лишения свободы при наличии определённых факторов и обстоятельств могут повлечь общественно опасные последствия.

Чтобы понять любое поведение, деструктивное в том числе, необходимы знания психологии, медицины, поскольку «антиобщественное, преступное поведение определённым образом связано, а иногда и непосредственно обусловлено психологическими особенностями субъекта» [7, с. 86-275]. Знание основных вопросов общей психологии, применение в процессе оперативно-розыскной деятельности определённых психологических методов позволяет сотрудникам оценивать характер изменений в психике, регулировать взаимоотношения с объектом оперативного интереса, познавать объективную действительность и использовать результаты познания в практической деятельности.

Деструктивное поведение как всякий иной акт поведения «не может быть оторвано и изолировано от человеческой психики, от особенностей интеллектуальной, эмоциональной, волевой сферы субъекта» [7, с. 175]. Деструктивное поведение распознается на основании объективных признаков, свойств, объединяемых в комплекс устойчивых критериев. Среди составляющих постоянно присутствуют неблагоприятные факторы изменения психики, усиливающиеся в условиях изоляции от общества. При изучении внутренней структуры и динамики различных форм противоправного поведения, при анализе механизма индивидуального преступного поведения установлено, что эмоциональный компонент выступает как ярко выраженный криминальный фактор [5, с. 4].

Психологическое состояние осуждённого имеет немаловажное значение в возникновении деструктивного поведения, особенностях его проявлений, развитии и успехе оперативного воздействия. Для первоначального этапа накопления знания характерна визуальная диагностика эмоциональных особенностей и свойств индивида: тревоги; уровня внутреннего напряжения; агрессии; тревожности, раздражительности. Разновидностью поисковых признаков выступают поведенческие признаки

социально-психологического характера, проявляющиеся в готовности к соблюдению режима содержания, действиях, поступках, степени их отклонения, тяготении к криминальной среде [12]. Визуальная диагностика ролевого поведения позволяет выявить насколько поведение индивида соответствует той или иной ситуации; определить достоверность информации (диагностика лжи), стереотипы поведения, ролевая роль.

При непосредственном наблюдении для оперативного сотрудника предметом психологического «чтения» являются вербальные и невербальные акты поведения: речь, ее содержание и направленность, логичность, экспрессивность, особенности лексики, грамматики, фонетики; выразительные движения, мимика и пантомимика, жесты, экспрессия лица, глаз, тела; движения, перемещения и позы человека и т. п.

Безопасность осуждённых выступает составным элементом безопасности исправительного учреждения, исполняющего уголовное наказание в виде лишения свободы и общества в целом. На уровне общности осуждённых информационные ресурсы ФСИН России представляют возможность получения оперативно значимой информации как в отношении конкретного объекта учета, так и нейтрализации противоправных проявлений в учреждении в целом. Участие субъекта в преступных группировках на свободе или во время предыдущего отбывания наказания; совершение преступления в группе; неоднократные пребывания в ШИЗО и ПКТ за сопротивление или неповиновение администрации; разрешение конфликтов по правилам (обычаям) уголовной среды; употребление спиртного, наркотиков выступает в качестве диагностического материала для последующего прогнозирования индивидуального поведения [1, с. 231-238].

Предиктивное оперативное прогнозирование являлось и является важнейшим элементом организации ОРД. Предиктивное оперативное прогнозирование позволяет определить возможные варианты будущего развития того или иного явления, конфликтной ситуации, которые зачастую возникают в местах лишения свободы. Элементы оперативного прогнозирования присущи умению принятия оперативным сотрудником оптимального решения, способности выделить в общей массе осуждённых лидеров отрицательной направленности, их ближайшего окружения, распознать намерения совершить

правонарушение, определить перспективы проведения индивидуальной профилактической работы в отношении отдельных категорий осужденных, позволяют своевременно начать оперативную проверку или разработку.

В решении вопросов оперативно-режимной профилактики посредством применения в соответствии с законодательством Российской Федерации специальных мер административного, уголовно-исполнительного и оперативно-режимного характера предупредительный потенциал должен быть задействован комплексно, координироваться с достижениями других отраслей научного знания, позволяющих на ранней стадии выявлять возникновение противоправного замысла.

Мировая практика борьбы с пенитенциарной преступностью дает множество примеров эффективного взаимодействия оперативных работников со специалистами в области психологии, продуктивного использования юристами рекомендуемых ими методов [11, с. 284-296]. Выявленные психологами особенности внутреннего мира лиц, совершающих противоправные деяния, закономерности, определяющие своеобразие их криминального, пред- и посткриминального поведения, психологические типологии и классификации, концепции и идеи успешно реализуются в оперативно-розыскной практике при построении версий, разработке информационных поведенческих моделей, определении направлений индивидуальной профилактики, решении поисково-познавательных, организационно-тактических и методических задач.

Деструктивное поведение осужденных в местах лишения свободы изучается на различных уровнях и в различных аспектах [13, с. 292-298]. Изучение специальной литературы позволяет выделить совокупность базовых критериев криминогенного риска, формирующих базу многофакторного системного анализа оценки риска индивидуального деструктивного поведения:

а) социально-демографические переменные: пол, возраст, национальность, семейное положение, стабильно низкое финансовое положение, отсутствие социальной поддержки;

б) пенитенциарные переменные: процессуальный статус (подозреваемый, обвиняемый, осужденный), режим (условия) содержания, совокупность показателей дезадаптации в учреждении, включающие данные о текущих поведенческих рисках или во время предыдущего отбывания наказания в виде

лишения свободы (межличностные конфликты и злостные нарушения, угроза убийством и т.п.);

в) переменные блока криминального прошлого: обвинительный приговор, отношение к потерпевшему, противоправное поведение в несовершеннолетнем возрасте, действия насильственного характера, злоупотребление наркотиками или алкоголем;

г) психологические переменные: индивидуально-психологические особенности, влияющие на деструктивные проявления (невосприимчивость к психологической или психиатрической коррекции в прошлом, склонность к фактическому насилию или членовредительству) [10, с. 1219-1239].

Изучение личности в оперативно-розыскной деятельности опирается на ряд основных принципов: направленность – сбор и анализ информации, ее объем и содержание должны соответствовать конкретной, заранее определенной цели; динамичность – изучение личности должно строиться с учетом ее генезиса, т. е. изменения образующих ее свойств и качеств; под влиянием различных обстоятельств, содержащихся вне личности, ее индивидуальные психологические особенности могут существенно меняться; активность – предполагает получение всесторонне проверенных и достоверных данных о личности субъектов и объектов оперативно-розыскной деятельности; информация, вызывающая малейшее сомнение в ее объективности и достоверности, в обязательном порядке должна перепроверяться всеми имеющимися в распоряжении оперативного работника средствами; комплексность, или системность – обязывает оперативного работника изучать личность субъектов и объектов оперативно-розыскной деятельности в единстве всех составляющих ее проявлений, выделяя при этом те элементы, или подструктуры личности, которые в конкретной оперативно-розыскной ситуации имеют первостепенное значение.

Критерии используются как артефакты в построении информационной поведенческой модели личности правонарушителя. Как статические (например, криминальное прошлое), так и динамические факторы риска (например, криминальная зараженность) предполагают рецидив, поскольку являются маркерами для одних и тех же оснований индивидуальных склонностей (например, антисоциальной ориентации).

Анализ структуры моделирования деструктивного поведения и его динамики позволяет выделить четыре основных этапа: 1) психологическое «чтение» особенностей

поведения, внешнего облика, использование имеющейся информации о конкретном индивиде и составление первичного психологического портрета взаимодействующего лица; 2) поиск психологических предпосылок эффективности общения и создание благоприятных условий для межличностного контакта; 3) воздействие в процессе профессионального общения на других лиц со стороны сотрудника ОВД с целью решения оперативно-служебных задач; 4) оценка результатов конкретного акта общения и планирование содержания и процесса дальнейших контактов с определенными лицами (правонарушителями, гражданами, сотрудниками правоохранительных органов, руководителями, подчиненными).

Обратим внимание на то, что массивы уголовных и оперативно-поисковых дел содержат определённые сведения и данные, позволяющие строить информационные предиктивные модели возможной деструктивной активности лиц, которые были замечены в актах физического или психологического насилия, противодействия в отношении представителей администрации, принуждения вставших на путь исправления осужденных. Общественная опасность определяется длительностью нарушения установленного в местах лишения свободы порядка содержания.

Информационно-ресурсное обеспечение открывает перспективы проведения

информационно-поисковых процедур в имеющихся информационных массивах, где фиксируется и накапливается полнотекстовая информация из оперативных сводок, ориентировок, отказных материалов, рапортов сотрудников, заключений специалистов [14, с. 259-274].

Таким образом можно сделать вывод, что все возрастающие требования к деятельности оперативных подразделений УИС дают основания для привлечения научных знаний в прогнозировании деструктивного поведения в местах лишения свободы. В таком контексте измерение девиантного поведения осужденного рассматривается как сложная деятельность, требующая творческого мышления уполномоченных сотрудников. Творчество всегда ассоциируется с определенной новизной, поскольку содержит в себе известную степень неопределённости, привносимой оперативно значимой информацией.

Подводя итоги сказанному, нами обосновывается необходимость проведения дальнейших научных исследований аналитических технологий моделирования деструктивного поведения злостных нарушителей режима содержания, расширения применения аналитических методов и методик в пенитенциарной практике.

Список использованной литературы:

1. Ильяшенко А.Н. Особенности использования оперативно-розыскной информации в криминалистической регистрации органов внутренних дел // Общество и право. 2011. № 2. С. 231–238.
2. Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение / Под ред. К.К. Горяинова. М., 2008.
3. Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация: монография / Под ред. А.С. Овчинского, В.С. Овчинского. М., 2020.
4. Овчинский А.С., Чеботарева С.О. Матрица преступности. М., 2007.
5. Рогачевский Л.А. Эмоции и преступления. Ленинград, 1984.
6. Розенталь М.М. Материалистическая диалектика. М., 1937.
7. Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961.
8. Суходолов А.П., Калужина М.А., Спасенников Б.А., Колодин В.С. Цифровая криминология: метод цифрового профилирования поведения неустановленного преступника // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3. С. 385–394.

References:

1. Ilyashenko A.N. Features of the use of operational-search information in the criminalistic registration of internal affairs bodies // Society and Law. 2011. № 2. P. 231-238.
2. Kondratyuk L.V., Ovchinsky V.S. Criminological measurement / ed. K.K. Goryainov. M.: Norma, 2008. 272 p.
3. Ovchinsky S.S. Operational-search information: monograph / ed. A.S. Ovchinsky, V.S. Ovchinsky. P. 189.
4. Ovchinsky A.S., Chebotareva S.O. Crime Matrix. M., 2007. 112 p.
5. Rogachevsky L.A. Emotions and crimes. Leningrad, 1984. P. 4.
6. Rosenthal M.M. Materialistic dialectics. Moscow, 1937.
7. Sakharov A.B. On the personality of the offender and the causes of crime in the USSR. M., 1961. P. 86-275.
8. Sukhodolov A.P., Kaluzhina M.A., Spasennikov B.A., Kolodin V.S. Digital criminology: a method of digital profiling of the behavior of an unidentified criminal // All-Russian Criminological Journal. 2019. T. 13. № 3. P. 385–394.

9. Andrew Case, Mohammad M. Jalalzai, Md Firoz-Ul-Amin, Ryan D. Maggio, Aisha Ali-Gombe, Mingxuan Sun, Golden G. Richard III HookTracer: A System for Automated and Accessible API Hooks Analysis, Т. 29. 2019. С. 104–112.

10. Arbach-Lucioni K., Martines-García M., Andrés-Pueyo A. Risk Factors for Violent Behavior in Prison Inmates // Criminal Justice and Behavior. 2012. Т. 39. № 9. С. 1219–1239.

11. Brantingham P.J., Faust F.L. A Conceptual Model of Crime Prevention // Crime and Delinquency. 1976. Т. 22. Изд. 3. С. 284–296.

12. Douglas J.E., Burgess A., Ressler R., Crime Classification Manual. Jossey-Bass, Publishers, 1992.

13. Rogers M.K. The role of criminal profiling in the computer forensics process // Journal Computer and Security. 2003. Т. 22. Изд. 4. С. 292–298.

14. Smith G.J.D., Moses L.B., Chan J. The challenges of doing business in the big data era // British Journal of Criminology. 2017. Т. 57. Изд. 2. С. 259- 274.

15. Taylor I., Walton P., Young J. The New Criminology: For a Social Theory of Deviance. London: Routledge, 1973. С. 140–161.

9. Andrew Case, Mohammad M. Jalalzai, Md Firoz-Ul-Amin, Ryan D. Maggio, Aisha Ali-Gombe, Mingxuan Sun, Golden G. Richard III HookTracer: A System for Automated and Accessible API Hooks Analysis, Vol. 29. 2019. Pp. 104–112.

10. Arbach-Lucioni K., Martines-García M., Andrés-Pueyo A. Risk Factors for Violent Behavior in Prison Inmates // Criminal Justice and Behavior. 2012. Vol. 39. № 9. Pp. 1219–1239.

11. Brantingham P.J., Faust F.L. A Conceptual Model of Crime Prevention // Crime and Delinquency. 1976. Vol. 22. Issue 3. Pp. 284–296.

12. Douglas J.E., Burgess A., Ressler R., Crime Classification Manual. Jossey-Bass, Publishers, 1992.

13. Rogers M.K. The role of criminal profiling in the computer forensics process // Journal Computer and Security. 2003. Vol. 22. Issue 4. Pp. 292–298.

14. Smith G.J.D., Moses L.B., Chan J. The challenges of doing business in the big data era // British Journal of Criminology. 2017. Vol. 57. Issue 2. Pp. 259- 274.

15. Taylor I., Walton P., Young J. The New Criminology: For a Social Theory of Deviance. London: Routledge, 1973. Pp. 140–161.

**ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПЛАНИРОВАНИЯ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВРЕДОНОСНЫХ
КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ**

**SPECIFICS OF THE ORGANIZATION AND PLANNING
OF THE INVESTIGATION OF CRIMES
COMMITTED WITH THE MALWARE**

DOI: 10.31429/20785836-13-2-51-57

Маркосян Георгий Ашотович

кандидат экономических наук

доцент кафедры криминалистики и правовой информатики

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ID ORCID: 0000-0002-9749-3387

Markosyan Georgiy Ashotovich

Candidate of Economics

Associate Professor of Criminalistics and Legal Informatics department

Kuban State University

Бондаренко Юрий Алексеевич

кандидат юридических наук

доцент кафедры криминалистики и правовой информатики

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ID ORCID: 0000-0002-5750-685X

Researcher ID: M-6198-2016

Bondarenko Yuri Alekseevich

Candidate of Legal Sciences

Associate Professor of Criminalistics and Legal Informatics department

Kuban State University

Аннотация: Количество случаев использования вредоносных компьютерных программ в России существенно увеличилось за последние несколько лет. Авторы поставили цель установить особенности организации и планирования расследования преступлений этого вида и провести анализ следственной деятельности, чтобы найти пути дальнейшего совершенствования борьбы с компьютерной преступностью. Целью исследования выступает определение наиболее перспективных направлений организации и планирования расследования преступлений с использованием вредоносных программ. Результаты исследования выражаются в следующем:

1. На стадии проверки заявления о преступлении, где высока вероятность применения вредоносных компьютерных программ виновными лицами, следователь незамедлительно устанавливает полный контроль над компьютерной техникой потерпевшего и доступом к его электронным учетным записям. Производится отбор объяснений от заявителя, осмотр средств компьютерной техники и назначение судебной компьютерно-технической экспертизы с целью установить факт заражения вредоносной программой.

2. Направленность действий следователя обусловлена на выдвижение и проверку версий о наличии преступления, времени его совершения, установлении вреда заявителю, классификации вредоносной компьютерной программы, механизма заражения программного обеспечения потерпевшего и способах нанесения ему вреда. Все эти сведения определены как обстоятельства, подлежащие установлению для возбуждения уголовного дела.

3. Тактическими рисками организации расследования выступают невозможность классификации экспертом программы как вредоносной при наличии вреда, а также применение

комплекса мероприятий по анонимизации виновными лицами своих действий и даже недостоверность сообщаемых самим заявителем сведений о происшествии.

4. Способ заражения вредоносной программой и образовавшиеся следы от этого, зависят от избранной преступниками модели взаимодействия с жертвой. Здесь встречаются как распространение программы под видом служебной, сервисной, дополняющей другие и расширяющие возможности компьютера, так и уведомление потерпевшего, что использования программы незаконно, но принесет ему выгоды от ее использования. В таких случаях следователю приходится иметь дело с организованными, законспирированными группами преступников.

Ключевые слова: вредоносное программное обеспечение, расследование, преступление, организация и планирование.

Annotation: The number of cases of malicious computer programs in Russia has increased significantly over the past few years. The authors set out to establish the features of the organization and planning of the investigation of crimes of this type and to analyze the investigative activities in order to find ways to further improve the fight against computer crime. The purpose of the study is to determine the most promising areas of organizing and planning the investigation of crimes involving malware. The results of the study are expressed as follows:

1. At the stage of checking a crime report, where there is a high probability of malicious computer programs being used by the perpetrators, the investigator immediately establishes full control over the victim's computer equipment and access to his electronic accounts. The selection of explanations from the applicant, the examination of computer equipment and the appointment of a forensic computer-technical examination in order to establish the fact of infection with malware.

2. The focus of the investigator's actions is based on the promotion and verification of versions about the existence of a crime, the time of its commission, the establishment of harm to the applicant, the classification of malicious computer programs, the mechanism of infection of the victim's software and the methods of harming him. All this information is defined as the circumstances to be established for the initiation of a criminal case.

3. The tactical risks of organizing the investigation are the inability of the expert to classify the program as malicious in the presence of harm, as well as the use of a set of measures to anonymize the perpetrators of their actions, and even the unreliability of the information about the incident reported by the applicant himself.

4. The method of malware infection and the resulting traces depend on the model of interaction with the victim chosen by the criminals. Here you can find both the distribution of the program under the guise of a service, service, complementing other and expanding the capabilities of the computer, and the notification of the victim that the use of the program is illegal, but will bring him benefits from its use. In such cases, the investigator has to deal with organized, secret groups of criminals.

Keywords: malware, investigation, crime, organization and planning.

Введение

Статистика преступности в сфере компьютерной информации и информационных систем от года к году показывает неуклонный ежегодный рост как их количества, так и масштабов наносимого ущерба.

По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, в 2020 г. зарегистрирован существенный рост количества преступлений в информационно-телекоммуникационной сфере: более чем на 73,4 % по сравнению с 2019 г. В абсолютных цифрах за 2020 г. – 510396 преступлений зарегистрировано, раскрыто лишь 94942 из них [15]. Распространены хищения, вымогательство, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, изготовление и распространение порнографических материалов, неправомерный доступ к компьютерной информации.

Как видно из актуальной статистики, раскрываемость преступлений для этой категории в 2020 г. составила 18,6 %. Такое положение сказывается на восприятии многими пользователями виртуальной среды как нерегулируемой законодательством.

Практика показывает, что наиболее сложными для расследования выступают такие преступления в рассматриваемой сфере, где преступники применяют вредоносные компьютерные программы собственной разработки либо собственные модификации уже распространенных в компьютерных сетях вредоносных программ. Это обусловлено возможностями для виновных скрыть следы преступлений от разоблачения жертвами, и предотвратить их выявление сотрудниками правоохранительных органов. Целью исследования выступает определение наиболее перспективных направлений организации и

планирования расследования преступлений с использованием вредоносных программ.

Методы исследования

Основу методов криминалистического познания составляет метод отражения объектов и явлений в объективной реальности, сознании людей, на цифровых объектах [3].

Методология нашего исследования опирается на методы анализа и сравнения материалов уголовных дел по делам данной категории с дальнейшими обобщениями результатов в виде выводов. Такой подход международно признан, и поэтому использован нами в качестве обоснования новизны исследования. Для этого мы ознакомились с материалами 14 уголовных дел данной категории, расследованных в г. Москве, Краснодарском крае, Ростовской и Московской областях в период 2017–2020 г. Нами проведены сравнение направлений и программ расследования, установление по ним исходного плана следователя, а также логически вытекающей отсюда всей структуры организации расследования.

Для проверки достоверности выводов использован метод анализа части структуры последовательности кода программы, для отнесения ее к группе вредоносных [8], как один из факторов, влияющих на процесс формирования версий и планирования расследования вообще. И хотя организация и планирование расследования преступлений этой категории не затрагивает напрямую вопросы судебной компьютерно-технической экспертизы, однако, именно заключение эксперта на поставленные вопросы существенно влияет на дальнейшие действия и решения в рамках установления обстоятельств происшествия.

Результаты исследования

Результаты исследования выражаются в следующем:

1. На стадии проверки заявления о преступлении, где высока вероятность применения вредоносных компьютерных программ виновными лицами, следователь незамедлительно устанавливает полный контроль над компьютерной техникой потерпевшего и доступом к его электронным учетным записям. Производится отбор объяснений от заявителя, осмотр средств компьютерной техники и назначение судебной компьютерно-технической экспертизы с целью установить факт заражения вредоносной программой.

2. Направленность действий следователя обусловлена на выдвижение и проверку версий о наличии преступления, времени его совершения,

установлении вреда заявителю, классификации вредоносной компьютерной программы, механизма заражения программного обеспечения потерпевшего и способах нанесения ему вреда. Все эти сведения определены как обстоятельства, подлежащие установлению для возбуждения уголовного дела.

3. Тактическими рисками организации расследования выступают невозможность классификации экспертом программы как вредоносной при наличии вреда, а также применение комплекса мероприятий по анонимизации виновными лицами своих действий и даже недостоверность сообщаемых самим заявителем сведений о происшествии.

4. Способ заражения вредоносной программой и образовавшиеся следы от этого, зависят от избранной преступниками модели взаимодействия с жертвой. Здесь встречаются как распространение программы под видом служебной, сервисной, дополняющей другие и расширяющие возможности компьютера, так и уведомление потерпевшего, что использования программы незаконно, но принесет ему выгоды от ее использования. В таких случаях следователю приходится иметь дело с организованными, законспирированными группами преступников.

Научная дискуссия

Традиционным поводом для проверки сообщений о преступлениях выступают заявления граждан, пострадавших от незаконных действий; сообщения от уполномоченных лиц или руководителей организаций, которые базируются на результатах внутреннего расследования предприятий; сведения, полученные в результате расследования других преступлений в сфере компьютерной информации, выделенные в отдельное производство; публикации в средствах массовой информации и глобальной сети «Интернет», а также непосредственное обнаружение следователем программного обеспечения, подпадающего под определение вредоносной программы при проведении осмотров, обысков, выемки.

Приступая к рассмотрению сообщения о преступлении в информационно-телекоммуникационных сетях, следователь определяет основные направления проверки и перечень фактов, которые при подтверждении влекут возбуждение уголовного дела. К ним относятся следующие:

– наличие у заявителя прав на цифровой финансовый актив, цифровую валюту или размещение им информации в информационных системах либо в памяти компьютера;

– содержание размещенной информации заявителем, возможность ее использования для нарушения его прав и законных интересов виновными;

– сведения о копировании, изменении, удалении информации заявителя;

– отсутствие воли самого заявителя на копирование, изменение, удаление или другие действия по распоряжению своими информационными ресурсами;

– отсутствие основной на законе, договоре или условиях использования информационного ресурса, возможности у оператора информационной системы вносить изменения в информацию заявителя, без его уведомления;

– отсутствие права доступа виновных лиц к информации, которая стала предметом преступления;

– причинение имущественного, морального вреда или ущерба деловой репутации пострадавшего в результате действий виновных;

– способ, применявшийся виновными для незаконного собирания, уничтожения, изменения информации потерпевшего;

– способы и средства присвоения и легализации виновными финансового актива, цифровой валюты или иной информации, незаконно полученными от заявителя.

Как видно, ответы на поставленные для проверки сообщения о преступлениях вопросы, сами по себе образуют существенную часть подлежащих доказыванию обстоятельств, и направлены на формирование системы доказательств по уголовному делу.

Поэтому в преступлениях, совершаемых с использованием вредоносных программ, организация расследования начинается еще на этапе проверки сообщения о преступлении. Это обусловлено тем, что необходимо использовать специальные знания в области компьютерной техники и информационных технологий. Активно используются знания и в области финансов, когда транзакции проводятся цифровыми средствами платежа (криптовалютами), либо в безналичной форме с использованием личных счетов или счетов третьих лиц, обслуживаемых в кредитных организациях.

Такой подход полностью подтверждается практикой расследования, где в 100 % изученных материалов назначалась и производилась судебная экспертиза компьютерной техники и программного обеспечения, а в 35,7 % случаев устанавливалось движение денежных средств по счетам подозреваемых.

Расследованные факты преступлений с использованием вредоносных программ позволяют говорить, что часто преступники создают и реализуют смарт-карты для несанкционированного доступа к услугам провайдеров сети «Интернет», телеканалам с платной подпиской, создают вредоносный код для сбора сведений об учетных записях [5] и паролях пользователей социальных сетей, порталов государственных услуг и компьютерных игр, предполагающих коммерческую реализацию некоторых игровых функций для своих пользователей.

Мы находим несколько вариантов действий следователя для обнаружения и закрепления следов воздействия вредоносного программного обеспечения.

Первое направление предполагает обнаружение вредоносной программы пользователем в ходе взаимодействия с вычислительной машиной. На данный момент, это самый распространенный способ выявления. Это утверждение обосновано, в первую очередь, специфической сущностью и функционированием вредоносной программы. Зачастую она вызывает сбой в компьютерной системе пользователя, препятствует нормальному функционированию вычислительной машины.

При осмотре компьютерных средств можно использовать помощь технических специалистов органов государственной власти, если по каким-либо причинам невозможно обеспечить участие специалистов в области компьютерной техники органов внутренних дел [2]. Однако в нашем исследовании мы не обнаружили участия в осмотре иных, кроме территориального органа внутренних дел, специалистов, содействовавших следователю в обнаружении и изъятии электронных следов.

Однако немаловажен тот факт, что вредоносные программы разнообразны в своих воплощениях и функциональной направленности. В связи с чем возникают ситуации, в которых программное обеспечение работает в латентном режиме. Подобный случай представляет собой действительность, в которой обнаружить те или иные вирусы представляется проблематичным.

Латентность здесь выражается в том, что вредоносная программа маскирует свои под ошибки, вызванные отдельными компонентами вычислительной машины (зачастую накопителем на жестких магнитных дисках) или же операционной системой.

Помимо прочего, существует разновидность вредоносного программного

обеспечения, обнаружить которую возможно лишь при мониторинге нагрузки центрального процессора и графического адаптера. Подобное явление характерно для программного обеспечения, использующего мощность вычислительной машины в целях осуществления деятельности по созданию новых структур, обеспечивающих функционирование криптовалютных платформ.

Также обнаружение вредоносной программы возможно при использовании компьютерных сетей и обмене информации. В данном случае речь идет о сетевых червях. Основная цель такого вредоносного программного обеспечения заключается в самостоятельном распространении при помощи различных видов компьютерных сетей.

Как показывает анализ заключений экспертов, заражение может происходить двумя способами: в первом случае червь использует уязвимости программного обеспечения вычислительной машины пользователя; во втором случае, вредоносная программа провоцирует пользователя самостоятельно запустить ее.

Часто установление наличия происходит в результате проверки компьютерной техники специализированными антивирусными программами с актуальными [1]. Средство антивирусной защиты зачастую самостоятельно обнаруживает вредоносную программу и блокирует ее. Это привлекает внимание пострадавшего или системного администратора и служит причиной обращения о совершении преступления.

Любое планирование расследования нельзя осуществить без выдвижения и проверки версий. Именно версия позволяет установить возможные связи между механизмом преступления и подлежащими установлению фактами [4]. В нашем случае необходимо отталкиваться от данных о предполагаемом преступнике, а также от функциональной направленности вредоносной программы, изучить ее особенности и определить пути внедрения в вычислительную машину, а также механизм распространения.

Далее следует определить круг конкретных действий, совершение которых необходимо для получения доказательств по делу. Собираание доказательств осуществляется в результате проведения следственных действий, однако следует отметить, что формирование круга следственных действий производится на основании подлежащих установлению обстоятельств, объективированных в версии. Организация расследования использования

вредоносных компьютерных программ не может быть осуществлена без постоянно корректируемого плана расследования.

В процессе выдвижения версий наиболее ценны те из них, которые направляют поисковые устремления следователя на установление личности преступника, основываясь на его навыках в программировании [7]. Данный подход показал свою эффективность в силу объективной корреляции между имеющимися в каждом расследуемом случае следами, способом совершения и личностью преступника.

Мы приходим к выводам, что факт создания вредоносной компьютерной программы выступает предикатным преступлением, то есть необходимой основой для совершения других преступлений в компьютерных сетях и базах данных, где виновный получает запланированный им преступный результат.

Криминалистически такой подход к анализу преступной деятельности, дробит традиционную модель полноструктурного способа преступления «подготовка – совершение – сокрытие». В результате выделяются дополнительные, но необходимые здесь структурные элементы: подготовка – разработка вредоносной программы как предикативное преступление – совершение основного преступления с ее помощью – достижение запланированного преступного результата – овеществление или иное распоряжение преступным результатом – сокрытие.

Такая категория преступлений в целом характеризуется высокой степенью обдумывания плана их совершения и сокрытия, особенно если участвует организованная группа лиц.

Д. Меймон и Э.Р. Лоудербек исследовали взаимозависимые преступления в сфере компьютерных технологий и информации в рамках концепции единой экосистемы киберпреступлений посредством проведения междисциплинарных связей между ее элементами. Это позволило им выявить основных участников взаимосвязей, куда включены посягатели, разработчики вредоносных приложений и программ, их цели и жертвы их преступлений, а также противостоящие преступникам правоохранительные органы, системные администраторы и разработчики программ для выявления несанкционированного доступа к защищаемой информации [12].

В целом, такая структура применяется также и российскими следователями, что упорядочивает организацию борьбы с преступлениями в сфере компьютерной

информации, в том числе и при обнаружении признаков преступлений.

А. Сингх предлагает особую структуру организации компьютерной сети для противодействия программам-вымогателям, назвав ее «цифровой готовностью». Она позволяет фиксировать все цифровые следы в компьютерной сети и немедленно предоставлять их для расследования преступления [14].

Сегодня исследователи занимаются познанием разных подходов к выявлению компьютерных вирусов [15], закономерностей распространения компьютерных вирусов в различных условиях компьютерной среды [11], моделированием нестандартных алгоритмов их внедрения на разные виды носителей компьютерной информации [16], моделированием условий массовых заражений конкретными видами вредоносных компьютерных программ в сети «Интернет» [9], выявлением компьютерных вирусов, перемещающих данные с использованием средств машинного обучения и естественных языков [10]. Эти исследования послужат основой для новых или совершенствования уже существующих методов судебно-экспертных исследований вредоносного программного обеспечения преступной деятельности.

Список использованной литературы:

1. Алиев А.Т. Проактивные системы защиты от вредоносного программного обеспечения // Известия ЮФУ. Технические науки. 2014. № 2. С. 26- 33.
2. Кравец Е.Г., Шувалов Н.В. Комплекс специальных знаний, необходимых при расследовании хищений, совершаемых с использованием вредоносных компьютерных программ // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 3. С. 119-126.
3. Россинская Е.Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2. С. 193-202.
4. Руденко А.В. Содержательная логика доказывания: монография. М., 2016.
5. Ручкин В.Н., Фомин В.В. Современные технологии виртуализации для обеспечения криминальной безопасности в процессе расследования // Информатика и прикладная математика. 2018. № 24. С. 112–118.
6. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2020 г. // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации // URL <https://мвд.рф/reports/item/22678184/>.
7. Трубочанинов А.В. Особенности возбуждения уголовного дела и планирования на первоначальном этапе расследования преступлений,

Говоря о разработке прикладных методов вообще, научное познание продвинулось сегодня до анализа «больших данных», где нужная информация преступниками добывается из анализа имеющихся разрозненных сведений о жертве. Исследовательский коллектив под руководством В.Р. Ниведисы по этому поводу указывает на способность компьютерных вирусов к маскировке под видом программ анализа больших данных и использования полученной информации в незаконных целях [13]. Мы видим перспективное направление дальнейшей разработки положений методики расследования именно в работе следователя с такими видами производной из больших данных информации.

Представляется, в эпоху цифровой трансформации общественных отношений количество киберпреступлений продолжит возрастать в силу перехода большей части экономических отношений, взаиморасчетов в удобный пользователям формат. Поэтому выработка направлений расследования преступлений этого вида послужит первым этапом к декриминализации правоотношений в цифровой сфере.

References:

1. Aliev A.T. Proactive protection systems against malicious software // News of the Southern Federal University. Technical sciences. 2014. № 2. Pp. 26- 33.
2. Kravets E.G., Shuvalov N.V. Complex of special knowledge necessary in the investigation of theft committed with the use of malicious computer programs // Legal science and law enforcement practice. 2020. № 3. Pp. 119-126.
3. Rossinskaya E.R. Theory of information and computer support of criminalistics activities: concept, system, basic laws // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2. Pp. 193-202.
4. Rudenko A.V. Substantial logic of proof: monograph. M., 2016.
5. Ruchkin V.N., Fomin V.V. Modern technologies of virtualization for ensuring criminal security in the process of investigation // Informatics and Applied Mathematics. 2018. № 24. Pp. 112–118.
6. The state of crime in the Russian Federation for January-December 2020: Official Website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // URL <https://мвд.рф/reports/item/22678184/>
7. Trubchaninov A.V. Features of criminal case initiation and planning at the initial stage of investigation of crimes

связанных с созданием, использованием и распространением вредоносных компьютерных программ // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 1. С. 153-159.

8. Hiray S., Ranveer S. Comparative Analysis of Feature Extraction Methods of Malware Detection // International Journal of Computer Applications. 2015. № 120 (5) // <https://doi.org/10.5120/21220-3960>.

9. Iliev A., Kyurkchiev N., Rahnev A., Terzieva T. Some New Approaches for Modelling Large-Scale Worm Spreading on the Internet // Neural, Parallel and Scientific Computation. 2019. № 1. С. 23-34.

10. Karbab E.M.B., Debbabi M. MalDy: Portable, data-driven malware detection using natural language processing and machine learning techniques on behavioral analysis reports // Digital Investigation. 2019. Т. 28. С. S77-S87.

11. MadhuSudanan V., Geetha R. Dynamics of Epidemic Computer Virus Spreading Model with Delays // Wireless Personal Communications. 2020. <https://doi.org/10.1007/s11277-020-07668-6>.

12. Maimon D., Louderback E.R. Cyber-Dependent Crimes: An Interdisciplinary Review // Annual Review of Criminology. 2019. № 2. С. 191-216.

13. Niveditha V.R., Ananthan T.V, Amudha S., Dahlia S., Srinidhi S. Detect and Classify Zero Day Malware Efficiently In Big Data Platform // International Journal of Advanced Science and Technology. 2020. Т. 29. № 4s. С. 1947-1954.

14. Singh A., Ikuesan A.R., Venter H.S. Digital Forensic Readiness Framework for Ransomware Investigation // ICDF2C 2018: Digital Forensics and Cyber Crime. 2018. С. 91-105.

15. Souri A.A., Hosseini R. State-of-the-art survey of malware detection approaches using data mining techniques // Human-centric Computing and Information Sciences. 2018. № 8 // <https://doi.org/10.1186/s13673-018-0125-x>.

16. Zhang X., Li Y. Modelling and Analysis of Propagation Behavior of Computer Viruses with Nonlinear Countermeasure Probability and Infected Removable Storage Media // Discrete Dynamics in Nature and Society. 2020. // <https://doi.org/10.1155/2020/8814319>.

related to the creation, use and distribution of malicious computer programs // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 1. Pp. 153-159.

8. Hiray S., Ranveer S. Comparative Analysis of Feature Extraction Methods of Malware Detection // International Journal of Computer Applications. 2015. № 120 (5) // <https://doi.org/10.5120/21220-3960>

9. Iliev A., Kyurkchiev N., Rahnev A., Terzieva T. Some New Approaches for Modelling Large-Scale Worm Spreading on the Internet // Neural, Parallel and Scientific Computation. 2019. № 1. Pp. 23-34.

10. Karbab E.M.B., Debbabi M. MalDy: Portable, data-driven malware detection using natural language processing and machine learning techniques on behavioral analysis reports // Digital Investigation. 2019. Vol. 28. Pp. S77-S87.

11. MadhuSudanan V., Geetha R. Dynamics of Epidemic Computer Virus Spreading Model with Delays // Wireless Personal Communications. 2020. <https://doi.org/10.1007/s11277-020-07668-6>.

12. Maimon D., Louderback E.R. Cyber-Dependent Crimes: An Interdisciplinary Review // Annual Review of Criminology. 2019. № 2. Pp. 191-216.

13. Niveditha V.R., Ananthan T.V, Amudha S., Dahlia S., Srinidhi S. Detect and Classify Zero Day Malware Efficiently In Big Data Platform // International Journal of Advanced Science and Technology. 2020. Vol. 29. № 4s. Pp. 1947-1954.

14. Singh A., Ikuesan A.R., Venter H.S. Digital Forensic Readiness Framework for Ransomware Investigation // ICDF2C 2018: Digital Forensics and Cyber Crime. 2018. Pp. 91-105.

15. Souri A.A., Hosseini R. State-of-the-art survey of malware detection approaches using data mining techniques // Human-centric Computing and Information Sciences. 2018. № 8 // <https://doi.org/10.1186/s13673-018-0125-x>.

16. Zhang X., Li Y. Modelling and Analysis of Propagation Behavior of Computer Viruses with Nonlinear Countermeasure Probability and Infected Removable Storage Media // Discrete Dynamics in Nature and Society. 2020. // <https://doi.org/10.1155/2020/8814319>.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО;
АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

**ПРАВОСОЗНАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО:
ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТИ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ***

**LEGAL AWARENESS OF A CIVIL SERVANT:
CONCEPT AND SIGNIFICANCE FOR ENSURING THE
EFFECTIVENESS OF DISCIPLINARY RESPONSIBILITY**

DOI: 10.31429/20785836-13-2-58-68

Добробаба Марина Борисовна
доктор юридических наук, доцент
профессор кафедры административного и финансового права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ID ORCID: 0000-0003-2119-947X
Scopus ID: 57214246519

Dobrobaba Marina Borisovna
Doctor of Law, Associate Professor
Professor of the Administrative and Financial Law Department
Kuban State University

Аннотация: Целью исследования выступает анализ понятия и значения правосознания государственного служащего, как одного из факторов, оказывающий влияние на обеспечение эффективности института дисциплинарной ответственности в системе государственной службы. Задачами исследования является: определение роли и места правосознания государственного служащего в механизме правового регулирования; выявление существенных признаков и анализ функций правосознания государственного служащего; характеристика основных элементов содержания правосознания государственных служащих; обоснование взаимообусловленности уровня правосознания государственных служащих и состояния служебной деликтности; определение путей решения проблемы формирования высокого уровня профессионального правосознания государственного служащего.

Фактором, влияющим на слабые стороны эффективности дисциплинарной ответственности в системе государственно-служебных отношений, выступает правосознание государственных служащих, что обуславливает необходимость выявления его сущности и анализ компонентов, составляющих содержание этого сложного социально-правового явления. Правосознание государственных служащих предопределяет правомерность или противоправность их поведения в государственно-служебных отношениях, что влияет на показатели служебной деликтности. Учитывая, что правосознание государственного служащего относится к профессиональному правосознанию, элементы которого зависят от правопонимания, находятся в постоянном развитии и функционируют на всех стадиях механизма правового регулирования, требуется решение проблем использования кадровых технологий, позволяющих выявлять отдельные элементы содержания правосознания государственного служащего и при необходимости своевременно их корректировать.

Цели и задачи работы определили методологию исследования, в основу которой положены как общенаучные методы исследования: диалектический, методы формальной логики, системно-структурный, так и частнонаучный формально-юридический метод.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-011-00448 «Правовые механизмы обеспечения эффективности дисциплинарной ответственности в системе государственной службы: проблемы формирования».

Принципиальным результатом данной работы является вывод о том, уровень правосознания государственного служащего является показателем правомерности осуществляемой им профессиональной служебной деятельности. Высокий уровень группового правосознания государственных служащих способствует обеспечению общей превенции дисциплинарных проступков в системе государственной службы, а индивидуального правосознания – частной превенции.

Ключевые слова: эффективность дисциплинарной ответственности, государственный служащий, служебная деликтность, правосознание, профессиональное правосознание, служебное поведение, служебное законодательство, правовая культура, правопонимание, кадровые технологии.

Annotation: The aim of the study is to analyze the concept and meaning of the legal consciousness of a civil servant, as one of the factors influencing the effectiveness of the institution of disciplinary responsibility in the system of civil service. The objectives of the research are: determination of the role and place of legal consciousness of a civil servant in the mechanism of legal regulation; identification of essential features and analysis of the functions of legal consciousness of a civil servant; characteristics of the main elements of the content of legal awareness of civil servants; substantiation of the interdependence of the level of legal awareness of civil servants and the state of official delinquency; determination of ways to solve the problem of forming a high level of professional legal consciousness of a civil servant.

The factor influencing the components of the effectiveness of disciplinary responsibility in the system of state-service relations is the legal consciousness of civil servants, which necessitates the identification of its essence and the analysis of the components that make up the content of this complex socio-legal phenomenon. The legal awareness of civil servants predetermines the legality or unlawfulness of their behavior in public-service relations, which affects the indicators of official delinquency. Considering that the legal consciousness of a civil servant refers to professional legal consciousness, the elements of which depend on legal understanding, are in constant development and function at all stages of the mechanism of legal regulation, it is necessary to solve the problems of using personnel technologies that make it possible to identify individual elements of the content of the legal consciousness of a civil servant and, if necessary, in a timely manner. correct.

The goals and objectives of the work determined the research methodology, which is based on both general scientific research methods: dialectical, methods of formal logic, systemic-structural, and private-scientific formal-legal method.

The principal result of this work is the conclusion that the level of legal awareness of a civil servant is an indicator of the legitimacy of his professional service activities. A high level of group legal awareness of civil servants contributes to the provision of general prevention of disciplinary offenses in the public service system, and individual legal awareness - of private prevention.

Keywords: efficiency of disciplinary responsibility, civil servant, official delinquency, legal awareness, professional legal awareness, official behavior, service legislation, legal culture, legal thinking, personnel technologies.

Введение

Определяющим фактором, влияющим налагаемые эффективности дисциплинарной ответственности в системе государственно-служебных отношений, выступает правосознание государственных служащих, что обуславливает необходимость выявления его сущности и анализ компонентов, составляющих содержание этого сложного социально-правового явления. Как известно, уровень правосознания государственных служащих предопределяет правомерность или противоправность их поведения в общественных отношениях [23 с. 65–70]. Не случайно судебными органами указывается, что совершение преступления лицом, ранее

проходившим государственную службу, свидетельствует об очень низком уровне правосознания и его безразличном отношении к окружающему миру¹.

Анализируя влияние правосознания на административно-деликтное поведение, А.К. Сисакьян обосновывает, что уровень правосознания влечёт за собой изменение в частоте возникновения административно-деликтных правоотношений [14, с. 59]. Подобная взаимообусловленность уровня правосознания государственных служащих и служебной деликтности существует и в государственно-служебных отношениях.

¹ Обзор Кемеровского областного суда от 12 марта 2008 г. № 01-19/152 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Методы исследования

Специфика темы работы определила необходимость использования как общенаучных методов исследования: диалектического, системно-структурного, метода формальной логики, так и частно-научного формально-юридического метода, что позволило рассмотреть предмет исследования с точки зрения его внутренней логики, научной значимости социологического и гносеологического аспектов. С помощью структурно-функционального анализа проведено изучение структуры правосознания государственного служащего, его функций, реализация которых позволяет обеспечить эффективность института дисциплинарной ответственности в системе государственной службы.

Результаты исследования

В результате проведённого исследования обосновано, что правосознание государственного служащего представляет собой сложное социально-правовое явление, представляющее собой вид правосознания, в котором одновременно проявляются: психические свойства, присущие государственному служащему, как представителю социальной группы, и свойства индивидуального правосознания. Правосознание государственного служащего может быть отнесено к профессиональному правосознанию, элементы которого зависят от правопонимания, находятся в постоянном развитии и функционируют на всех стадиях механизма правового регулирования.

Элементы содержания группового правосознания государственного служащего с позиции социологического подхода отличают следующие характеристики:

а) интеллектуальный элемент – высокий уровень знания служебного законодательства, коррелируемого в профессиональную служебную деятельность;

б) эмоционально-психологический элемент – ценностное отношение к служебному законодательству и праву в целом;

в) волевой элемент – навыки правомерного служебного поведения.

Уровень правосознания государственного служащего является показателем правомерности осуществляемой им профессиональной служебной деятельности, от которого также зависит авторитет государственного органа и государства в целом. Значение правосознания как фактора, влияющего на слабые стороны эффективности дисциплинарной ответственности в системе государственно-

служебных отношений, заключается в том, что высокий уровень группового правосознания государственного служащего способствует достижению цели общей превенции дисциплинарных проступков в системе государственной службы; индивидуального правосознания государственного служащего – цели частной превенции.

Учитывая подвижный характер правовой психологии и правовой идеологии, выступающих составляющими правосознания государственного служащего, на каждом этапе прохождения государственной службы необходимо грамотно использовать кадровые технологии, позволяющие выявлять отдельные элементы содержания правосознания государственного служащего и при необходимости своевременно их корректировать. К числу основных направлений повышения правосознания государственных служащих могут быть отнесены: профессионально-этическая кодификация; обеспечение «этического режима»; формирование традиций государственной службы.

Научная дискуссия

Являясь составной частью механизма правового регулирования, правосознание государственных служащих определяет служебное поведение представителей данной социальной группы [22, с. 127–144]. Вместе с тем зависимость служебной деликтности от правосознания государственных служащих не стоит понимать буквально, поскольку в противном случае можно прийти к ошибочному выводу, что достаточно добиться высокого уровня правосознания государственных служащих, и дисциплинарные проступки в системе государственной службы не будут совершаться вообще. Взаимобусловленность правосознания государственного служащего и состояния служебной деликтности условно предлагается демонстрировать с помощью графического изображения, на котором близкая к параболе кривая никогда не пересечёт соответствующие ей оси координат [14, с. 60].

Высокий уровень правосознания является необходимым, но недостаточным фактором повышения эффективности дисциплинарной ответственности, поскольку для её обеспечения необходим целый комплекс условий, в числе которых – качество служебного законодательства и оптимальное его применение на практике.

В юридической литературе распространено общее понимание правосознания как совокупности чувств и представлений людей,

выражающих их субъективное отношение к праву [3, с. 176; 8, с. 176]. Предлагаются и более развёрнутые определения данной категории. Так, Н.Л. Гранат определяет правосознание как «сферу или область сознания, отражающую правовую действительность в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и практике его реализации, социально-правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих поведение (деятельность) людей в юридически значимых ситуациях» [6, с. 243].

Предлагая схожее определение правосознания, П.П. Баранов конкретизирует сферу сознания, выражающую отношение людей к действующему праву и юридической практике, относя к ней систему правовых чувств, эмоции, идеи, взглядов, оценок, установок, представлений и других проявлений [4, с. 474– 475]. Существующие определения правосознания убедительно демонстрируют, что правосознание не ограничивается какой-либо стадией правового воздействия: оно включается в работу и на стадии правотворчества, и на стадии реализации права.

Применительно к государственно-служебным отношениям можно выделить следующие формы включения личности государственного служащего в систему правового регулирования:

1) требующие гарантированного исполнения и соблюдения норм служебного законодательства, независимо от личного отношения к ним;

2) связанные использованием норм служебного законодательства;

3) обусловленные социально-правовой активностью личности государственного служащего, с реализацией предоставленных ему прав и свобод.

Поскольку содержательные характеристики правосознания могут быть присущи обществу, социальной группе или конкретной личности, в теории права традиционно выделяют общественное, групповое и индивидуальное правосознание лиц, реализующих предусмотренные нормами права правовые предписания. Так, А.Р. Ратинов определяет правосознание как сферу общественного, группового, индивидуального сознания, отражающую правовую деятельность в форме юридических знаний, оценочных отношений к праву и практику его применения, правовые установки и ценностные ориентации, регулирующие человеческое поведение в

юридически значимых ситуациях [13, с. 80]. Учитывая, что государственные служащие являются представителями определённой социальной группы, представляется необходимым акцентировать внимание на формировании группового правосознания, высокий уровень которого способствует достижению цели общей превенции совершения дисциплинарных проступков в системе государственной службы.

Демонстрируя собственный подход к пониманию правосознания, В.И. Червонюк ограничил групповое правосознание субъектом-носителем, относя к последнему служащих государственного аппарата, преимущественно юристов-практиков [18, с. 24]. Вместе с тем носителем группового правосознания государственного служащего являются не только служащие-юристы, а иные сотрудники государственного аппарата, поскольку их отличает высокий уровень правовых знаний, коррелируемых в профессиональную государственно-служебную деятельность. Данная особенность группового правосознания объясняется тем, что знание норм Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, конституций (уставов), законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, является основной служебной обязанностью государственного служащего².

Кроме сходства с правосознанием юриста, содержание профессиональное правосознания государственного служащего независимо от сферы деятельности отличает преобладание управленческих функций, в реализацию которых входит и правоприменение [19, с. 47], о чём, по мнению Т.И. Акимовой, свидетельствуют следующие его особенности: 1) практический характер, сходный с профессиональным правосознанием юристов; 2) теоретическая подготовка, позволяющая участвовать в правотворческой деятельности, осуществлять юридически властные предписания, реализовывать юрисдикционные действия и обеспечивать защиту законных интересов, прав и свобод граждан [1, с. 12].

Следует учитывать, что групповое правосознание государственных служащих разных видов государственной службы не отличается однородностью, что обусловлено замещаемой должностью, спецификой службы в

² См., например: п. 1 ч. 1 ст. 15 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

различных государственных органах, местом государственного органа в механизме государственной власти.

Что же касается значения правосознания как фактора, направленного на обеспечение частной превенции совершения дисциплинарных проступков в системе государственной службы, анализировать включение личности в систему правового регулирования следует с позиции содержания индивидуального правосознания.

Роль правосознания государственного служащего проявляется через присущие ему функции. В общей теории права сложилось понимание, что правосознание выполняет три основных функции: познавательную, оценочную и регулятивную. Если познавательная функция правосознания государственного служащего направлена на получение им знаний о служебном законодательстве, без которого невозможно выработать конкретное отношение к нему, то оценочная функция состоит в оценке норм служебного законодательства, возникающих в связи с реализацией юридически значимых фактов на основе сопоставления их с принятыми в государственном органе ценностями.

Учитывая, что правосознание государственного служащего относится к групповому правосознанию, его следует рассматривать как часть профессиональной культуры государственного органа [5, с. 6–15]. В свою очередь, профессиональная культура государственного органа может быть определена, как совокупность установленных в государственном органе ценностей, миссии, принципов и правил поведения, приверженность которым способствует эффективной реализации гражданскими служащими задач и функций государственного органа. Не случайно в процессе профессиональной служебной деятельности государственным служащим рекомендовано руководствоваться идеями и убеждениями, отраженными в ценностях и миссии государственного органа и реализуемыми через профессиональные и личностные качества (компетенции)³.

Правовой основой формирования в государственном органе профессиональной

культуры являются положения Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»⁴, указа Президента РФ от 12 августа 2002 года № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих»⁵, Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих.

Составляющие профессиональной культуры формируют единые для всего коллектива государственного органа ориентиры добросовестного исполнения служащими должностных обязанностей. Применительно к проблеме правосознания государственного служащего следует отметить, что повышение правовой культуры государственного органа как части его профессиональной культуры, должны быть целенаправленным процессом⁶.

Регулирующая функция правосознания государственного служащего основывается на вышеуказанных функциях и состоит в выработке определенного механизма регулирования служебного поведения [24, с. 261–374]. Результатом реализации данной функции является поведенческая реакция в виде правомерного или противоправного поведения государственного служащего. Этот механизм придает устойчивый, целенаправленный характер служебному поведению государственного служащего, закрепляя его определенный стереотип при исполнении им служебных обязанностей.

Научный анализ категории правосознания государственного служащего требует изучения вопроса о его содержании. На сегодняшний день в научной литературе распространены два подхода к пониманию содержания правосознания: гносеологический и социологический.

С позиций социологического подхода можно выделить следующие элементы содержания правосознания государственного служащего:

³ См.: Методика Минтруда России от 01.01.2018 «Рекомендуемая единая модель ценностей, миссии государственного органа, профессиональных и личностных качеств (компетенций), которыми необходимо руководствоваться государственным гражданским служащим при осуществлении профессиональной служебной деятельности».

⁴ Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (в ред. от 8 декабря 2020 г. № 395-ФЗ) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Указ Президента РФ от 12 августа 2002 г. № 885 (в ред. от 16 июля 2009 г.) «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Методика формирования и развития профессиональной культуры государственного органа (утв. Минтрудом России) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

– интеллектуальный – заключается в знании государственным служащим служебного законодательства и должностного регламента;

– эмоциональный-психологический – связан с убежденностью государственного служащего в «полезности» и необходимости норм служебного законодательства и права в целом;

– волевой – заключается в умении государственного служащего пользоваться правовыми средствами в правореализационной деятельности при исполнении им служебных обязанностей.

Следует признать, что, несмотря на то, что на практике существует тесная связь между знанием права, отношением к нему и навыками правового поведения, данные элементы правосознания в отдельности не всегда могут быть подвергнуты анализу [21, с. 131].

Наиболее доступным для анализа элементом правосознания государственного служащего является *знание им норм служебного законодательства и должностного регламента*, в том числе знание правовых норм, регламентирующих дисциплинарную ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение служебных обязанностей, несоблюдение запретов, ограничений, установленных служебным законодательством.

На практике выявление данного аспекта правосознания осуществляется уже при поступлении на государственную службу, поскольку среди требований, предъявляемых к претенденту на вакантную должность государственной службы, – его соответствие квалификационным требованиям, в том числе, к знанию норм служебного законодательства, перечень которых установлен в должностном регламенте.

Помимо конкурсной процедуры, выявить знание норм служебного законодательства позволяет и процедура аттестации, при осуществлении которой также осуществляется комплексная оценка профессиональной служебной деятельности государственных служащих. Так, на гражданской службе, данная кадровая технология, наряду с другими показателями, позволяет: выявить соответствие профессиональных знаний и навыков

гражданского служащего квалификационным требованиям к должности гражданской службы; выявить соответствие его профессиональных качеств модели профессиональных качеств, а также осуществить их оценку⁷.

Необходимо отметить, что Методика всесторонней оценки профессиональной служебной деятельности государственного гражданского служащего⁸ может использоваться на различных этапах прохождения гражданской службы:

- при установлении гражданскому служащему испытания;

- при проведении конкурса на включение в кадровый резерв государственного органа;

- при определении размеров ежемесячной надбавки к должностному окладу за особые условия гражданской службы и премий, включая премии за выполнение особо важных и сложных заданий;

- при распределении служебной нагрузки между гражданскими служащими структурного подразделения государственного органа;

- при проведении других организационно-штатных мероприятий.

При этом результаты комплексной оценки учитываются при принятии всех кадровых решений в государственном органе. Принимая во внимание значение всесторонней оценки профессиональной служебной деятельности гражданского служащего, существует необходимость в нормативной регламентации кадровых процедур и управленческой подготовке руководителя государственного органа, позволяющей использовать научно обоснованный подход при их применении.

Другой аспект правосознания государственного служащего – это его *отношение к нормам служебного законодательства и праву в целом*. В психологии он определяется как «... система психических свойств, реализующихся в когнитивной и чувственно-эмоциональной сфере и детерминирующих субъективное отражение правовой действительности, а также социально-правовое поведение человека» [15, с. 30–34]. Значение данного компонента правосознания наиболее убедительно демонстрирует В.Н. Кудрявцев, по мнению которого знание

⁷ См.: Методический инструментарий по внедрению системы комплексной оценки профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих (включая общественную оценку) (утв. Минтрудом России) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Письмо Минтруда России от 14 июля 2016 г. № 18-1/10/В-3980 «О Методике всесторонней оценки профессиональной служебной деятельности государственного гражданского служащего» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

нормативных положений не является гарантией от недопущения их нарушений, главное заключается в отношении лица к нормам и ценностям, охраняемым ими, к обществу, его интересам, отдельным лицам [10, с. 140].

В отличие от интеллектуального элемента правосознания государственного служащего, который без труда поддается анализу, выявить эмоционально-психологический элемент, связанный с глубокими установками правосознания, несколько сложнее. Вместе с тем, при поступлении на государственную службу и в процессе её прохождения можно выявить личностные качества сотрудников, определяемые Минтрудом России как «индивидуальные особенности личности, включающие в себя жизненные ценности и установки индивидуума, тип темперамента, мотивацию и личные цели, динамические свойства нервной системы, психотип личности»⁹. На наш взгляд, в данном случае речь идёт об установлении требований к содержанию индивидуального правосознания государственного служащего.

При этом важно понимать механизм проявления личностных качеств государственного служащего при осуществлении государственно-служебной деятельности. Своего рода мостиком для этого являются профессиональные качества государственного служащего, а именно его характеристика, в которой отражены единство стремлений, способностей, знаний, навыков и личностных качеств, необходимых для эффективного и результативного исполнения должностных обязанностей.

Поскольку наличие определённых профессиональных качеств (общих, прикладных, управленческих) с дифференциацией их значимости требуется для замещения конкретных должностей в системе государственной службы, кадровой службой государственного органа для каждой должности гражданской службы (группы должностей) разрабатываются модели профессиональных качеств – своего рода стандарты профессионального поведения. Учитывая значение правосознания, как фактора, оказывающего влияние на состояние служебной дисциплины в аппарате государственных органов, важно обеспечить соответствие профессиональных и личностных качеств

каждого государственного служащего, замещающего должность гражданской службы, соответствующей этой должности модели [27].

В научной литературе характерные черты государственного служащего сгруппированы в две крупные общности, представляющие собой разные уровни восприятия своей профессиональной деятельности [20, с. 191]: 1) *этическая общность* – комплексная организация моральных требований, норм и принципов, то есть осознание профессиональной деятельности посредством морального уровня восприятия; 2) *профессиональная общность* – выражение морального уровня восприятия своей профессиональной деятельности. Перечисленные уровни восприятия государственным служащим своей профессиональной деятельности являют собой профессиональное правосознание.

Таким образом, учитывая выделяемые в общей теории права элементы правосознания, можно выделить следующие составляющие профессионального правосознания государственных служащих:

- знание государственным служащим государственными служащими служебного законодательства;
- убежденность в его необходимости и социальной полезности, а также в целом – в ценности права;
- умение пользоваться правовым инструментарием – законами и другими правовыми актами в повседневной государственно-служебной деятельности, юридической техникой, достижениями юридической науки и практики.

С позиции гносеологического подхода в структуре правосознания выделяют такие основополагающие компоненты как правовая психология и правовая идеология. Важнейшей формой проявления правовой психологии государственных служащих выступают правовые установки на правомерное поведение, формируемые у них на основе условий служебной деятельности и профессиональной среды, в которой эта деятельность осуществляется, призванные способствовать активной реализации государственным служащим своих служебных обязанностей в интересах государства и общества. Что касается правовой идеологии, она рассматривается в науке не только как систематизированное научное выражение правовых взглядов, принципов и законов развития общества, но и как

⁹ См.: Методический инструментальный по внедрению системы комплексной оценки профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих (включая общественную оценку) (утв. Минтрудом России).

результат интеллектуальной деятельности [1, с. 16].

Подвижный характер правовой психологии и интеллектуальный характер правовой идеологии требуют поиска путей решения проблемы увеличения качества трансляции положительных внутренних качеств государственных служащих в профессиональную служебную деятельность.

Представляется возможным выделить следующие направления решения данной проблемы:

1) *Профессионально-этическая кодификация.*

Вопрос о необходимости принятия Кодекса поведения государственных служащих, представляющего собой кодекс профессиональной морали, соответствующий законодательству о государственной службе, неоднократно поднимался как в советской, так и в современной юридической литературе [11, с. 27].

В настоящее время правовые основы служебного поведения гражданских служащих закреплены в ст. 18 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», соблюдение которых относится к обязанности гражданского служащего (п. 11 ст. 15). Общие принципы служебного поведения государственных служащих утверждены указом Президента РФ от 12 августа 2002 г. № 885 (в ред. от 16 июля 2009 г.) «Об общих принципах служебного поведения государственных служащих»¹⁰, позже был принят Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих от 23 декабря 2010 г.¹¹ В ряде государственных органов субъектов РФ также приняты кодексы этики и служебного поведения¹², при этом отмечается, что до сих пор не выработано единого правового механизма и правоприменительной практики привлечения к дисциплинарной ответственности за их нарушение.

Следует учитывать, что Кодексы профессиональной этики и служебного поведения государственных служащих не

должны дублировать или подменять нормы служебного законодательства, их задача – «усилить эффективность правовых средств» [17, с. 7–14].

2) Обеспечение «*этического режима*», как комплекса мер и инструментов раскрытия моральной ориентации государственного служащего для её реализации в профессиональной деятельности (общественный контроль, этическое образование и этическая компетентность чиновника, комиссии по этике, этическая экспертиза при аттестации, прозрачность деятельности) [12, с. 30]. Обеспечению данного режима будут способствовать: кодекс поведения; формальные этические правила, конкретизирующие нормы кодекса поведения; специальный орган, отвечающий за применение этих правил на практике и консультирующий заинтересованные стороны по вопросам этического характера.

3) Для государственной гражданской службы способом развития правосознания служащих должно стать *формирование традиций государственной гражданской службы*, базой для формирования которых являются положения Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих.

Определяющими должны стать такие традиции, как: бескорыстие, принципиальность, беспристрастность, подотчётность, открытость, инициативность [2, с. 241–245], что позволит адаптировать правосознание государственных служащих к типичным правовым ситуациям, формируя такое его качество как стабильность – условие обеспечения правомерного поведения государственных служащих.

Третий, *правореализационный элемент* правосознания, заключается во включении правосознания в механизм реализации права, именно от его состояния во многом зависит законность и эффективность данного вида юридической деятельности [16, с. 4].

Так, обладая знанием норм служебного законодательства, государственный служащий выбирает один из диаметрально противоположных вариантов поведения, что обусловлено совпадением или несовпадением

¹⁰ СЗ РФ. 2002. № 33. Ст. 3196; 2009. № 29. Ст. 3658.

¹¹ См.: Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих: одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21) // Официальные документы в образовании. 2011. № 36.

¹² См., например: Приказ Министерства труда и социального развития Краснодарского края от 8 февраля 2016 г. № 115 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения государственных гражданских служащих министерства труда и социального развития Краснодарского края» // URL: <http://admkr.krasnodar.ru> (дата обращения – 20 августа 2016 г.); и др.

публичных интересов с частными интересами государственного служащего:

1) предполагающий соблюдение требований к служебному поведению, в том числе имеющих антикоррупционный характер, а также запретов и ограничений [25, с. 116–144];

2) противоречащий предписаниям норм служебного законодательства.

При последнем варианте поведения личность государственного служащего сталкивается с «психологически принудительным» воздействием права, обеспеченным возможностью применения дисциплинарных взысканий за неисполнение или ненадлежащее исполнение служебных обязанностей.

Представляется, что воспитательное воздействие на личность государственного служащего, осуществляемое в процессе государственно-служебной деятельности, должно быть направлено на формирование у государственных служащих таких интересов и поведенческих установок, при которых дисциплинарное принудительное воздействие к ним сводилось бы к минимуму. Тем самым, при максимальном сближении интересов государства и интересов личности государственного служащего, будет обеспечиваться эффективность института дисциплинарной ответственности на государственной службе.

Формирование каждого из аспектов правосознания государственных служащих напрямую зависит от их правопонимания, что подразумевает представление о должном поведении при осуществлении государственно-служебной деятельности. Именно правопонимание является основой для формирования профессионального правосознания государственных служащих. Следует уточнить, что правопонимание является

категорией, посредством которой нормы служебного законодательства должны быть реализованы в том виде, в каком их принял законодатель. В связи с этим верное толкование норм служебного законодательства является частью правопонимания. Очевидно, что государственные служащие априори наделены более высоким уровнем правопонимания, чем обычные граждане.

Значение правопонимания для формирования профессионального правосознания государственных служащих необходимо учитывать при подготовке государственных служащих, осуществляя её по разным направлениям, среди которых, по мнению А.Ч. Чупановой, развитие этико-ценностных ориентаций и формирование внутренних этико-профессиональных качеств будущих государственных служащих; правовая, управленческая, практическая подготовка государственных служащих [19, с. 47].

Подводя итог, можно утверждать, что формирование высокого уровня правосознания государственных служащих должно стать одной из задач дисциплинарной политики – направления кадровой политики [7, с. 62–68], что обуславливает необходимость разработки и осуществления мероприятий, направленных на решение данной задачи, предусмотрев чёткий механизм их реализации. К числу таким мероприятий следует отнести [1, с. 11–12]: правовое обучение по программам профессиональной подготовки и переподготовки; повышение квалификации на основе дополнительного обучения; стажировку с изучением передового зарубежного опыта в государственно-правовой сфере; правовое воспитание; оптимизацию взаимодействия органов государственной власти с юридической наукой и отечественными правовыми школами.

Список использованной литературы:

1. Акимова Т.И. Правовое сознание государственных гражданских служащих: теоретико-правовой анализ современных тенденций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
2. Акимова Т.И. Правосознание государственных гражданских служащих Российской Федерации: традиции и новации // Право и общество. 2013. № 4 (050). С. 241–245.
3. Алексеев С.С. Проблемы теории права. В 2 т. Т. 1: Основные вопросы общей теории социалистического права. Свердловск, 1972.
4. Баранов П.П. Правосознание и правовое воспитание // Общая теория права / Под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 474-475.
5. Бондарев А.С. Правосознание – неотъемлемая и ведущая часть правовой культуры //

References:

1. Akimova T.I. Legal consciousness of civil servants: theoretical and legal analysis of modern trends: abstract ... Candidate of Law. M., 2013.
2. Akimova T.I. Legal Awareness of State Civil Servants of the Russian Federation: Traditions and Innovations // Law and Society. 2013. № 4 (050). Pp. 241– 245.
3. Alekseev S.S. Problems of the theory of law. In 2 vol. Vol. 1: Basic questions of the general theory of socialist law. Sverdlovsk, 1972.
4. Baranov P.P. Legal awareness and legal education // General theory of law / Ed. by VC. Babaeva. N. Novgorod, 1993.Pp. 474-475.
5. Bondarev A.S. Legal awareness is an integral and leading part of legal culture //

Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 1 (31). С. 6–15.

6. Гранат Н.Л. Правосознание и правовая культура // Общая теория государства и права. Академический курс / Отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 3. М., 2001.

7. Добробаба М.Б. К вопросу о дисциплинарной политике как направлении кадровой политики в системе государственной службы // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 3. С. 62–68.

8. Енгибарян Р.В., Краснов Ю.К. Теория государства и права: учеб. пос. М., 2007.

9. Зайцева О.Б. Проблемы реализации специальной дисциплинарной ответственности гражданских служащих // Право и государство: теория и практика. 2016. № 6 (138). С. 126–129.

10. Кудрявцев В.Н. Преступность и нормы переходного общества. М., 2002.

11. Куракин А.В. Государственным служащим необходим кодекс поведения, или Концепции реформирования государственной службы – антикоррупционная направленность // Закон и право. 2003. № 8. С. 22–27.

12. Петровский И.В. Этический кодекс российского чиновника: к постановке проблемы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2012. № 152. С. 26–32.

13. Ратинов А.Р. Правосознание и преступное поведение // Вопросы изучения преступности и борьбы с ней: сб. науч. работ. М., 1975. С. 70–87.

14. Сисакьян А.К. К вопросу о степени влияния административного правосознания и правопонимания на административно-деликтное поведение // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 4. С. 58–65.

15. Стуканов В.Г. Теоретико-методологические вопросы изучения правосознания // Инновационные образовательные технологии. 2013. № 1 (33). С. 30–34.

16. Фролов А.Н. Механизм влияния трансформированного правосознания на содержание и реализацию права в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2018.

17. Хабриева Т.Я. Научно-правовые проблемы противодействия коррупции // Журнал российского права. 2012. № 7. С. 7–14.

18. Червонюк В.И. Теория государства и права: учебник. М., 2006.

19. Чупанова А.Ч. К вопросу о правопонимании и правосознании государственных служащих // Юридический вестник ДГУ. Т. 20. 2016. № 4. С. 46–50.

20. Чуриков Н.А., Павлов Н.В. Правосознание государственных и муниципальных служащих: тенденции и проблемы формирования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 5. С. 190–194.

21. Эффективность правовых норм / Глазырин В.В., Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С. М., 1980.

Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2016. № 1 (31). Pp. 6–15.

6. Pomegranate N.L. Legal awareness and legal culture // General theory state and law. Academic course / Ed. by M.N. Marchenko. Т. 3. М., 2001.

7. Dobrobaba M.B. On the issue of disciplinary policy as a direction of personnel policy in the system of public service // Legal policy and legal life. 2020. № 3. Pp. 62–68.

8. Engibaryan R.V., Krasnov Yu.K. Theory of state and law: tutorial. М., 2007.

9. Zaitseva O.B. Problems of implementation of special disciplinary responsibility of civil servants // Law and state: theory and practice. 2016. № 6 (138). Pp. 126–129.

10. Kudryavtsev V.N. Crime and the norms of a transitional society. М., 2002.

11. Kurakin A.V. Civil servants need a code of conduct, or the Concept of reforming the civil service - anti-corruption focus // Law and law. 2003. № 8. Pp. 22–27.

12. Petrovsky I.V. Ethical code of the Russian official: to the formulation of the problem // Bulletin of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen. 2012. № 152. Pp. 26–32.

13. Ratinov A.R. Legal awareness and criminal behavior // Issues of studying crime and combating it: collection of articles. scientific. works. М., 1975. Pp. 70–87.

14. Sissakian A.K. On the Question of the Degree of Influence of Administrative Legal Awareness and Legal Understanding on Administrative Tort Behavior // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2017. № 4. Pp. 58–65.

15. Stukanov V.G. Theoretical and methodological issues of studying legal consciousness // Innovative educational technologies. 2013. № 1 (33). Pp. 30–34.

16. Frolov A.N. The mechanism of influence of the transformed sense of justice on the content and implementation of law in modern Russia: abstract ... Candidate of Law. N. Novgorod, 2018.

17. Khabrieva T.Ya. Scientific and legal problems of combating corruption // Journal of Russian law. 2012. № 7. Pp. 7–14.

18. Chervonyuk V.I. Theory of state and law: textbook. М., 2006.

19. Chupanova A.Ch. On the issue of legal thinking and legal awareness of civil servants // Legal Bulletin of DSU. Т. 20. 2016. № 4. Pp. 46–50.

20. Churikov N.A., Pavlov N.V. Legal awareness of state and municipal employees: tendencies and problems of formation // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019. № 5. Pp. 190–194.

21. The effectiveness of legal norms / Glazyrin V.V., Kudryavtsev V.N., Nikitinsky V.I., Samoshchenko I.S. М., 1980.

22. Aristovnik A., Kovac P., Leben A., Tomaževic N. Excellence in public administration: Job satisfaction as a factor of good administration // *International Journal of Human Resources Development and Man-agement*. 2018. № 18 (1-2). C. 127-144.

23. Channov S., Dobrobaba M. Reasons and Conditions for Disciplinary Offenses in the Civil Service System // *Advances in social science, education and humanities research: XIV European-Asian Congress "The value of law"* (EAC-LAW 2020). 2020. C. 65–70.

24. Dussault R., Bernatchez R. La fonction publique canadienne et québécoise: suite // *Canadian Public Administration*. 1972. № 15 (2). C. 251-374.

25. Flavier H., Chikireva I., Ivanova K. Disciplinary responsibility's application to the local government employees violating the anti-corruption legislation in the Russian Federation, Europe and the United States of America // *BRICS Law Journal*. 2017. № 4 (4). C. 116-144.

26. Khadzhyradieva S.K., Sitsinska M.V., Kovalenko N.V., Nikolaiev V.O., Pukir Y.H. Public administration system and civil service in Ukraine: Transformation to the european standards // *Journal of the National Academy of Legal Sciences of Ukraine*. 2020. № 27 (4). C. 84-106.

27. Ying Q., Lei W., Yan S. Modeling and analysis on common civil servants' competence // *International Conference on Management and Service Science*. 2011. № 5997999.

22. Aristovnik A., Kovac P., Leben A., Tomaževic N. Excellence in public administration: Job satisfaction as a factor of good administration // *International Journal of Human Resources Development and Man-agement*. 2018. № 18 (1-2). Pp. 127-144.

23. Channov S., Dobrobaba M. Reasons and Conditions for Disciplinary Offenses in the Civil Service System // *Advances in social science, education and humanities research: XIV European-Asian Congress "The value of law"* (EAC-LAW 2020). 2020. Pp. 65–70.

24. Dussault R., Bernatchez R. La fonction publique canadienne et québécoise: suite // *Canadian Public Administration*. 1972. № 15 (2). Pp. 251-374.

25. Flavier H., Chikireva I., Ivanova K. Disciplinary responsibility's application to the local government employees violating the anti-corruption legislation in the Russian Federation, Europe and the United States of America // *BRICS Law Journal*. 2017. № 4 (4). Pp. 116-144.

26. Khadzhyradieva S.K., Sitsinska M.V., Kovalenko N.V., Nikolaiev V.O., Pukir Y.H. Public administration system and civil service in Ukraine: Transformation to the european standards // *Journal of the National Academy of Legal Sciences of Ukraine*. 2020. № 27 (4). Pp. 84-106.

27. Ying Q., Lei W., Yan S. Modeling and analysis on common civil servants' competence // *International Conference on Management and Service Science*. 2011. № 5997999.

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ И НАДЗОР
В СФЕРЕ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ И
АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ)**

**STATE CONTROL AND SUPERVISION
IN THE MEDICAL ACTIVITY SPHERE
(ADMINISTRATIVE-LEGAL AND
ADMINISTRATIVE-PROCEDURAL ASPECTS)**

DOI: 10.31429/20785836-13-2-69-76

Епифанова Елена Владимировна

*кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»*

ID ORCID: 0000-0002-6611-8031

Author ID: 57200340983

Epifanova Elena Vladimirovna

*Candidate of Legal Sciences, Associate professor
Associate professor of the Theory and history of state and law department
Kuban State University*

Латынцева Вероника Александровна

*старший преподаватель кафедры административного и финансового права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»*

ID ORCID: 0000-0001-8163-1856

Latintseva Veronica Alexandrovna

*Senior Lecturer of the Administrative and Financial Law Department
Kuban State University*

Аннотация: В статье рассмотрены административно-правовые и административно-процессуальные аспекты государственной контрольно-надзорной деятельности в сфере здравоохранения. Целью работы выступает анализ законодательных новелл, отражающих новый подход к государственному контролю (надзору). Задачами работы является рассмотрение особенностей законодательства, регулирующего государственный контроль (надзор) в сфере медицинской деятельности, а также специфики организационной деятельности уполномоченных органов и организаций в сфере контрольно-надзорной медицинской деятельности. Для работы характерно применение, наряду со стандартными методами анализа, эвристики и аксиологии, статистического метода для иллюстрации эффективности контрольно-надзорной деятельности.

Результатами работы является вывод о том, что контрольно-надзорная деятельность в условиях пандемии коронавируса COVID-19 должна уйти от формального подхода в силу того, что массовые ограничения деятельности субъектов предпринимательской деятельности в своей совокупности приносят ущерб сопоставимый с ущербом от собственно пандемии. Поэтому в каждом конкретном случае необходимо выяснять к каким неблагоприятным последствиям в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия могут привести выявленные нарушения, а не руководствоваться формальным подходом.

Статистика объема проверок в целом по стране существенно снизилась почти на 80 %, соответственно, в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия объем проверок коррелирует

с общими цифрами динамики контрольно-надзорной деятельности*. Этому существует очевидное объяснение, связанное с противопандемическими мероприятиями по стране в целом.

Ключевые слова: судебный контроль в сфере медицины, административный санитарно-эпидемиологический надзор, контрольно-надзорная деятельность в медицине, надзор в сфере здравоохранения, медицинская деятельность.

Annotation: The article examines the administrative-legal and administrative-procedural aspects of state control and supervision activities in the field of health care. The aim of the work is to analyze legislative innovations that reflect a new approach to state control (supervision). The tasks of the work are to consider the features of the legislation regulating state control (supervision) in the field of medical activities, as well as the specifics of the organizational activities of authorized bodies and organizations in the field of control and supervisory medical activities. The work is characterized by the use, along with standard methods of analysis, heuristics and axiology, a statistical method to illustrate the effectiveness of control and supervisory activities.

The results of the work are the conclusion that control and surveillance activities in the context of the COVID-19 coronavirus pandemic should move away from a formal approach due to the fact that massive restrictions on the activities of business entities in their totality cause damage comparable to the damage from the pandemic itself. Therefore, in each specific case, it is necessary to find out what unfavorable consequences in the field of sanitary and epidemiological welfare the identified violations may lead, and not be guided by a formal approach.

Although the statistics of the volume of inspections in the country as a whole has significantly decreased by almost 80%, in the field of sanitary and epidemiological welfare, the volume of inspections does not correlate with the general figures of the dynamics of control and supervision activities. There is an obvious explanation for this, associated with anti-pandemic measures in the country as a whole.

Keywords: judicial review in the field of medicine, administrative sanitary and epidemiological supervision, control and supervision activities in medicine, supervision in the field of health care, medical activities.

Введение

В условиях построения в России правового социального государства особое значение и актуальность обретает реализация основных прав граждан, поскольку на конституционном уровне права и свободы человека и гражданина признаются высшей социальной и правовой ценностью, а их защита – обязанностью государства. Именно государство в лице уполномоченных органов играет ключевую роль в обеспечении социальных прав граждан. Целью исследования выступает выявление проблем в административно-правовом регулировании контрольно-надзорной деятельности уполномоченных субъектов в сфере медицинской деятельности. Условия всемирной пандемии COVID-19 заставляют попытаться определить баланс между фактически тотальным санитарно-эпидемиологическим контролем и субъективными правами человека, включая право на свободу передвижения. Масштаб изучаемой проблемы не ограничен территориальными пределами Российской Федерации, так как пандемическая ситуация

заставляет обращаться как к положительному, так и отрицательному опыту европейских стран и США по-разному определивших масштабы и формы контрольно-надзорного вмешательства в личную жизнь. В Российской Федерации, учитывая конституционную ценность в виде права каждого человека право на охрану здоровья, в настоящее время создан и функционирует масштабный государственно-правовой механизм, который служит цели действительной гарантированности и реализации права человека на охрану здоровья и медицинскую помощь. Масштабность функционирующего административного аппарата предопределяет и масштабность анализа проблем его функционирования и административно-правового регулирования.

Для целей настоящей работы авторами применяются сокращения: ФЗ – Федеральный закон; ст. – статья, статьи; ч. – часть, части; РФ – Российская Федерация; Закон 248-ФЗ – Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»¹.

* См.: Обзор правоприменительной практики контрольно-надзорной деятельности Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения за 2020 год // http://static.consultant.ru/obj/file/doc/obzor_200221-zdravoohr.pdf (дата обращения - 10 апреля 2021 г.).

¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ (в ред. от 11 июня 2021 г. № 170-ФЗ) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Методы исследования

Будучи современным государством, нацеленным на аксиологическое наполнение правовой системы, Россия стремится к эффективной реализации базовых прав граждан, к которым в первую очередь относится право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Данный конституционный тезис предопределяет использование эвристических и аксиологических методов исследования, наряду с методом системного анализа правовых и управленческих явлений, а также методами сравнительного правоведения в контексте изучения опыта европейских государств и США.

Результаты исследования

Ведомственный контроль в сфере медицины имеет государственный характер, поскольку организуется и осуществляется органами исполнительной власти в подведомственных им органах и организациях, осуществляющих медицинскую и фармацевтическую деятельность. Внутренний контроль осуществляется органами, организациями государственной, муниципальной и частной систем здравоохранения. Административно-правовое наполнение внутреннего контроля имеет в тех случаях, когда его субъектами выступают органы и организации государственной системы здравоохранения. Интересной особенностью внутреннего контроля в современных условиях выступает контроль за охраной труда самих медицинских работников [14, с. 597-602], что особенно актуализировалось в период пандемии коронавируса для медицинских работников, работающих в «красных зонах». В рамках настоящего исследования особый интерес представляет государственный контроль как форма контроля качества и безопасности медицинской деятельности.

Отличительной особенностью государственного контроля данного вида является, во-первых, то, что субъектами его осуществления выступают только специально уполномоченные на то органы государственной власти, а во-вторых, методы, которые такие органы применяют в процессе осуществления контрольно-надзорной деятельности, предполагающие государственное принуждение.

Содержание государственного контроля в сфере медицинской деятельности сводится к проведению уполномоченными органами и организациями проверок в отношении соблюдения прав граждан в медицинской сфере,

осуществлению лицензирования медицинской деятельности, к применению мер административного принуждения вне рамок ответственности [16, с. 19-23], привлечению к различным видам ответственности [3]. В этом смысле мы трактуем контрольную деятельность как деятельность, включающую в себя правоприменительные акты, в том числе акты о привлечении к административной ответственности.

По данным статистики, в 2019 г. в рамках государственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности Росздравнадзором проведено 2147 проверок, в том числе – 1938 внеплановых проверок (что составляет около 90 % от общего количества проведенных проверок). Основаниями для проведения Росздравнадзором внеплановых проверок послужили, в первую очередь, обращения граждан, содержащие сведения о возникновении угрозы и о причинении вреда жизни и здоровью. В ходе проведения контрольных мероприятий Росздравнадзором были выявлены нарушения обязательных требований в деятельности почти половины медицинских организаций из числа проверенных². Данные статистики свидетельствуют о том, что нарушения обязательных требований в области медицинской деятельности являются достаточно распространенным явлением. При этом выявление нарушений законодательства осуществляется с помощью проведения плановых и внеплановых проверок. Количество выявленных правонарушений явно свидетельствует о необходимости постоянного государственного контроля. Более того, становится очевидным недостаточная эффективность проверок как основной формы государственного контроля (надзора) в сфере медицинской деятельности.

Научная дискуссия

Значимость здоровья как блага человека и права на охрану здоровья отражена в основополагающих международно-правовых документах. В Уставе (Конституции) ВОЗ подчеркивается, что обладание наивысшим достижимым уровнем здоровья является одним из основных прав всякого человека. Что касается субъективного права на обладание таким благом, то оно закреплено в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах.

² Обзор правоприменительной практики контрольно-надзорной деятельности Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения за 2019 г. // Доступ из ИПП «Гарант».

Как справедливо отмечается в литературе, здоровье настолько значимо для жизни человека, что любые другие блага в условиях отсутствия здоровья вообще могут утратить всякую ценность вместе с возможностью реализовывать другие права и свободы [5, с. 246].

Следует отметить, что в настоящее время законодательство о государственном контроле и надзоре подвергается существенным изменениям. В 2019 г. в ежегодном Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ В.В. Путин предложил пересмотреть правовую базу контрольно-надзорной деятельности, а именно прекратить действие всех существующих в настоящее время нормативных актов в сфере контроля и надзора³. Законотворческая работа в указанном направлении стремительно продвигается. Так, с 1 июля 2021 г. вступает в силу новый Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», который требует внесения соответствующих изменений в законодательство, регулирующее контрольно-надзорную деятельность государства в различных сферах, в том числе в области здравоохранения.

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 87 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ, контроль качества и безопасности медицинской деятельности осуществляется в форме государственного, ведомственного и внутреннего контроля. С административно-правовой точки зрения право граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь в той или иной степени обеспечивается посредством всех перечисленных выше форм контроля. В настоящее время, как следует из содержания законодательства, регулирующего государственную контрольно-надзорную деятельность в сфере медицинской деятельности, основной формой и методом контроля выступает проведение проверок. Новый Закон № 248-ФЗ существенно расширяет перечень контрольно-надзорных мероприятий в отношении всех разновидностей государственного контроля (надзора).

Законопроект № 1051647-7 во исполнение новых требований Закона № 248-ФЗ также расширяет перечень контрольно-надзорных мероприятий, проводимых в сфере медицинской деятельности органами

государственной власти, дополняя его такой формой контроля, как инспекционный визит. Суть инспекционного визита заключается в том, что он «проводится путем взаимодействия на объекте надзора с конкретным контролируемым лицом (владельцем, пользователем) без предварительного его уведомления» [1, с. 30]. Согласно ч. 3 ст. 70 Закона № 248-ФЗ, инспекционный визит включает следующие возможные контрольные (надзорные) действия: осмотр, опрос, получение письменных объяснений, инструментальное обследование, истребование документов.

Отметим, что расширение перечня контрольно-надзорных мероприятий, проводимых органами государственной власти, положительно оценивается в литературе. Так, А.Ф. Масалаб отмечает, что отказ от монополии проверок как основного инструмента контрольно-надзорной деятельности и акцент законодателя на более оперативные и менее трудозатратные мероприятия следует считать несомненными достоинствами законопроекта [8, с. 98]. По мнению Н.М. Ладнушкиной, обновленные средства осуществления контрольной деятельности нацелены на меньшие издержки как для контролируемых лиц, так и для субъектов контроля, поскольку определенные методы предполагается использовать с использованием специальных технических средств дистанционного автоматизированного контроля [6, с. 180]. В то же время, звучат предложения наделить государственными контрольно-надзорными функциями негосударственные организации [12, с. 115]. Ставится вопрос о взаимодействии государственных и негосударственных организаций при мониторинге санитарно-эпидемиологической безопасности не только в традиционных формах и методах контрольно-надзорной деятельности, но и в форме санитарно-эпидемиологического аудита [11, с. 90]. На наш взгляд, расширение перечня контрольно-надзорных мероприятий, проводимых в рамках осуществления государственного контроля (надзора) в целом и государственного контроля (надзора) в сфере медицинской деятельности в частности должно расцениваться как мера, направленная на повышение эффективности контроля со стороны государства. При этом об ущемлении прав частных субъектов, осуществляющих медицинскую деятельность, говорить не

³ Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 20 февраля 2019 г. // Официальный сайт Президента России // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863>. (дата обращения: 22 января 2021 г.).

приходится, поскольку гарантии защиты юридических лиц и индивидуальных предпринимателей остаются неизменными, при этом наблюдается общая ориентированность законодателя и правоприменительной практики на толкование возможных противоречий в пользу контролируемых субъектов.

В области обеспечения государственного контроля в медицинской сфере формируются смежные направления контрольно-надзорной деятельности государства. Так, С.В. Воронкова отдельно выделяет государственный контроль и надзор в сфере охраны здоровья трудоспособного населения, который имеет общие черты с государственным контролем здравоохранения вообще, а также отличается определенной спецификой. Особенность государственного контроля и надзора в сфере охраны здоровья трудоспособного населения, по мнению С.В. Воронковой, выражается в его более узкой направленности и межведомственном характере, поскольку такой контроль осуществляется органами исполнительной власти разной подведомственности (не только органами здравоохранения) [2, с. 14].

Специальным субъектом, осуществляющим контроль (надзор) за медицинской деятельностью, в настоящее время является Росздравнадзор, но дополнительно отдельные контрольно-надзорные функции возлагаются и на Минздрав России и на Федеральное медико-биологическое агентство [15, с. 27], что по сути не соответствует их функциональному предназначению.

В последние годы отмечается изменение вектора государственной контрольной деятельности посредством формирования риск-ориентированного подхода, сущность которого заключается в таком выборе методов, продолжительности и интервальности проведения контрольных мероприятий, который продиктован критерием отнесения деятельности конкретного контролируемого лица к определенной категории риска. В ч. 2 ст. 1 Закона № 248-ФЗ уже напрямую указано на то, что государственный контроль (надзор) направлен на достижение общественно значимых результатов, связанных с минимизацией риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, вызванного нарушениями обязательных требований. До введения риск-ориентированного подхода контрольно-надзорная деятельность осуществлялась без учета указанных выше критериев, контрольным мероприятиям подвергались все юридические лица и индивидуальные предприниматели.

Важно отметить, что среди видов государственного контроля (надзора), в отношении которых применяется риск-ориентированный подход, указан в том числе государственный контроль качества и безопасности медицинской деятельности. Исключением является лицензирование медицинской деятельности как форма государственного контроля (надзора). В настоящее время основной формой реагирования органов государственной власти на возникновение риска нарушения обязательных требований в сфере здравоохранения остается проведение внеплановой проверки. Основаниями для проведения внеплановых проверок Росздравнадзором являются индикаторы риска нарушения обязательных требований, которые устанавливаются Минздравом России. В настоящее время таким индикатором выступает показатель общей летальности пациентов в течение трех месяцев подряд. В свете развития риск-ориентированного подхода к государственной контрольно-надзорной деятельности, к наиболее эффективному осуществлению органами государственной власти своих функций, оптимизации трудовых и экономических затрат государственных надзорных органов и контролируемых лиц расширение перечня форм государственного контроля (надзора) является очевидно верным решением законодателя.

В рамках изучения административно-правового и административно-процессуального компонента государственного контроля и надзора в сфере медицинской деятельности представляет интерес порядок обжалования решений и действий органов государственной власти и их должностных лиц. В настоящее время такие решения и действия могут быть обжалованы заинтересованными лицами в административном и судебном порядке.

Согласно Административному регламенту Росздравнадзора по осуществлению государственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности, жалоба на действия (бездействие), решение Росздравнадзора или должностного лица Росздравнадзора может быть подана непосредственно в Росздравнадзор (территориальный орган), и рассматривается по общему правилу в течение 30 дней со дня ее регистрации. Судебный порядок обжалования действий и решений органов государственной власти и их должностных лиц, в свою очередь, дифференцированно, в зависимости от характера общественных отношений, круга субъектов и характера возникающих, изменяющихся или

прекращающихся общественных отношений, регулируется процессуальным законодательством (КАС РФ, АПК РФ и ГПК РФ) [13, с. 145].

Так, К. обратилась с жалобой в территориальный орган Росздравнадзора на некачественное лечение в стоматологической клинике ООО «Д.», просила провести государственный контроль качества и провести экспертизу контроля качества оказанной ей медицинской услуги в ООО «Д.» с целью дачи оценки оказанной ей некачественной медицинской помощи. Территориальный орган Росздравнадзора отказал в удовлетворении жалобы К., мотивируя свой отказ тем, что клинические рекомендации (протоколы лечения) не входят в перечень обязательных требований, проверка по жалобе К. проходила в рамках лицензионного контроля, однако помимо требований о проверке соблюдения лицензионных требований клиникой, К. также настаивала на проведении государственного контроля качества, включающего проведение экспертизы контроля качества оказанной ей медицинской помощи в ООО «Д.». Не согласившись с решением территориального органа Росздравнадзора, К. обратилась в суд с административным иском об оспаривании действий Росздравнадзора по отказу в проведении государственного контроля качества, включающего экспертизу контроля качества оказанной медицинской помощи ООО «Д.», возложении обязанности восстановить допущенное нарушение ее права на своевременное и полное рассмотрение обращений граждан, провести государственный контроль качества и безопасности медицинской деятельности в части соблюдения порядков и стандартов в соответствии с нормативными актами, включающий экспертизу качества медицинской помощи, оказанной ей в ООО «Д.». Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной и кассационной инстанций, требования К. удовлетворены в полном объеме⁴.

Список использованной литературы:

1. Адамов Д.С., Козырев Е.В., Костерин И.В., Сорокин В.А., Щеголева Н.О. Анализ основных положений Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Актуальные вопросы пожарной безопасности. 2020. № 4 (6). С. 26-32.

На основании изложенного мы приходим к выводу о том, что судебный контроль за административной контрольно-надзорной деятельностью представляет собой гарантию, знаменующую кардинальную смену направления, методов и целей государственного контроля (надзора). Активно продвигаемая сегодня модель как обязательного административно-судебного контроля положительно скажется на всей государственной контрольно-надзорной деятельности, особенно в проблемных и важных сферах, таких как государственный контроль в области медицинской деятельности [10, с 21-26].

В то же время, мы считаем, что идея «регуляторной гильотины» не оправдала себя в пандемийный период, когда уже довольно «долгодействующие» санитарные нормы еще советского периода доказали во многом свою эффективность. С точки зрения административного права происходящие в настоящее время изменения – важный виток в развитии законодательства, регулирующего государственное управление. Со временем можно будет подвести реальные итоги применения новых законодательных норм и сделать вывод об эффективности выбранного законодателем подхода.

Специфика медицинской деятельности предполагает и специфику медицинской этики, а если шире – биоэтики [7, с. 24-25]. На наш взгляд контроль за соблюдением биоэтических норм имеет довольно подвижный в своих границах объект и требует вероятно «взгляда со стороны» в лице государственно-общественных комиссий, которые в состоянии учитывать и профессиональные особенности медицинской деятельности и социальный запрос общества по отношению к медицинской деятельности. В этом смысле государственно-общественный контроль в сфере биоэтики отличается от ситуации, когда суд рассматривает обличенные в юридическую форму конечные достижения медицинской или биологической науки, но не этические нормы [1, с. 931].

References:

1. Adamov D.S., Kozyrev E.V., Kosterin I.V., Sorokin V.A., Shchegoleva N.O. Analysis of the main provisions of the Federal Law of July 31, 2020 № 248-FZ «On state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation» // Topical issues of fire safety. 2020. № 4 (6). Pp. 26-32.

⁴ Кассационное определение судебной коллегии по административным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 18 ноября 2020 г. по делу № 8а-7297/2020 // Доступ из ИПП «Гарант».

2. Воронкова С.В. Государственный контроль и надзор в сфере охраны здоровья трудоспособного населения: административно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020.

3. Епифанова Е.В., Лупарев Е.Б. Уголовная и административная ответственность в сфере здравоохранения: теория и практика применения. Краснодар, 2020.

4. Касумова М.К., Остренко С.Ю., Дунаевская Н.Н., Лазарев С.В., Шпилев Д.И. Содержание мероприятий по контролю качества и безопасности медицинской деятельности // Институт стоматологии. 2018. № 3 (80). С. 16-21.

5. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. М., 2010.

6. Ладнушкина Н.М. Новые подходы к государственной регламентации образовательной деятельности // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития: материалы Всероссийской научной конференции, посвящ. памяти проф. Ф.М. Рудинского. Саратов, 2020. С. 179-183.

7. Лупарев Е.Б., Епифанова Е.В. Публичное медицинское право: учеб. пос. Краснодар, 2021.

8. Масалаб А.Ф. Проблемы развития государственного контроля и надзора в контексте реформы законодательства // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 4. С. 94-101.

9. Fuller P.A How peer review of agency science can help rulemaking: Enhancing judicial deference at the frontiers of knowledge // GEORGE WASHINGTON LAW REVIEW. Т. 75. Изд. 4. С. 931-969 // https://apps.webofknowledge.com/full_record.do?product=WOS&search_mode=GeneralSearch&qid=3&SID=E6vwJogMMd9bp7bqUzr&page=2&doc=14.

10. Luparev E.B., Adygezalova, G.E., Epifanova E.V., Faroi T.V. Principles of the development of medical legal framework in Russia: Economic factors and legal realities // European Research Studies Journal. 2018. Т. 21. С. 21-26 // <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85062311348&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&st1=Luparev&st2=E.B.&nlo=1&nlr=20&nls=count-f&sid=5500280fa8b01531fcb2b982a66fdd52&sot=anl&dt=aut&sl=35&s=AU-ID%28%22Luparev%2c+E.+B.%22+57200337167%29&relpos=0&citeCnt=0&searchTerm=>

11. May I.V., Sedusova E.V Sanitary-epidemiological audit as a tool to improve management effectiveness in the sphere of sanitary and epidemiological welfare of the population // Gигиена i Sanitariya. 2018. № 97(1). С. 90- 93

12. Mitrokhin O.V. Interaction between state and non-state organization while monitoring sanitary and epidemiological safety // Voprocы gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya. 2019. № 4. С. 113-132 // https://apps.webofknowledge.com/full_record.do?product=WOS&search_mode=GeneralSearch&qid=4&SID=E61avJKrfxGsEp2RNxi&page=1&doc=1.

2. Voronkova S.V. State control and supervision in the field of health protection of the working population: administrative and legal aspects: abstract ... Candidate of Law. N. Novgorod, 2020.

3. Epifanova E.V., Luparev E.B. Criminal and Administrative Liability in Healthcare: Theory and Practice of Application. Krasnodar, 2020.

4. Kasumova M.K., Ostrenko S.Yu., Dunaevskaya N.N., Lazarev S.V., Shpilev D.I. The content of measures to control the quality and safety of medical activities // Institute of Dentistry. 2018. № 3 (80). Pp. 16-21.

5. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / Ed. by V.D. Zorkina, L.V. Lazarev. M., 2010.

6. Ladnushkina N.M. New approaches to state regulation of educational activities // Human law and rights in the modern world: trends, risks, development prospects: materials of the All-Russian scientific conference dedicated to the memory of Professor F.M. Rudinsky. Saratov, 2020. Pp. 179-183.

7. Luparev E.B., Epifanova E.V. Public medical law: tutorial. Krasnodar, 2021.

8. Masalab A.F. Problems of the development of state control and supervision in the context of legislative reform // Law enforcement. 2020. Vol. 4. № 4. Pp. 94-101.

9. Fuller P.A How peer review of agency science can help rulemaking: Enhancing judicial deference at the frontiers of knowledge // GEORGE WASHINGTON LAW REVIEW. Vol. 75. Issue 4. Pp. 931-969 // https://apps.webofknowledge.com/full_record.do?product=WOS&search_mode=GeneralSearch&qid=3&SID=E6vwJogMMd9bp7bqUzr&page=2&doc=14.

10. Luparev E.B., Adygezalova, G.E., Epifanova E.V., Faroi T.V. Principles of the development of medical legal framework in Russia: Economic factors and legal realities // European Research Studies Journal. 2018. Vol. 21. Pp. 21-26 // <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85062311348&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&st1=Luparev&st2=E.B.&nlo=1&nlr=20&nls=count-f&sid=5500280fa8b01531fcb2b982a66fdd52&sot=anl&dt=aut&sl=35&s=AU-ID%28%22Luparev%2c+E.+B.%22+57200337167%29&relpos=0&citeCnt=0&searchTerm=>

11. May I.V., Sedusova E.V Sanitary-epidemiological audit as a tool to improve management effectiveness in the sphere of sanitary and epidemiological welfare of the population // Gигиена i Sanitariya. 2018. № 97(1). Pp. 90- 93

12. Mitrokhin O.V. Interaction between state and non-state organization while monitoring sanitary and epidemiological safety // Voprocы gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya. 2019. № 4. Pp. 113-132 // https://apps.webofknowledge.com/full_record.do?product=WOS&search_mode=GeneralSearch&qid=4&SID=E61avJKrfxGsEp2RNxi&page=1&doc=1.

13. May I.V., Sedusova E.V Sanitary-epidemiological audit as a tool to improve management effectiveness in the sphere of sanitary and epidemiological welfare of the population // *Gigiena i Sanitariya*. 2018. № 97 (1). С. 90-93/

14. Mitrokhin O. V. Interaction between state and non-state organization while monitoring sanitary and epidemiological safety // *Voprocы gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniа*. 2019. № 4. С. 113-132 // https://apps.webofknowledge.com/full_record.do?product=WOS&search_mode=GeneralSearch&qid=4&SID=E61avJKrfxGsEp2RNxi&page=1&doc=1.

15. Potapenko S.V, Luparev E.B. Jurisdictional control in the sphere of public health protection in the Russian Federation // *MEDICINE LAW & SOCIETY*. 2020. № 13/2. С. 123-152 // https://apps.webofknowledge.com/InboundService.do?product=WOS&Func=Frame&DestFail=http%3A%2F%2Fwww.webofknowledge.com&SrcApp=RRC&locale=ru_RU&SrcAuth=RRC&SID=C3AMtvEdQbfj8qq9Yoy&customersID=RRC&mode=FullRecord&IsProductCode=Yes&Init=Yes&action=retrieve&UT=WOS%3A000583849300002.

16. Petrukhin N.N Typical drawbacks in sanitary and hygienic characteristics of labor conditions submitted for the examination of the relation of diseases with an occupation in medical workers // *Gigiena i Sanitariya* 2020. Т. 99. Изд. 6. С. 597-602.

17. Romanov V.V., Kiselev M.F. Responsibilities of federal medical biological agency on ensuring of radiation safety in the North-West region of the Russian Federation // *NATO Science for Peace and Security Series C-Environmental Security*. 2006. Т. 9 // https://apps.webofknowledge.com/full_record.do?product=WOS&search_mode=GeneralSearch&qid=4&SID=E61avJKrfxGsEp2RNxi&page=1&doc=2.

18. Zobov A.E., Berskiĭ O.V., Nebredovskiĭ V.N., Zharkov D.A. Application of administrative enforcement while carrying-out of federal sanitary and epidemiological surveillance in the Armed Forces of the Russian Federation // *Voенno-meditsinskiĭ zhurnal*. 2013. Т. 334. Изд. 5. С. 19-23.

13. May I.V., Sedusova E.V Sanitary-epidemiological audit as a tool to improve management effectiveness in the sphere of sanitary and epidemiological welfare of the population // *Gigiena i Sanitariya*. 2018. № 97 (1). Pp. 90-93.

14. Mitrokhin O. V. Interaction between state and non-state organization while monitoring sanitary and epidemiological safety // *Voprocы gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniа*. 2019. № 4. Pp. 113-132 // https://apps.webofknowledge.com/full_record.do?product=WOS&search_mode=GeneralSearch&qid=4&SID=E61avJKrfxGsEp2RNxi&page=1&doc=1.

15. Potapenko S.V, Luparev E.B. Jurisdictional control in the sphere of public health protection in the Russian Federation // *MEDICINE LAW & SOCIETY*. 2020. № 13/2. Pp. 123-152 // https://apps.webofknowledge.com/InboundService.do?product=WOS&Func=Frame&DestFail=http%3A%2F%2Fwww.webofknowledge.com&SrcApp=RRC&locale=ru_RU&SrcAuth=RRC&SID=C3AMtvEdQbfj8qq9Yoy&customersID=RRC&mode=FullRecord&IsProductCode=Yes&Init=Yes&action=retrieve&UT=WOS%3A000583849300002.

16. Petrukhin N.N Typical drawbacks in sanitary and hygienic characteristics of labor conditions submitted for the examination of the relation of diseases with an occupation in medical workers // *Gigiena i Sanitariya* 2020. Vol. 99. Issue 6. Pp. 597-602.

17. Romanov V.V., Kiselev M.F. Responsibilities of federal medical biological agency on ensuring of radiation safety in the North-West region of the Russian Federation // *NATO Science for Peace and Security Series C-Environmental Security*. 2006. Vol. 9 // https://apps.webofknowledge.com/full_record.do?product=WOS&search_mode=GeneralSearch&qid=4&SID=E61avJKrfxGsEp2RNxi&page=1&doc=2.

18. Zobov A.E., Berskiĭ O.V., Nebredovskiĭ V.N., Zharkov D.A. Application of administrative enforcement while carrying-out of federal sanitary and epidemiological surveillance in the Armed Forces of the Russian Federation // *Voенno-meditsinskiĭ zhurnal*. 2013. Vol. 334. Issue 5. Pp. 19-23.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС;

АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

**СУДЕБНОЕ ПРАВО В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО
ИНТЕГРАТИВНОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ**

**JUDICIAL LAW IN THE CONTEXT OF MODERN
INTEGRATIVE LEGAL UNDERSTANDING**

DOI: 10.31429/20785836-13-2-77-81

Попова Юлия Александровна

*доктор юридических наук, профессор
заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»*

Северо-Кавказский филиал

ID ORCID: 0000-0002-9756-3189

Author ID: 671457

Popova Yulia Aleksandrovna

Doctor of Law, Professor

Head of the Civil and Administrative Proceedings Department

Centre Russian State University of Justice

North Caucasian branch

Аннотация: В настоящее время в России на законодательном уровне прослеживается недостаточность системности при реализации судебной власти. Одной из причин этого является недооценка научной концепции судебного права, которая на данный момент является методологической основой для закрепления в российском праве отрасли судебного права.

Данная научная статья направлена на обоснование теоретических и законодательных предложений по закреплению судебного права в российской правовой системе, что позволит повысить эффективность правосудия.

Цель: На основе концепции судебного права исследовать проблемы построения отрасли судебного права, используя интегративный подход в правопонимании, который позволяет не только воспринимать право как целостное явление, но и обеспечивает достижение таких критериев научного исследования как всесторонность, объективность и историзм.

Методы: В статье предпринята попытка анализа отрасли судебного права в контексте современного интегративного правопонимания с позиции зарождения ее идей и оценки современного состояния. В процессе подготовки статьи применялся ряд общенаучных (диалектический, формально-логический, системного анализа) и специально-юридических (сравнительно-правовой, формально-юридический) методов исследования.

Выводы: Итогом изучения научной литературы, обобщения и сопоставления различных точек зрения стало формулирование авторского определения отрасли судебного права в контексте современного интегративного правопонимания.

Судебное право – это интегрированная, комплексная, публичная отрасль права, включающая в себя судоустройственное и судопроизводственное право по реализации функций судебной власти в порядке гражданского, административного, арбитражного и уголовного судопроизводства.

Судопроизводственное право как составная часть судебного права – это гражданское, административное, арбитражное и уголовное судопроизводство.

Судоустройственное право как составная часть судебного права – это совокупность нормативных актов, регулирующих порядок образования, структуру, компетенцию судов единой судебной системы РФ.

Ключевые слова: судебное право, концепция судебного права, судопроизводство, судоустройство, интегративное правопонимание.

Annotation: At present, at the legislative level in Russia, there is a lack of consistency in the implementation of the judiciary. One of the reasons for this is the underestimation of the scientific concept of judicial law, which is currently the methodological basis for consolidating the branch of judicial law in Russian law.

This scientific article is aimed at substantiating theoretical and legislative proposals for the consolidation of judicial law in the Russian legal system, which will increase the efficiency of justice.

Purpose: On the basis of the concept of judicial law, to investigate the problems of building the branch of judicial law, using an integrative approach in legal thinking, which allows not only to perceive law as an integral phenomenon, but also ensures the achievement of such criteria of scientific research as comprehensiveness, objectivity and historicism.

Methods: In the article the author made an attempt to analyze the branch of judicial law in the context of modern integrative legal thinking from the standpoint of the origin of its ideas and assessment of the current state. In the process of preparing the article, a number of general scientific (dialectical, formal-logical, systems analysis) and special-legal (comparative-legal, formal-legal) research methods were used.

Findings: The result of the study of scientific literature, generalization and comparison of various points of view was the formulation of the author's definition of the branch of judicial law in the context of modern integrative legal thinking.

Judicial law is an integrated, complex, public branch of law, which includes judicial and judicial procedural law for the implementation of the functions of the judiciary in civil, administrative, arbitration and criminal proceedings.

Legal proceedings as an integral part of judicial law are civil, administrative, arbitration and criminal proceedings.

Judicial law as an integral part of judicial law is a set of regulations governing the formation, structure, and competence of the courts of the unified judicial system of the Russian Federation.

Keywords: judicial law, the concept of judicial law, legal proceedings, judicial system, integrative legal understanding.

Введение

Цель статьи состоит в том, чтобы выявить и проанализировать современные проблемы в сфере реализации концепции судебного права.

Методы исследования

При написании статьи использовались диалектический, формально-логический и другие общенаучные методы исследования; специально-юридические методы: сравнительно-правовой и формально-юридический.

Литературный обзор

Идеи интегративного правопонимания получили интенсивное развитие у зарубежных юристов-правоведов. Так, например, американский профессор Джером Холл в своей работе «*Integrative Jurisprudence*» последовательно и убедительно обосновал научную состоятельность интегративной методологии, основанной на синтезе идей естественного права и позитивизма, их взаимосвязи и взаимозависимости [20, с. 325– 332].

По обоснованному мнению известного российского ученого-юриста В. В. Ершова, «только научно обоснованная концепция интегративного правопонимания, прежде всего основанная на выводах и предложениях, проверенных временем и подтвержденных многовековой, объективной правореализационной практикой, позволяет

вырабатывать теоретически убедительные, практические, и так весьма необходимые выводы и предложения для правотворческих и правореализационных (в том числе правоприменительных) процессов» [6, с. 525– 532].

Представляется важным отметить, что интегрированная отрасль судебного права призвана обеспечить регулирование общественных отношений в сфере деятельности судебной власти по вопросам судоустройства и судопроизводства на единых принципах международного характера, обеспечивающих справедливое судебное разбирательство.

В 1910 г. И.Я. Фойницкий, указывая на самую тесную связь уголовного судопроизводства с процессом гражданским по строению и по форме, говорил, что они образуют систему судебного права [18, с. 4].

В 1920 г. В.А. Рязановский утверждал: «...наука процесса едина, отдельные процессы есть лишь отдельные отрасли единой науки процессуального или судебного права» [13, с. 73– 74].

С позиций интегративного правопонимания рассматривали судебное право советские ученые Н.Н. Полянский., М.С. Строгович, В.М. Савицкий, А.А. Мельников [12, с. 3–4].

В современный период идеи судебного права активно развивает Мурадян Э.М. [8, с. 124–125], А.П. Гуськова и Н.Г. Муратова [5, с. 5], В.В. Ярков [19] и другие.

Автор данного исследования неоднократно обращается к проблеме формирования интегрированной отрасли – судебное право [10, с. 110–115], отдельные аспекты судебного права отражены и в работах других ученых-юристов [3, с. 41–44]; [11]; [16].

Обзор литературы позволяет утверждать, что как российскими, так и зарубежными учеными-юристами проведены глубокие исследования концепции судебного права на основе интегративного правопонимания. Дальнейшие разработки российских правоведов должны привести к появлению в нашей стране самостоятельной комплексной отрасли права - судебного права. В перспективе полагаем, что эти исследования, послужат не только улучшению организации судебной системы, но и более эффективному отпращиванию правосудия.

Результаты исследования

Судебное право – это интегрированная, комплексная отрасль права, включающая в себя судоустройственное и судопроизводственное право, по реализации функций судебной власти в соответствии с ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) в порядке гражданского, арбитражного, административного, уголовного судопроизводства¹.

Характеристику судебных органов, осуществляющих правосудие, должно обеспечивать судоустройственное право. Его предметом является правовое регулирование судоустройства, т.е. нормы, определяющие структуру, функции органов правосудия.

Судопроизводственное право – это гражданское, административное, арбитражное и уголовное судопроизводство.

Судоустройственное право как составная часть судебного права – это совокупность нормативных актов, регулирующих порядок образования, структуру, компетенцию судов единой судебной системы РФ.

Приведенные результаты могут быть использованы учеными-юристами для дальнейшего исследования проблем судебного права.

Научная дискуссия

В настоящее время активным противником концепции судебного права является В.В. Скитович, утверждающий, что «что ни доктринальные соображения, ни законотворческая практика последних лет не дают каких-либо серьезных оснований для вывода о наличии в российской правовой системе новой отрасли, которая объединяла бы все существующие ныне виды судебных производств. Сторонники судебного права на всех этапах развития этой идеи совершают, по сути дела, одну и ту же методологическую ошибку - отрывают судебный процесс от его материально-правового основания и, руководствуясь одним только внешним сходством различных процессуальных институтов, придают им такое содержание, которым они не могут обладать по определению» [14, с. 17–21].

На самом деле, в концепции судебного права не усматривается никакого отрыва судебного процесса от его материально-правового основания. Судебного процесса вообще не может быть без материального права. В судебном праве происходит «уникальное сочетание материального и процессуального права» [4].

В этой связи важно определиться как с понятием, так и со структурой судебного права.

В юридической литературе высказана обоснованная критика подхода В.В. Скитовича в отношении концепции судебного права.

Большинство современных российских ученых-юристов позитивно относятся к названной концепции. Так, М.А. Фокина отмечает, что значение концепции судебного права в настоящее время состоит в том, что она дает нам методологию, позволяющую сохранить целостность гражданской процессуальной формы как правовой и социокультурной ценности [17].

В литературе обращается внимание на то, что интегрированная отрасль судебного права призвана обеспечить дальнейшее развитие российской судебной системы. Это, в целом, позволит обеспечить организационное единство судебной власти. Кроме того, такой подход будет способствовать обеспечению единства судебной практики, необходимость которой признается не только в России, но и в зарубежных юрисдикциях, чтобы сохранить доверие

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // <http://www.pravo.gov.ru>, 4 июля 2020 г. (дата обращения – 1 мая 2021 г.).

общественности к судебной системе. Интегрированный подход позволит также определить универсальные принципы внедрения упрощенных форм судопроизводства, внедрения его новых форм, например интернет-судов, что упростит реализацию права каждого на доступ к суду.

В.В. Ярков отмечает возможность интеграции трех ветвей судебной власти (конституционной, общей юрисдикции, арбитражной) в единую судебную отрасль с образованием в судах общей юрисдикции коллегий по рассмотрению дел по конституционным и экономическим спорам [19, с. 10–15].

Концепция судебного права, как считают А.П. Гуськова и Н.Г. Муратова, «предполагает создание не только науки судебного права, но и создание комплексной отрасли права на основе унификации положений, объединяющих вопросы судебной защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина. Судебное право не должно поглощать или заменять процессуальные отрасли, оно должно функционировать при полном развитии всех действующих отраслевых процессуальных отраслей права» [5].

По мнению Э.М. Мурадян, под судебным правом можно понимать суперотрасль, образуемую всеми процессуальными отраслями, оставляя в стороне судостроительство [9].

Нам представляется, что судостроительство не может быть оставлено в стороне от судебного права.

Согласно ч. 2 ст. 118 Конституции РФ, судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. В ч. 3 этой же статьи Конституции РФ закреплено, что судебную систему Российской Федерации составляют Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды, мировые судьи субъектов Российской Федерации.

Очевидно, что в приведенной конституционной норме прописаны судопроизводственные и судостроительные основы судебного права. Поэтому есть все основания утверждать, что судебное право – это интегрированная, комплексная, публичная

отрасль права, включающая в себя судостроительное и судопроизводственное право по реализации функций судебной власти в порядке гражданского, административного, арбитражного и уголовного судопроизводства.

Н.Н. Полянский., М.С. Строгович, В.М. Савицкий, А.А. Мельников также пришли к выводу, что элементами судебного права являются не только судопроизводственные, но и судостроительные нормы [12, с. 3-4].

Правильно на этот счет пишет К.А. Литвинова: «судебное право — это комплексная отрасль права, основными компонентами которой являются судостроительство и все существующие виды судопроизводства, не теряющие в составе судебного права своего положения самостоятельных отраслей права со свойствами им специфическими чертами, но связанные друг с другом их непосредственным отношением к правосудию» [7].

В целом разделяя такой подход, Е.Н. Воронов пришел к выводу о том, что систему судебного права могут составить три группы норм, объединенные в общую (включающую в себя в основном положения о судостроительстве), особенную (состоящую из судопроизводственных норм) и специальную (регулирующую исполнение судебных актов) [2]. То есть этот автор рассматривает в качестве элемента системы судебного права и исполнение судебных актов.

Применительно, например, к гражданскому судопроизводству, с таким выводом едва ли можно согласиться. С одной стороны, как отмечал Аристотель, «не было бы никакой пользы в правосудии, если бы решения суда не приводились в исполнение...» [1]. С другой же стороны, правовые отношения в сфере исполнительного производства – это совокупность закономерно связанных, внутренне структурированных общественных отношений, находящихся за рамками традиционной сферы правосудия и потому дистанцированных и обособленных по признакам и критериям отраслевой самостоятельности» [15].

Принудительное исполнение судебных актов, актов других органов и должностных лиц возлагается на ФССП России и ее территориальные органы². Исполнительное производство организационно выведено из сферы судебной власти и передано в ведение органов исполнительной власти.

² Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 119-ФЗ (в ред. от 22 декабря 2020 г. № 442-ФЗ) «Об исполнительном производстве» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2019 г. № 497-ФЗ) «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

При этом следует исходить из того, суд является обязательным субъектом любого гражданского процессуального отношения, тогда как большинство правоотношений в исполнительном производстве возникают за

рамками судебного разбирательства, а потому эти отношения регулируются не гражданским процессуальным, а исполнительным правом, которое не относится к судебному праву.

Список использованной литературы:

1. Аристотель. Политика. М., 2002.
2. Воронов Е.Н. Система и принципы судебного права // Lex russica. 2018. № 2. С. 65-76.
3. Вилкова Т.Ю. Междотраслевые принципы судопроизводства в контексте концепции судебного права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 11. С. 41-44.
4. Гребенников В.В., Грудцына Л.Ю. Судебное право – комплексная отрасль российского права // Образование и право. 2017. № 4. С. 90-100.
5. Гуськова А.П., Муратова Н.Г. Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства: монография. М., 2005.
6. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. М. 2018.
7. Литвинова К.А. Судебное право: понятие и признаки // Современное право. 2012. № 3. С. 26.
8. Мурадян Э.М. О новой публикации по судебному праву // Государство и право. 2008. № 11. С. 124-125.
9. Мурадян Э.М. Истина как проблема судебного права. М., 2002.
10. Попова Ю.А. О концепции судебного права России // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве / Под ред. М.К. Треушникова. М., 2004. С. 145-153.
11. Потапенко С.В. От концепции единой науки процессуального права до создания нового «единого» гражданского процессуального кодекса // Российская юстиция. 2014. № 9. С. 2-5.
12. Рязановский В.А. Единство процесса. Харбин, 1924.
13. Скитович В.В. Концепция судебного права: опыт критического переосмысления // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / Под ред. Л.Ф. Лесницкой, М.А. Рожковой. М., 2008. С. 5-25.
14. Улетова Г.Д. Источники исполнительного права Российской Федерации: автореф. дис. д-ра юрид. наук. М., 2007.
15. Чечулина А.А. Унификация гражданского и арбитражного процессов в рамках концепции судебного права // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 1. С. 11-16.
16. Фокина М.А. Концепция судебного права и ее влияние на развитие системы современного цивилистического процесса // Современное право. 2015. № 5. С. 84-87.
17. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. М., 1910. Т. 1.
18. Ярков В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права: монография. Екатеринбург. 1992.
19. Hall J. Integrative Jurisprudense // Interpretation of Modern Legal Philosophies. N.Y., 1947.

References:

1. Aristotle. Politics. M., 2002.
2. Voronov E.N. System and principles of judicial law // Lex russica. 2018. № 2. Pp. 65-76.
3. Vilkova T.Yu. Interdisciplinary principles of legal proceedings in the context of the concept of judicial law // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2017. № 11. Pp. 41-44.
4. Grebennikov V.V., Grudtsyna L.Yu. Judicial law is a complex branch of Russian law // Education and Law. 2017. № 4. Pp. 90-100.
5. Guskova A.P., Muratova NG Judicial law: history and modernity of the judiciary in the sphere of criminal proceedings: monograph. M., 2005.
6. Ershov V.V. Legal and individual regulation of social relations. monograph. M. 2018.
7. Litvinova K.A. Judicial law: concept and signs // Modern law. 2012. № 3. Pp. 26.
8. Muradyan E.M. About a new publication on judicial law // State and law. 2008. № 11. Pp. 124-125.
9. Muradyan E.M. Truth as a problem of judicial law. M., 2002.
10. Popova Yu.A. About the concept of judicial law in Russia // Notes on modern civil and arbitration procedural law / Ed. by M.K. Treushnikov. M., 2004. Pp. 145-153.
11. Potapenko S.V. From the concept of a unified science of procedural law to the creation of a new "unified" civil procedure code // Russian justice. 2014. № 9. Pp. 2-5.
12. Ryazanovsky V.A. The unity of the process. Harbin, 1924.
13. Skitovich V.V. The concept of judicial law: the experience of critical rethinking // Problematic issues of civil and arbitration processes / Ed. by L.F. Lesnitskaya, M.A. Rozhkova. M., 2008. Pp. 5-25.
14. Uletova G.D. Sources of the executive law of the Russian Federation: abstract ... Doctor of Law. M., 2007.
15. Chechulina A.A. Unification of civil and arbitration processes within the framework of the concept of judicial law // Arbitration and civil procedure. 2018. № 1. Pp. 11-16.
16. Fokina M.A. The concept of judicial law and its influence on the development of the system of modern civil process // Modern law. 2015. № 5. Pp. 84-87.
17. Foinitskiy I.Ya. Course of criminal proceedings. M., 1910. Vol. 1.
18. Yarkov V.V. Legal facts in the mechanism of implementation of the norms of civil procedural law: monograph. Yekaterinburg. 1992.
19. Hall J. Integrative Jurisprudense // Interpretation of Modern Legal Philosophies. N.Y., 1947.

КОНФЕРЕНЦИИ, СИМПОЗИУМЫ

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ, ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ,
ПРАВООЩИТНОЙ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ»**

DOI: 10.31429/20785836-13-2-82-86

Семенов Владимир Александрович
доктор юридических наук, профессор
профессор кафедры уголовного процесса
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Sementsov Vladimir Alexandrovich
Doctor of Law, Professor
Professor of Criminal Procedure Department
Kuban State University

2 апреля 2021 г. кафедрой уголовного процесса юридического факультета имени А.А. Хмырова Кубанского государственного университета проведена международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности» в очном, дистанционном и заочном режиме.

Тематика конференции определена с учетом трех реализуемых кафедрой уголовного процесса магистерских программ: 1) правоохранительные органы в системе обеспечения национальной безопасности (руководитель – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани О.В. Гладышева); 2) судебная власть, прокурорский надзор, правоохранительная и правозащитная деятельность (руководитель – доктор юридических наук, профессор В.А. Семенов); 3) уголовно-процессуальная деятельность суда и правоохранительных органов (руководитель – доктор юридических наук, профессор Р.В. Костенко) и программы обучения в аспирантуре по специальности научных работников 12.00.09 – уголовный процесс.

Заявки для участия в конференции предоставили 97 человек, в том числе 20 докторов наук и 36 кандидатов наук. Следует отметить довольно обширную географию участников.

В числе зарубежных ученых – участников конференции из 5 стран (Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, Сербия) подали заявки и предоставили статьи для публикации в сборнике: 1) Бекишев Асхат Кенжебекович – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алматинской академии МВД имени М. Есбулатова, доктор философии по праву; 2) Милич Иван – ассистент кафедры уголовного права Новосадского университета Республики Сербия, доктор юридических наук; 3) Самарин Вадим Игоревича – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета; 4) Шамурзаев Таалайбек Турсунович – заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Кыргызско-Российского Славянского университета, доктор юридических наук, профессор; 5) Шукюрли Мурад Шахин оглы – секретарь судебного заседания Хазарского районного суда г. Баку; 6) Шукюров Шахин Тейюб оглы – доцент кафедры административной деятельности в ОВД Академии полиции МВД Азербайджанской Республики, доктор философии по праву.

Участие в конференции приняли ученые из 21 вуза России: Академии управления МВД России, Владимирского юридического института ФСИН, Волгоградской академии МВД России, Дальневосточного юридического института МВД России, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Краснодарского университета МВД России, Московской академии Следственного комитета, Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, Национального исследовательского Томского государственного университета, Национального исследовательского Мордовского государственного университет им.

Н.П. Огарёва, Нижегородской академии МВД России, Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Российского государственного университета правосудия и его филиалов, Самарского национального исследовательского университет имени академика С.П. Королева, Санкт-Петербургского университета МВД России, Саратовской государственной юридической академии, Северного института предпринимательства, Уральского государственного юридического университета, Уральского юридического института МВД России, Юго-Западного государственного университета.

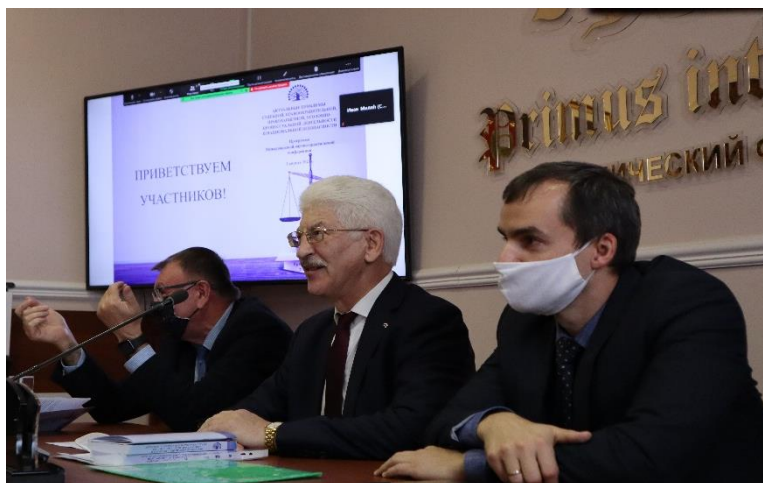
Традиционно к началу научного мероприятия опубликована не только программа, но и сборник материалов конференции, состоящий из двух частей и содержащий научные статьи ученых, преподавателей, практиков, аспирантов (адъюнктов) и студентов.

С приветственными словами на конференции выступили:

Редькин Николай Васильевич – проректор по воспитательной и социальной работе, доцент кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент;

Потапенко Сергей Викторович – декан юридического факультета Кубанского государственного университета доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Кубани и Республики Хакасия, почетный работник судебной системы;

Гладышева Ольга Владимировна – заведующий кафедрой уголовного процесса Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани.

Президиум конференции: *С.В. Потапенко, В.А. Семенов, Н.В. Редькин*

Выступление декана юридического факультета им. А.А. Хмырова *С.В. Потапенко*

На пленарном заседании заслушаны и обсуждены доклады:

1. *К вопросу о совершенствовании уголовно-процессуальных средств в сфере обеспечения безопасности предпринимательства* – Зайцев Олег Александрович, главный научный сотрудник отдела уголовного и уголовно-процессуального законодательства; судоустройства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования.

Автором в докладе названы уголовно-процессуальные средства, применяемые в рамках производства по уголовным делам об экономических преступлениях. Дана характеристика предлагаемых нововведений в законодательство, касающихся уголовного судопроизводства и связанных с обеспечением защиты прав и свобод предпринимательства.

2. *Эпидемия инфекционного заболевания COVID-19 и наказание лиц, совершивших уголовные и административные правонарушения* – Милич Иван, ассистент кафедры уголовного права Новосадского университета Республики Сербия, доктор юридических наук (дистанционно).

В своем выступлении автор указал на определенные проблемы, связанные с постановлениями, принятыми с целью предотвращения распространения инфекционного заболевания COVID-19. Сделан вывод о том, что ряд лиц были осуждены за уголовное преступление или оштрафованы за административное правонарушение только потому, что были приняты постановления, противоречащие Конституции Республики Сербия и закону.

3. *Представление предметов и документов в досудебном производстве по уголовному делу – «технический» способ собирания доказательств* – Россинский Сергей Борисович, профессор кафедры уголовного-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, доцент.

Рассмотрен такой досудебный способ собирания предметов и документов, как их представление, с последующим приобщением к уголовному делу в качестве вещественных доказательств, иных документов, заключения специалиста, результатов оперативно-розыскной и административной деятельности правоохранительных органов. Анализируются проблемы уголовно-процессуального регулирования представления предметов и документов, рассматривается процессуальный порядок и наиболее приемлемые прикладные технологии его осуществления.

4. *Производство следственных и иных процессуальных действий по уголовным делам об экономических преступлениях* – Гладышева Ольга Владимировна, заведующий кафедрой уголовного процесса Кубанского государственного университета доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани.

В докладе затронут один из аспектов процедуры следственных и иных процессуальных действий в досудебном производстве по преступлениям в экономической сфере как необходимость ограждения хозяйствующих субъектов от необоснованного вторжения в их непосредственную деятельность и предотвращение дестабилизации работы индивидуальных предпринимателей. Сделан вывод, что реалии практики далеки от ожидаемых результатов, в связи с чем излагается авторское видение причин неэффективности принимаемых законодателем мер в указанной сфере, обозначены проблемы и возможные пути их решения.

5. *Изменение обвинения в суде: процессуальный критерий* – Машовец Асия Океановна, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, доцент.

Анализируется обвинение как обвинительный тезис, разграничиваются понятия «обвинение» и «обвинительная деятельность», рассматривается проблема изменения обвинения в суде применительно к ухудшению положения подсудимого в связи с переквалификацией деяния на менее тяжкое, но существенно отличающееся от прежнего. Обосновывается возможность изменения обвинения в судебном разбирательстве при соблюдении права подсудимого на защиту.

6. *Геномная информация в уголовном судопроизводстве: новые вызовы* – Трубникова Татьяна Владимировна, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Рассмотрены проблемы правового регулирования получения и использования биологических материалов с целью геномного исследования на примере обязательной государственной геномной регистрации лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Формулируется вывод, что

нормативное правовое регулирование в сфере обязательной геномной регистрации не решает ряд правовых и этических вопросов, относящихся к праву доступа к геномной информации, ее использования в уголовном судопроизводстве.

7. Реформирование кассационного производства в уголовном процессе: достижения и новые шаги – Бородинова Татьяна Геннадьевна, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Кубани (дистанционно).

Обосновано, что на протяжении последних лет порядок кассационного производства по уголовным делам подвергается серьезному реформированию. Проведен краткий анализ и сделан вывод относительно обновленного уголовно-процессуального законодательства и деятельности кассационных судов.

8. Уголовно-процессуальные институты: проблемы их низкой эффективности и что делать? – Гаврилов Борис Яковлевич, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (дистанционно).

Исследованы проблемные вопросы основных процессуальных институтов досудебного производства: возбуждение уголовного дела, процессуальные сроки расследования и содержания обвиняемых под стражей, предъявление обвинения, дознание в сокращенной форме и причины низкой его эффективности.

Были также заслушаны выступления:

1. Четвёртое правило допустимости доказательств в российском уголовном процессе – Костенко Роман Валерьевич, профессор кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Обращено внимание участников конференции на современные теоретические и законодательные проблемы предусмотренного УПК РФ процессуального порядка получения доказательств, который составляет четвертое правило допустимости.

2. Правила о вопросах в допросах и принципы уголовного процесса – Зашляпин Леонид Александрович, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук.

Автор обосновал вывод, что принципы уголовного процесса и институт вопросов в допросах позволяют *de lege ferenda* анализировать уголовно-процессуальный закон.

3. Нравственные основы уголовно-процессуального обжалования – Рудакова Светлана Викторовна, заместитель декана юридического факультета имени А.А. Хмырова, доцент кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Подвернуты анализу существующие научные воззрения о нравственных основах уголовно-процессуального обжалования, исследованы вопросы соотношения морали, этики, обязанности следовать указанным правилам, ответственности за несоблюдение норм профессиональной этики.

4. Проблемы реализации заочного ареста – Рудич Валерий Владимирович, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета, кандидат юридических наук, доцент.

Анализируется практика заочного ареста в контексте новой уголовной политики Российской Федерации.

5. Некоторые проблемные вопросы рассмотрения судом ходатайств следователя (дознателя) о применении мер процессуального принуждения – Никитина Светлана Владимировна, судья Красноармейского районного суда Краснодарского края, аспирант кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета.

По мнению автора, исключительная компетенция суда ставит перед законодателем и наукой уголовного процесса задачу по обеспечению законности и обоснованности принимаемых им решений по ходатайству следователя (дознателя) о применении мер процессуального принуждения, созданию надлежащих условий и предоставлению достаточных процессуальных средств для выяснения необходимых обстоятельств. Предлагается оптимизировать процедуру судебной деятельности в этой части.

6. О необходимости унификации порядка фактического задержания при осуществлении правоохранительной деятельности – Чупилкин Юрий Борисович, доцент кафедры процессуального права Южно-Российского института управления (филиала) Российской академии народного хозяйства

и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

При рассмотрении первоначального этапа задержания, применяемого сотрудниками правоохранительных органов, сформулировано предложение об установлении единообразного законодательного к порядку фактического задержания.

7. *Проблемы возмещения потерпевшим имущественного вреда в досудебном производстве* – Иванов Вячеслав Васильевич, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского национального исследовательского университет им. академика С.П. Королева, кандидат юридических наук, доцент.

Автором уделено внимание проблемам возмещения вреда, причиненного преступлением, в досудебном производстве. Обоснована необходимость применения единого подхода к осуществлению деятельности по возмещения вреда, причиненного преступлением.

8. *Формы взаимодействия представителя потерпевшего со следователем* – Дубовик Олег Олегович, заместитель руководителя следственного отдела по Прикубанскому округу г. Краснодар следственного управления Следственного комитета РФ по Краснодарскому краю.

Проанализированы возможные формы взаимодействия адвоката в статусе представителя потерпевшего, со следователем. Обращено внимание аудитории на проблемы расследования уголовных дел с нарушением разумных сроков, упрощения процесса доказывания, не принятия должных мер к восстановлению нарушенных прав потерпевших.

9. *Разумный срок уголовного судопроизводства на предварительном следствии* – Карпович Никита Владимирович, адвокат коллегии адвокатов «Хмыров, Валявский и партнеры».

Обращено внимание на проблему обеспечения разумного срока предварительного следствия.

Доклады участников конференции отличались несомненной актуальностью и высокой практической значимостью рассмотренных проблем.

В рамках программы пребывания в г. Краснодаре участники конференции ознакомились с выставкой литературы библиотечного фонда и научных публикаций преподавателей кафедры, посетили музей Кубанского государственного университета, а также были проинформированы, что 17 марта 2022 г. планируется проведение международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию образования кафедры уголовного процесса.

Вручение О.В. Гладышевой диплома кандидата наук Е.А. Овчинниковой

Участники конференции поблагодарили коллектив кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета за прекрасную организацию научного мероприятия.

ЮБИЛЕИ

К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО И СУДЬИ

DOI: 10.31429/20785836-13-2-87-91

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна
доктор юридических наук, доцент
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Adygezalova Gyulnaz Eldarovna
Doctor of Law, Associate professor
Head of the Theory and History of State and Law Department
Kuban State University

Ярыш Вера Дмитриевна
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Yarysh Vera Dmitrievna
Candidate of Legal Sciences, Associate professor
Associate professor of Theory and History of State and Law Department
Kuban State University

Фарои Татьяна Валерьевна
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Faroi Tatiana Valerievna
Candidate of Legal Sciences, Associate professor
Associate professor of Theory and History of State and Law Department
Kuban State University

Михель Дина Евгеньевна
кандидат юридических наук
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Mikhel Dina Evgenievna
Candidate of Legal Sciences
Senior Lecturer of Theory and History of State and Law Department
Kuban State University

30 мая 2021 г. исполнилось 60 лет крупному ученому-правоведу доктору юридических наук, профессору, педагогу с более чем двадцатилетним стажем, специалисту в области теории и истории государства и права, тонкому знатоку действующего законодательства, секретарю Пленума, судье Верховного Суда Российской Федерации Виктору Викторовичу Момотову.

Виктор Викторович родился 30 мая 1961 г. в поселке Гирей Кавказского района Краснодарского края.

После школы в 1976 году поступил в Краснодарский техникум электронного приборостроения, который закончил с отличием в 1980 г.

С 1980 по 1983 г., служил в Военно-морском флоте на большом противолодочном корабле «Азов» в г. Севастополе.

После окончания военной службы Виктор Момотов поступил на юридический факультет Кубанского государственного университета, где учился с 1983 по 1988 г., и окончил его с отличием.

В связи с окончанием юридического факультета был распределен в судебную систему Краснодарского края с последующим избранием на должность судьи. Однако, после неоднократных бесед с заведующим кафедрой теории и истории государства и права доктором юридических наук, профессором Хутызом Мурбеком Хаджумаровичем, который убедил его в необходимости заняться научно-исследовательской и преподавательской работой на кафедре теории и истории государства и права, Виктор Викторович остался на кафедре. Здесь он занялся научно-исследовательской работой в качестве аспиранта. Это позволило будущему профессору накопить значительный интеллектуальный багаж и необходимый социальный опыт, прежде чем в должности судьи вершить человеческие судьбы.

И с 1988 г. В.В. Момотов стал работать преподавателем кафедры теории и истории государства и права. Прошел классический путь от ассистента до профессора, заведующего кафедрой теории и истории государства и права, которую возглавил в 1997 г.

Виктор Момотов защитил кандидатскую диссертацию в 1997 г. в диссертационном совете юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, докторскую диссертацию защитил в 2003 г. в Московской государственной юридической академии. В 2004 г. ему было присвоено звание профессора. С 2007 по 2010 г. возглавлял юридический факультет Кубанского государственного университета в должности декана, совмещая работу с должностью проректора по правовым и социальным вопросам Кубанского государственного университета.

Момотов Виктор Викторович – известный ученый в России своими научными трудами в области теории и истории государства и права. Основное направление его исследований – формирование и развитие русского средневекового права, история правовой культуры, теория и методология русского средневекового права, антропологические и ценностные основания права. Последнее десятилетие фокус его научных исследований сместился в проблемы судебной власти в связи с работой в Верховном Суде РФ. Они были посвящены вопросам организации и деятельности судебной власти, ее независимости, эффективности, ответственности, роли судейского сообщества в развитии судебной системы, толкованию права Верховным Судом, категориям справедливости и целесообразности в мировых судебных системах, принципам правовой определенности и неопределенности права, рациональному и иррациональному в праве, экономическому анализу права, влиянию новейших технологий на развитие права, судебной реформе 2018 г.

Возглавив в 1997 г. кафедру теории и истории государства и права, он смог сформировать на кафедре коллектив, куда входили профессора, доценты, преподаватели, аспиранты и студенты, которые совместно стали эффективно заниматься научными исследованиями. На кафедре царил атмосфера сотрудничества, дружелюбия, которая способствовала сплоченности коллектива. Это была не только совместная работа, но и теплая дружба с совместным проведением досуга, празднованием личных и общих событий, что объединило коллектив в семейный круг. Многие аспиранты и студенты впоследствии стали работать уже в качестве преподавателей на кафедре.

Под руководством В.В. Момотова и при его непосредственном участии были проведены научные исследования по таким фундаментальным юридическим проблемам, как «Право собственности в русской и западной традиции: история и современность», «Проблемы формирования правовых систем на Северном Кавказе в XIX – начале XX века», «История и культура ислама», «Источники (формы) права: вопросы теории и истории», «Право как ценность: многообразие исторических форм и перспективы развития». Результаты исследований профессора В.В. Момотова нашли отражение более чем в 200 опубликованных работах, в числе которых 6 монографий, 12 учебных пособий, учебник «Социология права», рекомендованный учебно-методическим объединением по юридическому образованию Российской Федерации для вузов.

Профессор В.В. Момотов большое внимание уделял подготовке научных кадров. В основном это были сотрудники кафедры и его преподаватели. Им как воздух нужно было защищать свои диссертации и он активно оказывал им помощь как научный руководитель.

В рамках разработанного им научного направления под его руководством защищены 30 кандидатских и 1 докторская диссертация в диссертационных советах ведущих вузов страны в Москве, Санкт-Петербурге, Саратове, Ростове, Нижнем Новгороде, Краснодаре. В.В. Момотов возглавлял диссертационный совет при Кубанском государственном университете по юридическим специальностям. С 2004 г. руководил научно-исследовательским институтом права и государства, в рамках которого велись фундаментальные и прикладные исследования в области права. Он был главным редактором журнала «Юридический вестник Кубанского государственного университета».

В 2004 г. за успехи в научно-педагогической деятельности профессор В.В. Момотов был награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Ученый активно участвовал и продолжает принимать участие во всероссийских, международных научных и научно-практических конференциях, семинарах, круглых столах, симпозиумах, тематика которых разнообразна, но тесно связано с проблемами судебной власти – «Соотношение публичного и частного интересов в механизме правового регулирования», (Санкт-Петербург, декабрь 2005 г.), «Судебный прецедент как источник права» (Мельбурн, апрель 2006 г.), «Судебная власть и ее роль в современном обществе» (Нью-Йорк, октябрь 2006 г.), «Право в системе социальных норм» (Сорбонна, март 2007 г.), «Англосаксонская и континентальная правовые традиции» (Бостон, июнь 2009 г.), «Правовая охрана конституционного строя и безопасности государства: современные подходы и международно-правовой опыт» (Москва, февраль 2014 г.), «Российская судебная власть: история, современность, перспектива» (Москва, март 2014 г.), «Последовательное укрепление судебной власти: обеспечение независимости и самостоятельности суда» (г. Хорезм, Республика Узбекистан, сентябрь 2014 г.), «Государственный суверенитет и верховенство права: особенности гражданско-правовых отношений» (Москва, апрель 2015 г.), «Совершенствование механизмов защиты прав граждан и роль адвокатуры в формировании основ правовой системы современной России» (Москва, апрель 2017 г.), «Определенность и неопределенность права как парные правовые категории: проблемы теории и практики» (Москва, апрель 2017 г.), «Право и экономика: междисциплинарные подходы в науке и образовании» (Москва, апрель 2017 г.), «Исполнение решений органов конституционной юстиции: состояние законодательства и перспективы его развития» (Москва, декабрь 2017 г.), «Вопросы обеспечения гарантий прав и свобод человека и гражданина» (Москва, декабрь 2018 г.), «Мировая юстиция: состояние, проблемы, перспективы» (Москва, февраль 2019 г.), «Совершенствование законодательства в сфере возмещения морального вреда» (Москва, июль 2019 г.), «Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации» (г. Доха, Государство Катар, февраль 2020 г.), «Судебная защита в пандемии» (Санкт-Петербург, апрель 2020 г.) и многих других.

Как преподаватель В.В. Момотов традиционно ассоциируется у многих поколений кубанских юристов с такой юридической дисциплиной, как история государства и права. Его лекции, несомненно, пользовались успехом у студентов. Это было отчасти связано с тем, что Момотов относится с глубокой иронией как к себе, так и к окружающей действительности, обладает великолепным чувством юмора и, будучи энциклопедически образованным, умело пронизывал свои лекции живыми примерами из действительности. Его лекции были яркими, живыми, ориентированными на реальную жизнь несмотря на то, что посвящены вопросам теории и истории государства и права.

На Кубани В.В. Момотов активно занимался общественной работой: был председателем Ученого совета юридического факультета, членом Ученого совета КубГУ, председателем комиссии по трудовым спорам КубГУ, членом квалификационной коллегии судей Краснодарского края, членом аттестационной комиссии Арбитражного суда Краснодарского края, членом президиума ассоциации юридических вузов России, членом комиссии по юридической науке Ассоциации юристов России. По итогам 2003 г. стал лауреатом премии «Фемида-2003» в номинации «Лучший ученый года», учрежденной юридической общественностью Краснодарского края. Награжден грамотами Министерства образования и науки РФ, медалями различных министерств и ведомств.

Все эти годы, после того как он уже работал судьей Верховного Суда РФ в Москве, он не утрачивал связи с КубГУ, родным факультетом. Старался принимать участие в мероприятиях, проводимых факультетом и университетом, поддерживал неформальные отношения с коллективом кафедры теории и истории государства и права.

В 2019 г. решением Ученого совета КубГУ за многолетние заслуги в развитии юридического образования и юридической науки, укрепление законности и правопорядка, участие в законотворческой деятельности, а также за успешные просветительские проекты В.В. Момотову присвоено звание «Почетный профессор КубГУ».

По инициативе и под руководством декана юридического факультета В.В. Момотова в 2009 г. появился на свет журнал «Юридический вестник Кубанского государственного университета», где публикуются новые оригинальные результаты научных и прикладных исследований в различных областях юридической науки. Издаваемый журнал служит целям развития юридической науки в Российской Федерации, решению актуальных научных проблем, взаимодействию ученых в России и других странах мира. С 2020 г. журнал включен в перечень ВАК.

С таким багажом знаний, достижений, заслуг, научного, административного и жизненного опыта подошел Виктор Викторович к 2010 г., в апреле которого был назначен на должность судьи Верховного Суда Российской Федерации, где работает по сей день в составе Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации. Активная жизненная позиция Момотова В.В. не позволяет Виктору Викторовичу ограничиваться текущей работой судьи Верховного Суда РФ.

В июне 2013 г. В.В. Момотов избран на должность секретаря Пленума Верховного Суда РФ, а в феврале 2019 г. утвержден членом Президиума Верховного Суда РФ. Он судья высшего квалификационного класса. Колоссальный опыт аналитической работы, наработанный в университете в качестве ученого, очень востребован на должности секретаря Пленума Верховного Суда РФ, ведь здесь Виктору Викторовичу, хотя и не в одиночку, приходится изучать огромные объемы информации, материалов конкретных дел, находить в не всегда единообразной правоприменительной практике наиболее эффективные, оптимальные варианты понимания норм права, а затем излагать это выверенное толкование оптимальным образом. Также В.В. Момотов является ученым секретарем Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, принимает непосредственное участие в разработке и подготовке обзоров судебной практики, а также регулярно выступает по актуальным вопросам судебной практики на оперативных совещаниях судебного состава по гражданским делам и семинарах судебной коллегии.

В.В. Момотов представляет Верховный Суд РФ в рамках межведомственного взаимодействия с федеральными органами законодательной и исполнительной власти, в том числе участвует в подготовке проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов, инициированных Верховным Судом РФ и представляет данные законопроекты в палатах Федерального Собрания Российской Федерации. Так, по поручению Председателя Верховного Суда РФ В.В. Момотов возглавлял комиссию, куда входили представители Правительства РФ и других ведомств, в рамках которой обсуждались и вырабатывались основные положения судебной реформы 2018 г., и в дальнейшем представлял разработанные законодательные инициативы в Государственной Думе и Совете Федерации.

За значительный вклад в развитие законодательства Российской Федерации Виктор Викторович отмечен благодарностью Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. За добросовестную работу неоднократно награждался Почетными грамотами Верховного Суда Российской Федерации.

Как представитель Верховного Суда РФ Виктор Викторович регулярно принимает участие в форумах, круглых столах и конференциях, организуемых на различных площадках, в целях доведения до сведения гражданского общества, а также юридической общественности и научно-академической среды позиции высшей судебной инстанции и судейского сообщества по актуальным вопросам законодательства, правоприменения и реформирования судебной системы. В.В. Момотов является одним из инициаторов и постоянным участником интеллектуального Клуба имени Д.Н. Замятнина (министра юстиции Российской империи, который вошел в историю как идейный и фактический руководитель масштабной судебной реформы 1864 г.), целью создания которого является проведение на регулярной основе дискуссий по вопросам организации и деятельности судебной власти, необходимости дальнейших преобразований и их формы, формирования в обществе уважения к суду и государству, налаживания конструктивной коммуникации между профессиональным юридическим сообществом и средствами массовой информации. Виктор Викторович в своих выступлениях затрагивает актуальные для юридического и гражданского сообщества вопросы, в его выступлениях уже были раскрыты такие темы, как «Справедливость как правовая категория», «Доступность правосудия. Право на судебную защиту», «Возмещение морального вреда: опыт и традиции в российской правовой системе через призму справедливости и разумности», «Состязательность судебного процесса в России: современные реалии и перспективы развития», «Совершенствование института присяжных заседателей», и многие другие. Высказанные им в рамках интеллектуального клуба позиции и предложения получили большой общественный резонанс и активно обсуждались юридической общественностью России.

В 2016 г. на девятом Всероссийском съезде судей Российской Федерации Виктор Момотов был избран председателем Совета судей Российской Федерации, и как представитель всего судейского сообщества он несет высокую ответственность за повышение качества и эффективности деятельности судебной системы, применяя свои лучшие профессиональные навыки и знания. По сегодняшний день он в этом качестве осуществляет руководство Советом судей РФ, а также принимает активное участие во взаимодействии с другими органами судейского сообщества и в жизни судейского сообщества, в

том числе в организации международного сотрудничества и диалога между судебными системами Российской Федерации и других государств.

Представляется, что взлет от рожденного в небольшом поселке на юге России мальчика до руководящих должностей в высшем судебном органе огромной многомиллионной страны – это закономерный путь пытливого, светлого ума, целеустремленного характера и осознания необходимости эффективного служения Отечеству на избранном поприще. Именно таков наш учитель Виктор Викторович Момотов! Его успешная деятельность может быть красочно проиллюстрирована строками из стихотворения Николая Алексеевича Некрасова (1856 г.):

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то и знай, –

Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой...

Отметим, что подробно рассмотреть в формате юбилейной статьи всю многогранную преподавательскую, научно-исследовательскую, административную, общественную и судебную деятельность В.В. Момотова невозможно. Вместе с тем приведенные факты свидетельствуют о том, что любая деятельность из названных сфер ведется им энергично и эффективно. Авторы, члены редколлегии «Юридического вестника Кубанского государственного университета» желают Виктору Викторовичу Момотову творческого долголетия и дальнейших профессиональных достижений.

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Дзидзоев Р.М. Институт федеральных территорий в Российской Федерации (на примере федеральной территории «Сириус») 2

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Потапенко С.В., Павлов Е.А. Цифровые права в системе объектов гражданских прав 9

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Дак Биен Май Полномочия прокурора в досудебном производстве по Уголовно-процессуальному кодексу Вьетнама 2015 г. 15

Костенко Р.В., Шульгина Е.В. Проблема определения процессуальной формы показаний обвиняемого 23

Семенцов В.А., Рудакова С.В. Современные проблемы обжалования в отечественном уголовном судопроизводстве 33

КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Калужина М.А. Технологии измерения поведения осужденных в местах лишения свободы: российский и зарубежный опыт 43

Маркосян Г.А., Бондаренко Ю.А. Особенности организации и планирования расследования преступлений, связанных с использованием вредоносных компьютерных программ 51

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Добробаба М.Б. Правосознание государственного служащего: понятие и значение для обеспечения эффективности дисциплинарной ответственности 58

Епифанова Е.В., Латынцева В.А. Государственный контроль и надзор в сфере медицинской деятельности (административно-правовые и административно-процессуальные аспекты) 69

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Попова Ю.А. Судебное право в контексте современного интегративного правопонимания 77

КОНФЕРЕНЦИИ, СИМПОЗИУМЫ

Семенцов В.А. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности» 82

ЮБИЛЕИ

Адыгезалова Г.Э., Ярыш В.Д., Фарои Т.В., Михель Д.Е. К юбилею ученого и судьи 87